

Константин Амур

НЕБЕСНЫЕ

ОГНИ

часть вторая

Константин Эдуардович Амур

Небесные огни. Часть вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49791082

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-92095-8

Аннотация

Виктор Шелест, молодой человек из Санкт-Петербурга, вместе со своими друзьями продолжает поиски древних артефактов атлантов, оставленных ими в подземельях Южной Америки и Европы. Параллельно в романе рассказывается о жизни средневекового естествоиспытателя и алхимика Гая Герметика, о деятельности американских и английских спецслужб, также ведущих охоту за технологическим наследием цивилизации Атлантиды, об основных операциях нацистского «Аненэрбе».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

195

Константин Амур

Небесные огни.

Часть вторая

Великие тайны нашего бытия только предстоит разгадать,

Даже смерть может оказаться еще не концом.

Никола Тесла

Северная Норвегия

губерния Нурланн

Балланген

сентябрь 1860 года

Ингмар Ларсен все детство провел, воспитываясь у своей бабушки на севере страны в коммуне Балланген, расположенной на берегу Уфут-фьорда. Его отец-лесопромышленник, владелец перерабатывающего завода, резонно считал, что вдали от города его сын получит строгое воспитание и привычку к ежедневному, созидательному труду. Юный Ингмар зимой, в холодные морозные вечера, заслушивался народными сказами своей воспитательницы, вязавшей шерстяные свитера для местных рыбаков, о древних временах и скрытном народе, хозяине здешних пещер и подземелий – троллях, о спрятанных ими в горах несметных богатствах. А

в теплое время года, в перерывах между помощью по хозяйству деревенским родственникам, мальчик гулял по ближайшим ущельям и фьордам с изумрудной водой со старым Гертрудом Вааге, также жившим при коммуне. Этот еще бодрый дед лечил соседей травами от простуды и хворей, пользовал рыбаков от сопутствующего их промыслу ревматизма. Никто не знал, откуда он в коммуну пришел. В быту был скромен и немногословен, о жизни своей не рассказывал ничего.

Неясно, чем его привлек любознательный и не по годам смысленый Ингмар, но начал Вааге в свободное время мальчика учить собирать лекарственные растения, да камешки-минералы, их в здешних горах и сопках завсегда найти можно было. Когда ученик подрос и стал приезжать на побывку из города на школьные каникулы, принялся старый Гертруд брать сорванца в пешие прогулки по возвышенностям, а то и с рыбаками на парусной шхуне переправляться на другую сторону протяженного Уфут-фьорда. Учил знахарь своего подопечного много чему. Как ориентироваться на местности с помощью кристалла исландского шпата, получившего у мореплавателей-викингов название «солнечного камня». Как добыть огонь без спичек и обогреться в студеную пору в расщелине, да и переночевать там. Как снискать себе прокорм голыми руками в любом месте и диком тоже. Но больше всего он водил Ингмара по пещерам, расположение коих знал наизусть. Некоторые гроты уходили в глубокие протяженные подземелья без конца и края.

– Тут раньше жил один народ, не люди, с нас ростом, но силы и свирепости невероятной, – рассказывал своему ученику Вааге, показывая в катакомбах при свете факела кем-то вырубленные в каменных стенах ниши, словно лежаки. – Они здесь и сейчас иногда встречаются. К ним надо относиться с уважением.

– Ты говоришь о троллях? – спросил чудаковатого старика Ларсен.

– Их малограмотные так называют, – ответил тот. – Народ этот имеет очень древнюю историю и умнее обычных людей. Будешь соблюдать их обычаи, они тебя не тронут, а еще и драгоценных камней, злата с собой дадут. Повезет их встретить в подземелье – сразу все детские страхи уйдут. Враз смелым станешь, если повезет выжить!

Наставник зашелся в хриплом смехе, видимо вспомнив что-то забавное.

В одной из пещер в подземелье подросток заметил стелющийся по ее дну беловатый дымок, словно от полупотухшего дымокура.

– Что это? – задал вопрос Гертруду Ингмар.

– Это «сок земли» – субстанция, поднимающаяся по скальным трещинам из глубины недр на поверхность. Наверху его обычно не видно, так как он сразу испаряется. Только в глубоких пещерах, а также на болотах и гиблых местах, «сок земли» бывает, собирается в лужицы, – пояснил знахарь, отодвинув свой чадающий факел в сторону, и присмотр-

релся к странному дымку. – Надо сюда через пару месяцев наведаться с кубышкой. Соберется достаточно, можно будет забрать с собой.

– Зачем тебе он?

– Нужная вещь, – ответил Вааге. – Подземный народ с его помощью золото из руд выделяет и в каменных толщах далеко странствует. А простого человека при неосторожном прикосновении к созревшему «соку земли» субстанция может убить или сделать калекой на всю жизнь. Потому несведущий люд приписывает ему волшебные свойства. Ты слышал о нем в сказках от твоей бабушки Гудрун?

– Нет, – сказал Ларсен.

– О нем мало кто знает, – заметил старик. – А кто знает, молчит или боится о нем говорить.

Вернувшись в подземелье через два месяца Гертруд с кубышкой из странного, очень тяжелого тускло-зеленого стекла и ученик увидели в пещере с дымком целую лужу «сока земли», скопившегося в одном из углублений. На его зеркальной поверхности была рябь, из которой время от времени, словно отпочковываясь от основной массы субстанции, вверх взлетали голубые шары размером не более ржаного колоска, сразу улетающие прочь по ходам подземелья.

– Опоздали, – с сожалением молвил знахарь, потянув за руку Ингмара из грота. – Придем сюда через месяц, если от лужи что-нибудь еще останется.

– Что это за шары? – заинтересовавшись, спросил настав-

ника подросток.

– Огневики, очень древняя форма земной жизни, – сообщил Вааге. – Некоторые виды огневиков разумны, но не как люди. Нам неведома суть их логики. Я потом тебе все расскажу поподробней.

– Не говори никому, где ты был и что видел в той пещере, – предупредил Ларсена старик, когда они подходили к берегу фьорда, откуда их до Баллагена должна была забрать парусная шхуна рыбаков. – Обвинят меня в колдовстве и выгонят из коммуны.

Подросток стал больше жить в Нарвике у родителей, учась в начальной школе. В следующем году он там же поступил в гимназию. Гертруда Вааге Ингмар редко встречал, последний часто теперь отсутствовал в коммуне Баллангена. После окончания гимназии с отличием юноша ненадолго заехал к своей бабушке Гудрун.

– А где старый Вааге? – спросил он ее. – Давно его не видел.

– Так зимой еще представился, – ответила та. – Похоронили на здешнем погосте, можешь сходить навестить.

– Как умер! – изменился в лице Ингмар.

– Так, – просто сказала бабушка. – Время пришло, Господь позвал к себе. Ой, я чуть не забыла!

Старушка всплеснула руками и достала из-под кровати в избе небольшой ящичек с ручкой, в каких обычно носят инструменты.

– Вот, просил тебе передать незадолго перед своей кончиной, – молвила она, глядя на внука подслеповатыми глазами. – Я и не заглядывала туда, привычки такой не имею.

– Что там! – чуть не расплакавшись, выдавил из себя юноша.

– Наверное, травяные сборы и корни. Вон как пахнет. Ты же вечно с ним лазил по окрестностям, вместе отвары делали, хотел знахарем стать. Старый Гертруд сказал, что наследство тебе оставляет. И еще стеклянные банки с черпаком, тяжеленные какие, несколько штук стоят у меня в кладовке. Чего он в них хранил, соленья что ли, крышки хорошо пригнаны.

Бабушка Гудрун улыбнулась морщинистым лицом, и только сейчас молодой человек понял насколько преклонных лет его воспитанница. Он сообразил, о каких банках идет речь и что в них хранил старый Гертруд.

Уже в доме родителей в Нарвике он решился открыть неожиданный подарок. Под слоем сухих трав лежали три старинные рукописные книги в вытертых, местами лысых, кожаных переплетах и на самом дне простенький, но тяжеленький хлопчатобумажный мешочек с горстью, как впоследствии показала экспертиза, необработанных драгоценных камней.

Спрятав в подвале особняка полученное наследство Гертруда Вааге, Ингмар к большому удивлению своих родителей решил стать физиком, а не пойти по стопам отца. Молодой

человек поехал учиться в Германию в Мюнхенский университет, благо финансовое состояние его родителя вполне позволяло оплатить заграничное образование сына. После окончания учебного заведения молодой Ларсен несколько лет стажировался в лабораториях известных немецких ученых, а иных и совсем маститых, в области экспериментальной физики и минералогии. Наконец он вернулся в родной Нарвик, несмотря на уговоры своих университетских профессоров остаться в Германии и прочивших ему блестящую карьеру ученого. Родители Ингмара к тому времени уже умерли и молодой человек обосновался в фамильном особняке, живя рантье на доходы с банковских вкладов и ценных бумаг покойного отца. Ларсен оборудовал в подвале дома прекрасно оснащенную лабораторию и не привлекая внимания окружающих занялся углубленным изучением манускриптов Гертруда Вааге, пытаясь проводить физические опыты на основе почерпнутой информации из этих научных трудов.

Первый из них, написанный на латыни неким естествоиспытателем Средневековья Фридрихом Проциусом был озаглавлен как «Магия зеркал. О сути многих других миров, близких и далеких, лежащих рядом с нашим». Автором манускрипта излагались его рассуждения о множестве трехмерных пространств с разнотекущим временем, включая наше, сообщавшихся между собой в некоторых физических точках особыми проходами. Проциус¹, ссылаясь на работы

¹ Procius (лат.) – следующий после собаки. (прим. авт.)

своего учителя, некоего Гая Герметика, приводил точное местоположение оных с привязкой на местности в старинных мерах единиц длины относительно природных или рукотворных ориентиров. Автор указывал также, что проходы эти не всегда открыты или меняют свою локацию, и пройти в другие миры из нашего, равно как и вернуться назад, возможно лишь посредством творимого заклинания и всецелой концентрации на нем. Заклинания приводились далее по тексту.

Второй манускрипт был написан рукой Гертруда Вааге, Ингмар сразу узнал его почерк. Это был герметический справочник по минералогии и лекарственным растениям, применительно к алхимии со старинными названиями и их соотносением к современным. Ларсен знал назубок некоторые места в этой рукописной книге.

Третий манускрипт был также написан старым Вааге и посвящался исследованию свойств вогнутых зеркал и «сока земли». А также способам получения информации через зеркала, созданию из подземной субстанции огневиков, управлению ими на расстоянии с помощью особой свирели, схематический разрез которой был представлен на одной из страниц. Судя по манере изложения и стилю написанного наставник Ларсена несомненно обладал превосходным образованием, полученным в одном из европейских университетов.

*Бразилия
штат Пара
верховья реки Шингу
август 1895 года*

Сзади послышался шорох и Чарльз обернулся.

Ного сразу же обожгла нестерпимая боль.

Вытащивший из его бедра свое копьё дикарь попытался ударить еще раз, но неожиданно захрипел и закатив глаза повалился под куст. За ним стоял молодой парень-подсобник с окровавленным кинжалом в руке.

– Мистер Фотергилл, вы можете идти? – спросил он, спокойно присев и рассматривая рану англичанина.

Тот, кривясь от боли, достав из кармашка рюкзака индивидуальный перевязочный пакет, протянул его парню.

– Бинтуй поверх штанины, Педро, – сказал, закусив губу, Фотергилл. – И потуже!

Внезапно впереди по тропе, скрытой тропическими зарослями, метрах в трехстах дальше, куда успела уйти основная часть группы, раздались дикие вопли, беспорядочная стрельба и шум завязавшейся схватки.

– На них напали индейцы! – воскликнул англичанин. – Им не вырваться!

Поддерживаемый Педро, уже успевшим наложить повязку, они бросились обратно по тропе, стараясь уйти подальше, пока их не обнаружили воины неожиданно напавших в сельве на европейцев племени аборигенов. Продираясь напролом через гущу папоротников и кустарника беглецы слышали леденящие душу крики, понемногу стихавшие по мере их продвижения к спасительной реке.

Спустившись по склону с пригорка, где начиналась и уходила вглубь нескончаемых джунглей стена леса, два человека оказались на берегу реки, несущей свои воды далее в Амазонку по руслу, изгибающемуся на протяжении более двухсот километров. На последних метрах к трем лодкам, вытасненным на отмель с охранником-белым при них, у едва переставлявшего ноги англичанина совсем отказали силы и он, споткнувшись об корягу, растянулся на земле.

– Мистер Фотергилл, нам надо уходить отсюда! Чарльз, вы слышите меня?! – стал его трясти Педро, пытаясь привести в чувство и озираясь, крикнул охраннику. – Эй, помоги мне!

От суденышек к ним подскочил заросший косматой черной бородой крепкий малый в старом военном френче и сапогах, сообщая подняв с парнем раненого и доведя того до одной из лодок.

– Что ты делаешь?! – вырвалось у охранника, когда он увидел как Педро начал остервенело прорубать днища двух других суденышек топором, взятым из лодки. – А как же остальные?! И где они, я слышал в сельве выстрелы, что слу-

чилось?!

– Они им больше не понадобятся! Дикари напали, только нам удалось уйти! – не переставая рубить, ответил парень. – Садись за весла, за нами может быть погоня!

Они общались на дикой смеси английского и португальского языков, но прекрасно понимали друг друга.

Вдвоем европейцы сноровисто столкнули на воду суденышко с опять пребывавшим в беспамятстве Фотергиллом, закинули туда свои карабины и, орудуя веслами, стали плыть по течению реки к Альтамيره, ближайшему городку в этой глуши, лежащему в пятистах километрах к северу.

Ближе к концу XIX века эта область Амазонии вплоть до Манауса привлекла пристальное внимание бразильских плантаторов из-за повышенного интереса к натуральному каучуку со стороны промышленников США и Европы. С этой целью вдоль берегов и притоков полноводной Амазонки были расчищены от леса земли и посажены на обширной территории десятки тысяч каучуконосных гевей, что сулило большую прибыль через несколько лет. Вслед за плантаторами и их пеонами² в Манаус и прилежавшие ему земли потянулись старатели, рабочие сопутствующих фабрик и мастерских, праздный и распутный люд. В городе открылись театр и рестораны, забила фонтаном ночная жизнь. Не редкостью стало появление здесь иностранцев-инвесторов и исследователей-ученых из Старого света, к тому же Бразилия в послед-

² Пеон – батрак на плантациях в Латинской Америке. (прим. авт.)

нее десятилетие принимала очередную волну эмиграции. По берегам Амазонки и ее многочисленных притоков были снаряжены команды ботаников для выяснения возможности создания новых плантаций гевеи. Вот и группа Чарльза Фотергилла под этим прикрытием отправилась в верховья реки Шингу, на самом деле имея совсем другую цель. Ее послала тайно в эту страну одна из британских масонских лож и Банк Англии, на который имел влияние финансовый клан семейства Ротшильдов, получив через свою агентуру в Бразилии сведения о том, что в этом районе непроходимых лесов может находиться затерянный в сельве Эльдorado, мифический «Золотой город», исчезнувшей в незапамятные времена Атлантиды. Хозяева Фотергилла прекрасно отдавали себе отчет о возможности получения в результате этих изысканий информации о революционных технологиях древней цивилизации, больших количеств золота и артефактов. Снарядив секретную экспедицию британских ученых, масоны и Ротшильды отдали ее под руководство профессионального английского разведчика, кем и являлся в действительности Фотергилл.

Напротив, подсобный рабочий группы Чарльза Фотергилла Педро, спасший раненного британца, случайно попал в эту историю. Вообще-то его звали Соломон Розенблюм и родился он в Одессе в Российской империи в 1873 году. Не по годам шустрый и смывленный еврейский юноша принимал самое активное участие в 1892 году в революционной сту-

денческой группе «Друзья просвещения», в результате чего был арестован царской охранкой. Так или иначе, решив более не испытывать судьбу, после освобождения он по подложному паспорту ушел за границу, нанявшись матросом на английский пароход, следующий в Южную Америку. В Бразилии, где он сошел на берег, работал вначале в порту, потом на строительстве дорог, на плантациях, а год спустя устроился подсобником в экспедицию британской разведки. Представившись новому работодателю как Педро, Соломон сразу понял, что изучением тропических растений в иностранной поисковой партии и не пахнет. Но виду не подал, прилежно выполняя свои незамысловатые обязанности в группе. Был исполнителен, вежлив с остальными, не раболепствовал и соблюдал дистанцию, чем снискал со временем уважение наблюдательного Фотергилла. Проявив хладнокровие и недюжинную для своих молодых лет смелость смог сохранить жизнь своего патрона.

Трое беглецов добирались по Шингу до Альтамиры в течение почти трех месяцев. Португалец и Педро гребли по очереди, сменяя друг друга. Чарльзу меняли повязки на ране при ночевках на берегу. Питались рыбой, варя ее в котелке или жаря на вертеле над углями костра.

Им повезло. Они ушли от дикарей целыми, а может тех вполне устроили захваченные трофеи и мягкое, нежное мясо убитых белых. И рана на ноге Фотергилла не воспалилась, помогли компрессы из целебных трав, в которых разобрался

охранник-португалец, перебравшийся в эти края десять лет назад и научившись этому у местного знахаря.

В одну из последних ночей перед Альтамирой европейцы решили не ночевать на суше. Стояло безветрие, ярко светила луна. Англичанин сидел на корме, грести была очередь Педро.

Неожиданно послышался мощный всплеск и к бородачу, устроившемуся на носу лодки, из воды метнулось гигантское извивающееся тело. В мгновения ока ноги охранника остались торчать из пасти громадной змеи, два зеленых глаза которой, не мигая, смотрели на оцепеневших в непередаваемом ужасе оставшихся в суденышке людей. Голова реликтового пресмыкающегося величиной с взрослого мужчину исчезла как кошмарное видение вместе с португальцем за бортом....

...Спустя время двое заросших нечесаных людей в грязных лохмотьях из утреннего тумана причалили к лодочной пристани Альтамиры, провожаемые долгим взглядом неспавшегося с вечерней гулянки похмельного сторожа. Фотергилл от ночной драмы заработал на всю жизнь заикание, Соломона Розенблюма долго преследовал лицевой тик.

Английский разведчик по достоинству оценил услуги своего подсобного рабочего. По прибытию обоих в Лондон после их приключений патрон Педро предложил тому работать на разведслужбу Великобритании. Ей были нужны инициативные хладнокровные сотрудники, способные к освоению

других языков и быстрой адаптации в незнакомой обстановке. Подыскали Соломону и молодую, состоятельную вдову, фамилию которой он взял себе, став Рейли. А имя свое изменил на Сидней для большей благозвучности. Пройдя специальную подготовку, этот малый плодотворно поработал во Франции, на Дальнем Востоке, в США. Действовал и в России наездами с 1897 по 1925 год, где провел немало операций, как против царского режима, так и против коммунистов. Только в 1925 году после предварительного ареста и содержания в тюрьме на Лубянке чекисты ликвидировали этого несомненного врага Советской власти.

* * *

РСФСР

Москва

посольство Германской Империи

6 июля 1918 года

Подъехав к особняку германского посольства в Денежном переулке массивный черный «Паккард» остановился у кромки тротуара. Из представительского авто вышли два человека в кожанках и кепках с портфелем и прошли в двухэтажное здание.

— Господин посол, к вам посетители, — постучав в дверь кабинета, сообщил его секретарь.

– Я же просил, никого не принимать, – раздраженно ответил граф Вильгельм фон Мирбах, подтянутый мужчина с короткой стрижкой и при аккуратно подстриженных усах. – Сейчас в Москве время беспокойное, «товарищи» же преу-преждали.

Последнюю фразу немецкий дипломат произнес с легкой издевкой, просматривая лежащие перед ним на столе бумаги.

– Они из ВЧК, представились как Блюмкин и Андреев, – смущенно пояснил секретарь.

– Проси́, – принял решение посол. – Я выйду к ним в гостиную.

Граф встретился с неожиданными визитерами в светлой пиджачной паре, вопросительно глядя на них.

– Мы привезли вам бумаги, свидетельствующие о шпионской деятельности вашего родственника Роберта Мирбаха, – заявил ему назвавшийся Блюмкиным чекист, из-под куртки которого был виден военный френч.

Адъютант военного атташе лейтенант Леонгарт Мюллер, как и советник посольства доктор Курт Рицлер, присутствовавший при разговоре, перевел германскому послу слова официального представителя ВЧК.

– Я никогда с ним не встречался, – ответил немецкий дипломат.

– Советское правительство готово принять меры, – добавил второй чекист Андреев, отвлекая внимание на себя.

Внезапно Блюмкин выхватил револьвер и несколько раз выстрелил в Мирбаха. Не растерявшийся Мюллер в ответ пальнул в чекиста из «парабеллума», оказавшегося у него в кармане.

Германский посол остался лежать, распростершись на полу гостиной, остальные немцы бросились вон из помещения.

Скрючившись от боли и пули в ногу, Блюмкин метнул им вслед бомбу. Раздался взрыв, во все стороны засвистели осколки.

Воспользовавшись паникой сотрудников посольства чекисты выскочили из особняка и умчались на авто, впопыхах забыв в гостиной свой портфель, в котором позднее обнаружили их мандаты-удостоверения.

Этот террористический акт был подготовлен левыми эсерами в надежде разрыва хрупкого Брестского мира между РСФСР и Германией и начала всеобщего восстания против засилья партии большевиков.

Яков Гершевич Блюмкин, короткостриженный молодой человек с решительными манерами, был родом с Черниговской губернии Российской империи. Он родился в 1898 году в еврейской семье приказчика и домохозяйки. Окончив перед Первой мировой войной духовное училище работал электромонтером. Принимал участие в отрядах еврейской самообороны против погромов в Одессе, воевал с матросами-анархистами против войск украинской Центральной Рады. В 1918 году примкнул к партии левых эсеров, а не к

национально-политическому объединению «Бунд», как это делали его сверстники из еврейской молодежи. Прибыв в Москву, был направлен своей партией на работу в органы ВЧК в отдел по борьбе со шпионажем. После убийства Мирбаха сбежал из столицы, опять оказавшись на фронтах гражданской войны, но спустя два года вернулся и покаялся властям, заложив многих своих товарищей по восстанию левых эсеров. Удивительно, но не шлепнули и простили. За него замолвил слово сам Лейба Троцкий, сделав этого афериста начальником своей личной охраны. Живший какое-то время вместе со своей семьей в Львове еще до Первой мировой войны, Блюмкин учился в немецкой гимназии и быстро овладел иностранным языком, говоря на нем без акцента. Эти и другие способности пригодились ему, когда шустрого Яшу в 1923 году определили на учебу в разведшколу Иностранного отдела ОГПУ. Позже по личной рекомендации Троцкого направили на учёбу в Академию Генерального штаба РККА на восточное отделение. Там Блюмкин к знанию иврита и немецкого добавил владение китайским и монгольским языками, а также навыки оперативно-агентурной работы разведчика-нелегала.

Но еще больше рассорить большевиков и кайзеровскую Германию была заинтересована Великобритания, поскольку это всецело отвечало ее геополитическим интересам и интересам финансового клана семьи Ротшильдов, контролировавших экономику этой империи. А известный развед-

чик «Интеллидженс Сервис» Сидней Рейли, действовавший в это время на Украине, в Петрограде и Москве, оказывал большую помощь оружием и деньгами контрреволюции, в том числе левым эсерам. Этот Рейли, известный в молодости как Соломон Розенблюм из Одессы, по странному стечению обстоятельств приходился двоюродным братом нашему Якову Блюмкину.

* * *

*Северная Норвегия
губерния Нурланн
окрестности Уфут-фьорда
июль 1878 года*

Немного вникнув в оставленные ему в наследство Вааге манускрипты, Ингмар Ларсен решил побывать в пещере с «соком земли», куда он ходил с наставником, чтобы попытаться собрать немного подземной субстанции и поэкспериментировать с ней.

Добравшись до коммуны Балланген, он навестил свою воспитательницу Гудрун, а затем рано поутру отправился с рыбаками селения на промысловой шхуне на противоположный берег Уфут-фьорда.

– Подходи к четырем часам после полудня, – сказал ему после высадки капитан шхуны, старый кряжистый норвежец

с задубевшим от соленого ветра лицом. — Будем ждать здесь же.

Закинув рюкзак с кубышкой и сэндвичами за плечи, естествоиспытатель неторопливо пошел по петляющей тропинке в сопки, вспоминая дорогу в подземелье, оглядывая вздымающиеся перед ним горные хребты. Рыбакам он сказал, что решил собрать лекарственных трав и минералов для своей коллекции.

Пройдя около двух часов и поднявшись на кручи по тропе, Ингмар зашел за один из скальных выступов, проникнув в небольшой сумрачный зев пещеры. Подождав пока привыкнут глаза к темноте молодой человек поджог один из факелов, вязанку которых захватил с собой, и сориентировавшись, стал пробираться по наклонному ходу в каменной толще. В подземелье было тихо, только иногда слышался отчетливый звук падающих со свода капель воды. Временами Ларсен сверялся с пометками своего наставника, обнаруженным им в конце его манускрипта, чтобы ненароком не заплутать в этих протяженных катакомбах и разветвлениях ходов. Его путь давно уже расширился и представлял собой туннель с шершавыми на ощупь ровными стенами.

Дойдя до искомой пещеры, ученый с радостью обнаружил в углублении на ее дне зеркальную лужу с легким дымком поверху. Достав из рюкзака кубышку естествоиспытатель очень осторожно, как учил Вааге, зачерпнул подаренным ему стеклянным черпаком опасную субстанцию и пере-

нес ее в подготовленную емкость. Через полчаса сосуд был наполнен. Закрыв его плотно крышкой из того же материала, что и сделанная кубышка, Ингмар туго обвязал прочной просмоленной веревкой и поместил его обратно в рюкзак, ставшим тяжелее минимум на полпуда. Молодой человек стряхнул с черпака капли субстанции и достав сандвичи присев стал их механически есть, прикидывая по весу плотность своего груза и поняв, что «сок земли» тяжелее ртути.

Передохнув с полчаса и попив воды из фляги, Ларсен пустился в обратный путь. Двигаясь по туннелю на одном из его ответвлений, ученый остановился и прислушался.

Навстречу ему кто-то явственно шел, иногда шумно отдуваясь в крошечной тьме. Естествоиспытателю сразу же вспомнились рассказы бабушки Гудрун и старого Гертруда о подземном народе троллей и у него волосы зашевелились на голове.

Оглянувшись и осветив факелом окружающее его пространство, взгляд Ингмара упал на ответвление тоннеля в узкий ход и он бросился туда в надежде избежать встречи с монстрами. Отступая уже с потушенным огарком, молодой человек ускорил шаг, касаясь стены, пытаясь уйти подальше от напасти. Неожиданно он налетел на каменную преграду и, ощутив ее, понял, что угодил в тупик.

– Черт! – глухо ругнулся Ларсен, хлопнув ладонью по скале и развернувшись обратно.

Впереди слышалось приближающиеся к нему во мраке

тяжелые шаги и сопенье. Ученый почувствовал, как сперло его дыхание, и комок подкатил к горлу. Он стиснул зубы, обливаясь холодным потом от накатившей разом волны удушливого страха. В нескольких метрах от него в ходе чувствовалось присутствие какого-то большого существа и его звериный запах, которое явно осязало естествоиспытателя и намеренно свернуло в тупик для встречи с ним.

Не выдержав психологического давления и потеряв контроль над собой, Ингмар чиркнул кресалом и увидел на расстоянии вытянутой руки двух жутких бестий ростом с человека, но много шире, с мощными мышцами, одетых в рубище. Монстры имели крупные головы с лицами, заплывшие складками жира. Большого молодой человек не успел разглядеть из-за длинных спутанных косм, из которых на него уставились две пары громадных глаз с немигающими змеиными зрачками.

При вспышке искр кресала от троллей раздался такой силы крик, что звуковой волной Ларсена отбросило на стену тупика. От страха заорал по-звериному и ученый, уже прощаясь с жизнью. Чудовища надвинулись на него, и естествоиспытатель почувствовал приближение своего конца.

Вывалив из рюкзака кубышку под ноги бестий, он отрешенно привалился к стене. Монстры остановились вплотную к человеку и гортанно перебрались парой фраз. Один из них наклонился к заинтересовавшему его сосуду и провел по нему своей лапой с мощными когтями.

Ингмар мог поклясться, что наклонившийся к емкости тролль о чем-то задумался. Чудовище разогнулось и, развернувшись, ушло по ходу в темноту, держа в обеих лапах на уровне торса его кубышку. Другой тролль бросил под ноги молодому человеку тряпичный мешочек, что-то рыкнул и удалился за первым. Следом за ними сразу же исчезла нечеловеческая вонь и жуткий страх, парализовавший волю Ларсена.

Он обессилено оперся о шершавую стену и от полноты чувств заплакал. Потом его начало трясти, нижняя челюсть выбивала дробь, грозя прикусить язык.

Немного успокоившись и взяв себя в руки, ученый дрожащими руками зажег факел, поднял валявшийся перед ним тяжелый мешочек и прихватив свой рюкзак побрел к выходу в туннель, чтобы выбраться на поверхность. Он то и дело, словно пьяный, задевал плечами стены, оглушенный увиденным и кое-как подсвечивая себе.

Еще пару часов у него ушло наверху у скального выступа, где естествоиспытатель просто лежал на земле и бездумно глядел в небо на проплывающие облака, временами впадая в забытие между навью и явью.

– А мы уж думали, что ты заплутал в горах, опаздываешь, – укоризненно сказал Ингмару стоявший на берегу около сходни промысловой шхуны покуривавший свою трубку капитан и, приглядевшись, воскликнул. – Да на тебе лица нет! И поседел как!

Рыбаки народ немногословный, всякое в жизни видели. Никто не стал расспрашивать молодого человека, что с ним произошло, оставив того рассеянно глядеть на изумрудные воды Уфут-Фьорда и приближающийся причал родного Баллангена.

* * *

Соединенные Штаты Америки
штат Колорадо
Колорадо-Спрингс
июнь 1899 года

К приземистому одноэтажному, из бурого кирпича зданию с большой решетчатой мачтой высотой шестьдесят метров подъехала двуколка.

– Вылезайте, Самуэль, – окликнул своего спутника правившей лошадью пожилой джентльмен с пышными, седыми усами, одетый в тройку с бабочкой, привязав гнедую за вожжи к коновязи, установленной у входа в строение.

Прибывшие вошли в дом, одиноко стоявший посреди большого пустынного участка на краю города Колорадо-Спрингс, расположенного в центральной части США, в округе Эль-Пасо на восточных отрогах Скалистых гор.

Здесь, начиная с 1899 года по приглашению местной электрической компании занимался экспериментально-практи-

ческой деятельностью сербский изобретатель Никола Тесла, перебравшийся в США в 1884 году. Исследуя электричество и распространение электромагнитных волн в воздухе Тесла построил высокую мачту над арендованным в Колорадо-Спрингс здании, разместив на ней и во внутренних помещениях дома созданные им электротехническое оборудование, создав мощный излучатель. Расположив в основании мачты гигантскую индукционную катушку, а на ее вершине другую под медной полусферой, используя их как трансформатор-преобразователь, этот талантливый изобретатель подавал на первичную обмотку, один конец которой был заземлен, электрический переменный ток в несколько тысяч вольт с местной электростанции, получая во вторичной обмотке на верхушке мачты уже несколько миллионов вольт с частотой сто пятьдесят тысяч герц. К вторичной обмотке было подключено самонастраивающее устройство с ферритовым сердечником. Посылая с мачты электромагнитные волны в воздушное пространство, изменяя их частоту и мощность, Тесла опытным путем добился эффекта стоячей волны, а затем и ее резонанса, позднее получившего название по продолжившим эти работы немецким физиком «резонанс Шумана». Во время работы излучателя башни Теслы его шум был подобен раскатам грома, а длина коронарных разрядов в воздухе достигала десятков метров. Эта установка у местных обывателей получила название «генератор молний Теслы».

Пройдя в дом, приехавшие оказались в большом помеще-

нии, заставленном железными шкафами с различными приборами. Рядом с оборудованием на стуле в вольной позе, закинув одну ногу на другую, сидел Никола Тесла. С одного из аппаратов, имевшего несколько металлических штанг с шариками на концах, расставленных словно пальцы ладони, с тихим шипением и потрескиванием, словно гремучие змеи, в окружающее пространство залы били постоянные искровые разряды, причудливо искривляясь в разные стороны, напоминая корявые ветки разросшегося кустарника. Сербский изобретатель, казалось, совсем не замечал скопища разрядов вокруг него, погрузившись в какое-то оцепенение и предаваясь размышлениям.

– Поговаривают, что он в такие моменты общается с потусторонними силами, – сказал возница Самуэлю. – Иначе, как объяснить его сонм изобретений и дар предвидения, все то, что вместе называют гениальностью.

Прибывшие окликнули Теслу.

Никола очнулся от забытья и подошел к приехавшим, спокойно обходя разряды.

– Не бойтесь их? Ведь это опасно, – поинтересовался один из визитеров.

– Они как живые, – улыбнулся серб. – Мы прекрасно ладим, находим общий язык.

Тесла был худощавым, высокого роста, с темными волосами и усами. Одет в хороший костюм, выглядевший безукоризненно.

– Хочу тебя познакомить со своим другом Самуэлем Левиттом. Он представляет интересы одного закрытого общества меценатов, желающего вложить часть капитала в какой-нибудь инновационный проект, способный принести в будущем хорошие дивиденды, – показывая на своего коллегу сказал возница – прогрессивный писатель Марк Твен, хорошо знавший Николу Теслу и имевший с ним приятельские отношения.

– Я много слышал о вас и ваших изобретениях. Все, что вижу здесь, произвело на меня сильное впечатление, Но хотелось бы узнать о практическом применении ваших аппаратов, – произнес Самуэль Левитт.

– Последние мои работы связаны с исследованием прохождения электромагнитных волн в атмосфере. Я хочу передавать электрическую энергию беспроводно на большие расстояния, – ответил ему серб. – Переменный ток позволяет это сделать.

– Вы по-прежнему находитесь в ссоре с Эдисоном³? – поинтересовался Левитт.

– Как можно уважать человека, который обманул меня, не заплатив ни цента за мою работу. Хотя должен мне до сих пор значительную сумму, – ответил Тесла.

– Чем он мотивировал такое свое странное поведение?

³ Томас Эдисон (1847 – 1931) – известный американский изобретатель и предприниматель, усовершенствовал телеграф, телефон, разработал один из первых вариантов электрической лампы накаливания. (прим. авт.)

– Он сказал мне, что я плохо понимаю американский юмор, – внимательно глянув на приехавших сказал изобретатель. – Но это все прошлое. Я хотел бы показать вам настоящее.

Тесла подошел к железным шкафам и повернул несколько тумблеров.

Разряды исчезли, их место заняли небольшие светящиеся шары, не более мячика для тенниса, неторопливо парящие в воздухе посреди помещения.

– Шаровые молнии? – встревожено встрепенулся Марк Твен. – Это может быть опасно!

Изобретатель достал из ящика стола коробочку какого-то прибора и направил ее на летающие плазмоиды. Шаровые молнии приобрели в своих движениях систему, вместе слаженно выполняя одни и те же эволюции и маневры.

– Какую практическую пользу представляет собой шаровая молния? – спросил серба Левитт.

– Она может содержать очень мощный заряд электричества, который можно транспортировать по воздуху на расстоянии, – пояснил тот.

– Не боишься, что это изобретение станут использовать в военных целях? Это ведь готовое оружие, – добавил Твен.

– Что известно одному, обязательно станет известным другому, – усмехнулся Тесла. – Это только вопрос времени. Открытия носятся в воздухе, который я называю информационным полем.

* * *

СССР

Москва

Большая Лубянка

ноябрь 1922 года

Александр Васильевич Барченко, полноватый мужчина в очках за сорок лет, шел по улице и рассеянно поглядывал на вывески контор и учреждений, размышляя о своем. Пропустив извозчика на пролетке и перейдя на другую сторону Фуркасовского переулка, остановился на углу.

Уже почти двадцать лет, после того как он оставил учебу в Казанском и Дерптском университетах на медицинских факультетах, Барченко всерьез заинтересовался изучением таинственных явлений человеческой психики, прочитав всю доступную ему литературу на эту тему. Общался со специалистами в этой области, поработав некоторое время ассистентом в институте мозга и высшей нервной деятельности в Петрограде, директором которого был профессор Бехтерев. Гипноз, проявления сомнабулизма, дар предвидения, телепатия, телекинез, необъяснимые воспоминания прошлых жизней, сверхчеловеческие возможности в минуты опасности еще малоизученного подсознания людей невероятно влекло его. Очень хотелось организовать экспедицию

в загадочный Тибет по исследованию психотехник лам, живущих в заоблачных монастырях, но отсутствие значительных средств у ученого молодой страны Советов угнетало Александра Васильевича.

И вдруг это неожиданное приглашение из Москвы на должность научного сотрудника спецотдела ОГПУ. По прибытии туда его расспросили о прошлой трудовой деятельности, предложив написать обстоятельную автобиографию. Затем Барченко принял начальник отдела Глеб Иванович Боккий.

Пообщавшись с ним полчаса, он отправил Александра Васильевича не в Тибет, а на Кольский полуостров в составе этнографической экспедиции, работающей под прикрытием обследования природоресурсов заданного района мурманским губернским экономическим бюро, изучать арктический психоз или мереченье – явления сродни массовому гипнозу, спонтанно возникавшего в стойбищах малого народа Севера – лопарей и в поселках горнодобытчиков. Побывав в окрестностях Ловозера и Сейдозера Барченко привез в столицу собранный материал, сдав свои полевые дневники в секретную часть отдела Боккия.

Очнувшись от накативших на него воспоминаний Александр Васильевич тряхнул головой и продолжил свой путь, выйдя на угол Кузнецкого моста и Большой Лубянки. Подойдя к расположенному там бывшему доходному дому в несколько этажей Первого российского страхового обще-

ства, где ныне размещался народный комиссариат по иностранным делам, он вошел внутрь. Два верхних этажа здания занимал спецотдел.

Предъявив на входе свое удостоверение Барченко прошел вахту и, поднявшись на предпоследний этаж по лестнице, снова показал его уже двум хмурым сотрудникам в форме ОГПУ, сидевшим за столом перед дверью в отдел. Подойдя к секретарю начальника справился, когда его может принять Бокий с докладом.

– Глеб Иванович ждет вас, проходите, – указала рукой на дверь в кабинет дама средних лет в строгом костюме.

– Разрешите? – войдя спросил начальника ученый.

– Присаживайтесь, Александр Васильевич, хочу выслушать вас, – указал на один из стульев длинного приставного стола жилистый мужчина в военном френче без знаков различия с запоминающимся лицом, сидевший за столом в глубине просторного помещения.

– Пытался просмотреть ваши дневники, но мало что разобрал в них. Вам надо будет написать подробный отчет для нашего аналитического отделения, – продолжил Бокий. – Меня больше интересуют ваши впечатления от поездки. Может быть, были какие-то странности, которые удивили вас или насторожили. Вы разобрались с арктическим психозом и причинами его вызывающими?

– Местные шаманы в селении лопарей или саамов рядом с Ловозером утверждают, что виной тому энергия, выходящая

из недр земли, – сообщил Барченко.

– Шаманы саамов..., – повторил для себя начальник отдела, что-то записав в настольном календаре.

– Да, шаманы или нойды, как они себя называют, – уточнил Александр Васильевич и продолжил. – Вы понимаете, там очень странная атмосфера. В смысле окружающая природа и метеоусловия. Такое впечатление, что она осознанно реагирует на каждого человека в зависимости от того, как он ее воспринимает. Может внезапно погода смениться и мне кажется, что это связано с внутренним настроением присутствующих там пришедших людей. А нойды являются лишь проводниками, передаточным звеном этого природного осознанного.

Глеб Иванович внимательно слушал своего сотрудника, не перебивая.

– Скажите, а вы видели камлания⁴ шаманов? – наконец спросил он.

– Видел, – подтвердил ученый. – И демонстрацию ими полной потери боли в трансе. Узкий нож через мышцу протыкали – ни крови, ни стонов, ничего. И рана затягивалась без следа очень быстро, в течении нескольких суток. Они умеют снимать боль у других людей. Меня сердце прихватило, ножом поводили с приговорами у груди и все прошло. Легко могут загипнотизировать одним лишь криком любого

⁴ Шаманизм – древнейшая форма религии, в основании которой лежит вера в общение шамана с духами в состоянии транса («камлание»). (прим. авт.)

и человек будет беспрекословно выполнять их волю.

— Как вы думаете, можно ли перенять эти психотехники и использовать их в государственных и оперативных целях? — поинтересовался мнением своего сотрудника Бокий.

— Наверное, только сначала надо овладеть ими, — подумав ответил Барченко. — Но без помощи нойдов это невозможно. И захотят ли они делиться с нами своими знаниями?

Начальник спецотдела опять для себя сделал запись в календаре.

Глеб Иванович Бокий пришел на государственную службу имея солидный опыт революционера с 1900 года, когда он, будучи студентом Петербургского горного института, вступил в РСДРП и участвовал в политической борьбе против самодержавия. Участник волнений 1905-1907 гг., неоднократно подвергался арестам полицией, бывал в тюрьме и ссылке. Был членом военно-революционного комитета, руководившего октябрьским восстанием в Петрограде в 1917 году. В 1918 году после убийства Урицкого занял пост председателя Петроградского ЧК. Во время гражданской войны был начальником особых отделов Восточного и Туркестанского фронта, проявив организаторский талант и выдержку. С 1921 года возглавил специальный отдел ОГПУ, являясь членом Коллегии ВЧК. Эта секретная служба подчинялась напрямую ЦК РКП (б).

Первоначальной задачей спецотдела Бокия являлась разработка шифров и шифровальных машин для вооружен-

ных сил СССР и его госаппарата, для взламывания шифров противника. С течением времени функции управляемой им службы расширились. Она также стала заниматься особыми технологиями в интересах советской разведки – созданием ядов, изучением и подготовкой различных психотехник. Плодотворная деятельность спецотдела объяснялась тем, что сам Бокий проявлял неподдельный интерес к познанию таинственного, увлекаясь различными восточными духовными практиками еще со студенческой скамьи, обладая феноменальной памятью и кругозором.

Последующая история ВЧК-ОГПУ-МГБ-КГБ знает немало примеров использования подобных спецсредств, немалую роль в создании которых сыграл отдел Бокия.

* * *

*Северная Норвегия
губерния Нурланн
окрестности Уфут-фьорда
август 1882 года*

Освещая путь факелом Ингмар Ларсен уверенно шел по ходу подземелья, иногда сверяясь со схемой и знаками, нанесенными на стенах развилок лабиринта.

После организации им лаборатории в подвале родительского дома в Нарвике он побывал в катакомбах у Уфут-фьор-

да в охоте за «соком земли», над которым потом ставил опыты. Напуганный встречей с троллями ему пришлось сделать большое усилие над собой, чтобы опять спуститься одному под землю. Но время лечит раны, понемногу забывался и тот кошмар, что норвежский ученый когда-то испытал.

Будучи по делам еще в Осло Ингмар заглянул к антиквару для оценки пары камней и монеты из подарка тролля, что оказалась в мешочке монстра.

– С камнями все понятно. Это изумруд и хризолит, довольно крупные и насыщенного окраса, – внимательно осмотрев через лупу принесенные в лавку предметы, сообщил ее хозяин. – Давно не встречал таких. А вот с монетой несколько сложнее.

Старый антиквар внимательно глянул на слушавшего его с интересом Ларсена.

– Я даже не уверен, что это монета. Скорее медальон, вот и отверстие ближе к краю есть. Хотя это ничего и не значит. Существуют монеты с отверстием для удобства переноски их связками на бечеве, принадлежащие культурам Юго-Восточной Азии, – продолжил хозяин лавки. – Но подобные античные с барельефом не встречались и я даже не слыхивал о существовании оных. Могу засвидетельствовать превосходное качество оттиска, несмотря на то, что это древний артефакт. И сразу видно золото высокой пробы, из которого он сделан. Присутствуют надписи на неизвестном языке и нет даты эмиссии. Я бы дал вам хорошую цену, не торгуясь, за

все три предмета.

Он назвал сумму сделки и усмехнулся, увидев как вытянулось лицо пришедшего.

Антиквар еще раз внимательно рассмотрел барельеф крылатой женщины, парящей в небесах на аверсе, и странной формы треугольное лицо с переносицей до середины лба, расположенное на реверсе.

— Благодарю вас за оценку, — повинувшись своему внутреннему голосу, сказал Ингмар. — Я хотел лишь узнать приблизительную стоимость монеты, а камни готов вам продать.

На том и порешили, обменявшись визитками, если опять возникнет такая нужда.

Добравшись до пещеры с таинственной субстанцией физик к великому сожалению не обнаружил ее и решил далее обследовать подземелье, тянувшееся на неведомое ему расстояние. Его тоннели сменялись ходами, переходящими в галереи, подъемы и спуски. Отмечая на схеме эти хитросплетения, Ларсен заметил впереди по ходу отблески света и сразу погасил свой факел, заинтригованный приблизившись к повороту, откуда он исходил.

Выглянув из-за него, ученый увидел открывшуюся перед ним картину. Он находился в начале протяженной галереи, идущей по кругу горизонтального выступа в стене гигантской пещеры никак не меньше двухсот метров в диаметре со сводчатым потолком, с которого свисали мощные сталактиты. Навстречу им, не достающим до дна этой пустоты, с

ее дна кое-где поднимались сталагмиты. Одна из наклонных книзу стен имела равномерную круглую вогнутость метра три в диаметре, а конец галереи представлял собой каменную лестницу явно рукотворного происхождения, ведущую к постаменту напротив вогнутости в стене. Громадный грот освещался открытым пламенем, дававшим те самые отблески света на стенах хода, по которому сюда пришел норвежец. Пламя горело в каменных чашах внизу, расположенных на стенах пещеры по ее кругу.

«Наверное, метан из недр земли используется в качестве топлива, – подумалось физику. – Но кто его поджег, подведя к светильникам, и создал это капище?»

Неожиданно снизу грота, сокрытого от взгляда Ингмара свисавшими сталактитами, послышались гулкие шаги. Ученый на цыпочках прошел по галереи, найдя себе более выгодный ракурс обзора, прильнув к ближайшему образованию и стараясь стать незаметным. Звук шагов приблизился и рядом с каменной вогнутостью в стене появился тролль, неся перед собой в своих лапищах с когтями кубышку. Ларсен мог поклясться, что это его сосуд, который ему подарил старый Гертруд, а позднее забранный монстрами. На сущности было накинута то же коричневого цвета рубище с проухами, что и при первой встрече. Тролль дошел до круглой вогнутости в стене и стал подниматься по ступеням лестницы, достигнув галереи. Он теперь находился недалеко от человека, скрытого за сталактитом. Норвежец обратился в со-

ляную статую, затаив дыхание и не подавая признаков жизни. Монстр открыл кубышку и стал выливать дымящийся «сок земли» в отверстие над вогнутостью в стене. Затем он спустился на дно, оказавшись перед круглой вогнутостью, из которой стал выходить белый туман. Сущность взяла факел и подожгла его от одного из светильников, а потом коснулась пламенем края вогнутости, воспламенив ее.

«Видимо, по ободу вогнутости проходит магистраль с метаном, как и ведущие к светильникам, — догадался физик. — А исходящий из вогнутости туман появляется от нагрева проливающегося сверху из емкости «сока земли».

Когда вспыхнул край вогнутости и тролль взошел на постамент, то из нее стали вылетать голубые светящиеся шары величиной с клубок шерстяных ниток. Внезапно из самого нутра вогнутости выскочил другой монстр, полный близнец первого. Он по инерции пробежал несколько шагов почти до постамента. За ним из вогнутости хлынуло облако снега, как будто зимой при пурге на мгновение открыли в сенях дверь. Все дно перед постаментом покрыла изморозь в достаточно теплой пещере.

Далее ничего нового долго не происходило. Тролли о чем-то общались между собой. Ученый решил осторожно пробираться к выходу из таинственной залы, чтобы уйти незаметно подобру-поздорову. Он крался за сталактитами, пока с одного из них вдруг не посыпались осколки, задевшие другие висящие образования. Это вызвало шум, услышанный

монстрами вниз.

Раздался грозный рык и внешне неуклюжий тролль в одно мгновение взлетел по лестнице на галерею и догнал Ингмара. У того от вида сущности просто подкосились ноги. Подскочив к норвежцу с растопыренными лапами сущность успокоилась, увидев золотую монету, висевшую у Ларсена на шнурке на шее. Тролль засопел и указал человеку лапой в сторону лестницы. Поняв это как приглашение, ученый на негнущихся ногах спустился вниз, представ перед вторым монстром у постамента. Сущность приблизилась к физику и неожиданно толкнула его прямо в вогнутость. От такого мощного удара Ингмар буквально влетел в стену, почему-то ставшую густой и проницаемой, словно кисель бабушки Гудрун....

* * *

*Российская империя
Финляндия
окрестности Териоки⁵
май 1903 года*

На склоне пригорка оглушительно рванул взрыв.
Ударная волна пронеслась по близлежащему кустарнику и

⁵ Териоки (после 1948 года Зеленогорск) – город в России, муниципальное образование в составе Курортного района Санкт-Петербурга. (прим. авт.)

деревьям, опалиая их огнем и вырывая с корнем. Через опушку в противоположную от взрыва сторону беззвучно пролетел багровый шар величиной с футбольный мяч. Проскочив над ней он стал ощутимо набирать высоту и забирать в левую сторону, затем выпрямил свою траекторию, поднявшись выше, мелькнув между верхушками сосен. Поднявшись над лесным массивом шар летел некоторое время и резко спикировав над речкой Териоки ударил в замшелый громадный валун, лежащий на ее берегу сотни лет со времен последнего оледенения. От удара огненного болида валун лопнул на несколько частей, а местами, вероятно имевший вкрапления руды, растекся металлическими каплями. От жара раскаленных докрасна фрагментов камня загорелась сухая трава и подстилок соседних осин и хвойных деревьев.

Случайно находившийся недалеко от места взрыва квартальный обходчик⁶ Кузьма Парамонов предпринял энергичные меры по предотвращению дальнейшего распространения возникшего пожара, доложив позже по всей форме о случившемся своему начальству.

Разбитый и местами оплавленный валун обнаружила утром прогуливающаяся поблизости от своей дачи чета петербургских обывателей Белецких в компании с известным немецким натуралистом Штерном, срочно давшим по теле-

⁶ Квартальный обходчик – служащий лесного хозяйства Российской империи, в обязанности которого входило обход участков леса, закрепленного за ним. (прим. авт.)

графу короткую заметку о странном случае в одну из столичных газет.

* * *

РСФСР

Москва

Лубянка

сентябрь 1925 года

– Ладно, по специалистам и персоналу экспедиции определились, – подвел итог Феликс Эдмундович Дзержинский и спросил собравшихся. – А кого пошлем из оперативников?

– Старшим из них предлагаю послать Якова Блюмкина, – высказался начальник специального отдела ОГПУ Глеб Боккий и, видя смущение своих собеседников, сказал. – А чего? Энергичный и расторопный чекист, владеет нужными языками....

– Он же авантюрист! – возразил ему заместитель Дзержинского Менжинский. – И попал в ВЧК только благодаря поддержке Троцкого! У него двоюродный брат матерый английский шпион Сидней Рейли! Куда только смотрит Коллегия ОГПУ!

В 20-х годах в государственных и партийных органах, как и в спецслужбе молодой республики Советов, хватало еще левых эсеров и тайных сторонников мелкобуржуазных

взглядов. Потому у Блюмкина и были покровители, спасшие его от неминуемого трибунала и расстрела после осуществленного им убийства в 1918 году германского посла Мирбаха. Они же закрывали глаза и на его сомнительные родственные связи, помогая Якову расти далее по служебной лестнице. На данный момент этот человек служил в научной лаборатории ОГПУ в Краскове, которая подчинялась Глебу Бокию и занималась изучением паранормальных явлений: мистикой, передачей мыслей на расстояние, наследием технологий древних цивилизаций. И конечно, как никто другой непосредственный руководитель Блюмкина был заинтересован в том, чтобы его протеже возглавил секретную экспедицию по их проблематике.

Беседа проходила в кабинете Председателя Объединенного государственного политического управления при Совете народных комиссаров СССР в бывшем здании страхового общества «Россия» на Лубянской площади.

– Вот и хорошо, что есть, – хитро улыбнувшись, продолжил Бокий. – Подходы к Тибету контролируются англичанами по договоренности с Далай-ламой. Без их согласия нам будет тяжело проникнуть туда. Но у нас есть приглашение посетить Лхасу, присланное тамошними ламами еще Ленину. Люди Ротшильда и Рокфеллера тоже хотели бы побывать там, но у них нет такого приглашения. И то, что Блюмкин протеже Лейбы Троцкого, ставленника этих семейных кланов, также играет нам на руку. Он является фигурой, устра-

ивающей все стороны в этой непростой партии, на кону которой возможные дивиденды от обладания технологиями и мощным оружием древних цивилизаций.

— А от возможных необдуманных шагов пламенного орла революции Блюмкина вовремя остановят другие наши надежные товарищи, — усмехнувшись, добавил Дзержинский, заканчивая совещание. — Заодно и присмотрят там за ним.

Через два месяца отряд специальной экспедиции ОГПУ в количестве десяти человек при наличии автомобильного транспорта под прикрытием геолого-географической партии СССР выступил из Оренбурга в направлении Кашкар к советско-китайской границе.

* * *

*Северная Норвегия
губерния Нурланн
окрестности Уфут-фьорда
сентябрь 1882 года*

Вылетев на лесную поляну, Ингмар Ларсен по инерции кубарем закатился в заросли кустарника. Выбравшись оттуда, ученый с удивлением уставился на здоровенные ели, возвышавшиеся перед ним, задумчиво ощупывая оцарапанную веткой щеку и напряженно размышляя.

Солнце клонилось к закату. Небо было ясным, но поче-

му-то чувствовался холод, его ощутимо потряхивало.

Проверив наличие рюкзака за спиной, он достал компас и карту, пытаясь сориентироваться. Взяв нужное направление, норвежец отправился по еле видневшейся среди пожухлой травы тропе к возвышавшимся впереди двум каменным грядам с выходами скальных пород на поверхность. Пройдя около десяти километров, естествоиспытатель стал узнавать окружающую его местность. Через час уже в темноте он добрался до берега Уфут-Фьорда, где Ларсена должна была ждать шхуна, с которой Ингмар прибыл сюда от рыбацкой коммуны Балланген. Но судна на месте не оказалось, видно лопнуло терпение у ее капитана ждать припозднившегося пассажира.

Ученый начал мерзнуть, забыв прихватить с собой в поход теплый свитер. Такие заморозки тут в горах по ночам были не редкость и молодой человек первым делом, как его учил старый Гертруд Вааге, нарвал под деревьями сухой травы, напихав ее в рукава и за пазуху штормовки. Стало покалывать, зато он немного согрелся. Насобирав при свете зажженного факела в подлеске хвороста и толстых сучьев валежника, естествоиспытатель развел на берегу костер, соорудив рядом с ним ложе из срезанных еловых веток.

Съев остатки провизии, что имелась с собой, и, подложив под голову рюкзак, он сразу уснул без сновидений, просыпаясь пару раз и подкидывая древесину в огонь. Жар углей, потрескивание смолы валежника, крупные мерцающие звез-

ды на ночном небе, бормотание какой-то лесной птицы, ворочавшейся в ветвях над головой, создавали уют, иллюзию защищенности и умиротворения....

— Господин Ларсен, где вы пропадали? Мы вас ищем уже целый месяц! — разбудил ничего не соображавшего спросонья Ингмара полицейский чин из городской управы, одетый в темный сюртук и фуражку, подошедший ранним утром к почивавшему ученому вместе с другими сопровождавшего его незнакомыми людьми. — Вы заблудились в пещерах? Рыбаки с Баллангена сказали мне, что вполне могли там заплутать.

Он оглядел разыскиваемого, имевшего аккуратную бородку.

— Да, так оно и было, — протерев глаза и подавляя зевок, ответил молодой человек, поднявшись и приводя себя в порядок, решивший придерживаться версии пришедших до выяснения подробностей неожиданной встречи.

— С коммуны, расположенной напротив, заметили одинокий свет вашего костра и сообщили нам, вот мы и прибыли, — присев на ближайший валун заметил наблюдательный чиновник и добавил. — Хотя вы совсем не выглядите на пробывшего без еды под землей столь долгий срок человека. Мы за это время с жителями Баллангена и моими подчиненными обшарили все здешние окрестности, но вас не обнаружили. Вы в каком подземелье были?

Подошли рыбаки со шхуны.

– Отсюда далеко, – неопределенно ответил естествоиспытатель.

– А что это вы, позвольте мне полюбопытствовать, в тех подземельях искали? – поинтересовался полицейский офицер и бросил взгляд на рюкзак нашедшегося. – На поиски золота, добычу драгоценных камней, требуется специальное разрешение от властей.

– Я не занимаюсь изысканиями подобного рода, – сообщил ему тот. – Меня интересуют вопросы геоморфизма пород, из которых состоят наши горы. Вот, пожалуйста, посмотрите.

Ларсен вывалил под ноги городскому чиновнику, рассеянно выслушавшему его научную абракадабру, нехитрое содержимое своего рюкзака, где главным предметом была пустая кубышка из темно-зеленого стекла.

Присутствующие затушили угли полупотухшего костра и, пройдя к ожидавшей их шхуне, поднялись на ее борт. Вскоре Ингмар оказался в коммуне Балланген и затем вместе с полицейским проехал в Нарвик, чтобы засвидетельствовать свои показания под протокол в городской управе. Все списали на странность и рассеянность молодого ученого, пренебрегшего элементарными мерами предосторожности в своих вылазках на природу.

Благополучно вернувшийся в родительский особняк естествоиспытатель проанализировал случившееся с ним. Он сразу же после своего приземления в кусты на поляне от

толчка тролля в пещере сообразил, что пролетел через пространственно-временной портал, о котором читал в средневековом манускрипте некоего Фридриха Проциуса, переданном ему в наследство старым Гертрудом Вааге.

В последующие годы Ингмар Ларсен сумел творчески развить научные изыскания своего покойного учителя, систематизировав методы поиска геопатогенных и аномальных мест в здешних краях, всесторонне исследовав и описав каменные вогнутые зеркала троллей, плазмоиды-огневики, свойства «сока земли». Свои работы он проводил на натуре, а также в лаборатории на созданной им установке с вогнутым алюминиевым зеркалом, расположенной в секретном подвале под его домом в Нарвике.

* * *

*Российская империя
Санкт-Петербург
Гороховая улица, 2
Охранное отделение
май 1903 года*

– Разрешите, Леонид Николаевич, – спросил в приоткрывшуюся дверь статный ротмистр отдельного корпуса жандармов Российской империи.

– Проходите, Петр Титович, – предложил ему начальник

охранного отделения⁷ по Санкт-Петербургу полковник Кременецкий. — Я пригласил вас в связи с этим странным происшествием в лесу около Териоки двадцатого дня сего месяца, о котором так много пишут столичные газеты.

— В этот день утром произошел взрыв на восточной окраине лесного массива западнее Териоки. На месте происшествия образовалась воронка глубиной два метра и шириной шесть метров, есть поваленные деревья и потушенный очаг местного возгорания от ударной волны. Наш криминалист Даль, сразу же выехавший на место происшествия, обнаружил в воронке от взрыва следы продуктов горения пикриновой кислоты и констатировал подрыв сего заряда весом до тридцати килограмм неустановленными злоумышленниками, — стал докладывать по материалам проведенного расследования ротмистр Самохвалов. — В пяти верстах западнее места взрыва в тот же день и в то же время произошло разрушение, и частичное расплавление огромного валуна на берегу речки Териоки, широко освещаемый в петербургских газетах. Автором первой заметки на эту тему является известный немецкий натуралист Штерн, оказавшийся невольным свидетелем этого происшествия. По его словам, подтвержденным подоспевшему наряду полиции четой Белецких, вместе с ним прогуливающихся около их дачи, в валун

⁷ Отделение по охране общественной безопасности и порядка (в просторечии охрaнка) — название территориальных органов департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи, ведавших политическим сыском. (прим. авт.)

ударился огненный болид, который они видели на излете.

– Небесный гость? – предполагая падение метеорита, сказал начальник охранного отделения.

– Не все так просто, – возразил Самохвалов. – Этот болид также видели другие очевидцы произошедшего. Причем, в каждом случае замечавшие разное направление траектории последнего к валуну. Вот приблизительная схема полета болида со слов очевидцев, нарисованная находившемся в составе прибывшей группы охранного отделения на месте происшествия криминалистом Далем. Этот лесной массив, где произошли вышеупомянутые события, находится рядом с дачными поселками. Там часто отдыхает публика на пикниках или совершает променады. День был солнечный, безветренный, поэтому также исключается шаровая молния.

– Вы хотите сказать, что вышеозначенный болид летел, изменяя свою траекторию по пути следования к валуну, и связан с взрывом в пяти верстах от него? – констатировал Кременецкий.

– Да, определенно связан. Недалеко от места взрыва расположена дача редактора петербургского журнала «Научное обозрение» Михаила Филиппова, химика, увлекающегося пиротехническими опытами в своей лаборатории по месту жительства и постоянной прописки на улице Жуковского, дом 37. Это дом вдовы Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. Господин Филиппов находится под нашим негласным надзором и даже был выслан на непродолжительный срок

в вышеупомянутое Териоки столичной полицией из-за своей симпатии к социалистам, статьи которых неоднократно публиковал в издаваемом им на свои средства журнале. Так, была опубликована статья о теории реализации Владимира Ульянова, сторонника политических идей Плеханова и родного брата повешенного в 1887 году террориста-народовольца Александра Ульянова.

– Вы полагаете, этот Филиппов самочинно произвел взрыв изготовленной им в домашней лаборатории пикриновой кислоты и создал болид, как-то направив его точно на валун? – спросил начальник охрannого отделения.

– Да, полагаю. По данным нашей агентуры он уже длительное время увлекается пиротехникой и разработкой новых рецептов взрывчатых веществ.

– Если дело обстоит так, как вы говорите, то Филиппову удалось создать новый вид оружия, безусловно, эффективного в военном деле. У меня есть сведения из Особой канцелярии⁸ Генерального Штаба, что в Германии проводятся секретные исследования по увеличению бронепробиваемости, основанные на новых принципах. В последнее время кайзеровская разведка активизировала свои усилия в Российской империи. Ее агенты скупают патенты и приобретают изобретения, возможные к использованию при создании новейших типов вооружений. Не стоит забывать и о разведках Велико-

⁸ Особая канцелярия Генерального Штаба – разведывательная служба царской армии и российского императорского флота. (прим. авт.)

британии, Франции и США. В связи с вышесказанным поручаю вам взять деятельность господина Филиппова на особый контроль.

* * *

РСФСР

Туркестан

Ферганская долина

ноябрь 1925 года

По грунтовой дороге, кое-где поднимая облака пыли, двигались колонной три автомобиля: два грузовых с кузовами под брезентовым тентом и один легковой с откидным вёрхом, где на кожаных сиденьях восседали четверо мужчин в теплых, стеганых на собачьем меху, куртках, в теплых кепи с ушами и с надвинутыми на глаза мотоциклетными очками.

Специальная экспедиция ОГПУ, следующая в Лхасу, уже преодолела часть пути и приближалась к Кашкару, находясь на просторах Ферганской долины. На ночь группа останавливалась по-походному у костра недалеко от тракта, ужиная и затем отдыхая в спальниках и палатках. Либо договаривалась на постой со скотоводами в их юртах или во встречавшихся по пути кишлаках местного населения. Двигаясь по долине, путешественники видели стада лошадей и отары овец, понукаемые пастухами, иногда угощавших их приго-

товленным на огне наваристым мясным бульоном, посадки фруктовых деревьев, покрытые снегом вершины гор на горизонте.

– Ердэн, ты хорошо ориентируешься в этих местах? – спросил калмыка-чекиста, сидевшего за баранкой и правившим легковым авто расположившийся рядом Яков Блюмкин.

Он разглядывал лежащую у него на коленях карту, сверяясь с компасом и окружающей их местностью.

– А то еще завезешь нас куда-нибудь на потеху мировому империализму, – пошутил старший группы.

Водитель промолчал, лишь усмехнувшись и следя за дорогой. Сидевшие на заднем сиденье два московских чекиста, бурят и калмык, не выпускали из рук тяжелую брезентовую суму, в которой находилось сто тысяч золотом, преимущественно царскими рублями, лежащую между ними, выданную из спецкассы ОГПУ на Лубянке по личному распоряжению Дзержинского на оперативные нужды.

Блюмкин держался высокомерно с остальными. Добравшись поездом в купе по Транссибирской железной дороге до Оренбурга вместе с четырьмя другими сотрудниками ОГПУ из столицы, они сгрузили с грузовых платформ привезенные с собой новенькие автомобили, чем чрезвычайно удивили чекистов из местного Губчека, располагавшего своими машинами.

– Какова будет цель экспедиции? – спросил Якова при

первом знакомстве встречавших столичных коллег старший оренбургских проводников-чекистов Дэлгэн, крепко сбитый бурят сорока лет.

– Довести нас до Лхасы, – ответил ему Блюмкин. – Остальное не ваше дело.

Перемещаясь далее сухопутным маршрутом, экспедиция прибыла на китайскую границу в Кашкар, успешно ее преодолев. Затем отряд отправился по маршруту Яркенд-Гумабазар-Хотан, пересев с автомобилями на косматых низкорослых монгольских лошадей, купив их у кочевников в очередном стойбище. Узнав, что пастухи никуда не уйдут со своего места до весны, чекисты оставили там же свой автотранспорт на хранение.

Уже в Тхока-Тингринг на территории Тибета, на одном из пропускных пунктов чиновник пограничной стражи с вооруженной охраной заинтересовался личностью ламы, под видом которого скрывался Блюмкин. Он задал ему несколько вопросов, на которые тот немногословно ответил по-монгольски.

– Нет, вы не бурятский лама! – услышав уровень владения языком и несомненный иностранный акцент рассмеявшись, заметил чиновник. – Вы даже не азиат!

Он с улыбкой оглядел наголо бритого Блюмкина, переодетого в скромные одежды буддийского священнослужителя.

– А это что за гражданские с вами? – поинтересовалось должностное лицо.

– Советские почвоведы-геологи, – сообщил ему лама-чекист. – Следуют с ознакомительными целями в Тибет, у них бумаги в порядке, вот ко мне прибились по дороге.

– А оружие им зачем?

– Так места вокруг глухие, для защиты от зверья и лихих людей.

Группу Блюмкина арестовали, отобрав у нее карабины и «Маузеры» в деревянных кобурах. Пришлось тогда главе специальной экспедиции ОГПУ предъявить чиновнику верительную грамоту Дзержинского и оригинал приглашения махатм посетить Тибет. По некоторому размышлению чекистов под конвоем отправили через Тхока-Дауракпа далее в Лхасу.

Отряд всадников долго поднимался в горы по узким караванным тропам и серпантинам грунтовых дорог, ночуя в полуразрушенных строениях у разведенного очага. С непривычки люди Блюмкина страдали от нехватки кислорода на высокогорье, пока им не открылось великолепие лежащих в долине храмов, монастырей и дворца тибетской столицы, куда посторонним доступ был запрещен.

Около трех месяцев до прибывших членов экспедиции ОГПУ никому не было дела. Их разместили в одном из гостевых домов Лхасы, предоставив самим себе. Правда, раз в день приносили еду и питье – вареное мясо яков с тзампой и темный густой тибетский чай с солью и жиром.

Наконец, в конце января 1926 года Якова Блюмкина при-

нял во дворце Потала, расположенном над городом на высоком холме, сам Далай-лама XIII. Придворные долго вели нежданного гостя по запутанным, сумрачным коридорам многоэтажного большого здания дворца, пока они не вошли через массивные двери в просторную темную залу в багровых тонах.

За небольшим столиком несколько в углу помещения восседал на войлочных подушках правитель высокогорной страны, духовный и светский глава Тибета Нгаванг Лобсанг Тхуптэн Гьяцо.

– Что привело вас ко мне? – спросил он чекиста-эзотерика, предлагая присесть напротив.

– Я привез вам предложение от Советского правительства о поставке крупной партии оружия, военной техники и возможности открытия золотого кредита, – сообщил Далай-ламе XIII Блюмкин. – Как гарант независимости Тибета от Китая.

– Что бы вы хотели получить взамен? – вкрадчиво поинтересовался после услышанного правитель страны.

– Нас интересует истинная история Земли и технологии ушедших древних цивилизации, ваше святейшество, – ответил московский чекист. – Мы думаем, вам есть, что нам показать.

Еще со времен правления царя-самодержца Николая II правитель Тибета не раз пытался через своих визитеров в Российской империю заручиться ее военной поддержкой, на-

ходясь под постоянной угрозой вторжения китайских войск и перспективой оккупации своей страны. Не добившись благосклонности северного соседа, Лхаса обратилась за аналогичной помощью к Великобритании, имевшей рядом обширную колониальную Индию и размещенные там войска, которая стала гарантом суверенности Тибета. Но в таких делах всегда можно было и переиграть, если предложение оказывалось более выгодным.

– Хорошо, вас проводят в хранилища, – после продолжительной паузы принял решение Далай-лама.

Аудиенция была закончена.

Монахи одного из храмов дворца под предводительством пожилого сухонького ламы повели Блюмкина из залы переговоров далее по анфиладам комнат со стеллажами старинных свитков и стопками деревянных табличек, покрытых рукописными текстами. На стенах помещений присутствовали нарисованные многоцветные замысловатые монады. Затем все стали спускаться по затяжным лестничным маршам и вскоре миновали нулевой уровень дворцового комплекса, продолжая идти вниз. Яков долго шел со своими спутниками по ступеням в пугающую темноту, освещаемую только одним из бритоголовых монахов коптящим на жиру поднятым над головой фонарем. Процессия уже спустилась под землю на несколько сотен метров, а конца и края до дна катакомб не было видно. Иногда спуск прерывался, и группа людей проходила через очередной горизонтальный тамбур с двумя

мощными каменными плитами-преградами, расположенными на расстоянии друг от друга, и наполовину задвинутыми из прохода в широкую щель стенной ниши.

– Много тысяч лет тому назад, еще до возникновения здесь Лхасы, были созданы эти подземелья, – стал давать пояснения на монгольском языке, которым владел гость из Москвы и на котором тот ранее говорил с правителем Тибета, старый лама.

– Зачем их создали? – спросил Блюмкин.

– Нашу планету периодически потрясают катаклизмы, – продолжил священнослужитель. – Каждые 14400 лет происходит Всемирный Потоп, уничтожающий все живое на поверхности Земли. Только в глубоких подземельях со специальными шлюзами, препятствующими попаданию внутрь воды, в Гималаях и Андах, можно переждать катаклизм и спасти источники знаний для будущих цивилизаций. Наша цивилизация уже пятая по счету с момента возникновения 350 миллионов лет назад на нашей планете разумной жизни.

– Кто создал эти подземелья? – задал вопрос чекист.

– Представители третьей и четвертой расы-цивилизации – лемурийцы и атланты.

– Откуда тут может быть потоп на высоте пять тысяч метров от уровня моря? – с сомнением произнес гость.

– Главной причиной каждого потопа является приближение к нашей планете планеты Нибиру, имеющую очень вытянутую орбиту относительно нашего светила и вращающуюся

в обратную от других планет Солнечной системы сторону, то есть по часовой стрелке. Она приближается к Земле раз в 14400 лет на опасное расстояние со стороны Тихого океана и своим гравитационным воздействием гонит по нашей планете гигантские волны высотой до семи километров, – ответил ему лама.

– Семь километров?! Откуда вы это все знаете?! – удивился Яков.

– Из древних книг, хранящихся в наших храмах и подземельях. А в этих катакомбах, куда я вас веду, есть и настоящие артефакты технологий тех эпох. Вас ведь это интересует? – произнес священнослужитель.

Поднаторевший со своими начальниками Бокием и Барченко в диспутах о необычном и запредельном Блюмкин, хоть и не обладавший полноценным университетским образованием, сразу вник в суть объяснений своего сопровождающего и понял истинную цену этой действительно потрясающей информации.

Между тем они вошли в большую залу с ровными пустыми стенами, из которых тут и там торчали какие-то рычаги. Монахи, их сопровождавшие, разошлись по одиночке к ним. По команде старого ламы его подчиненные стали с усилием нажимать на рычаги по сложному алгоритму. Одна из стен залы отошла в сторону, открыв проход далее в хранилища.

– Как в швейцарском банке! – вырвалось у чекиста, обратившего внимание на толщину отъехавшей преграды.

– У нас надежнее, – улыбнувшись, заметил старый священнослужитель и скупое заметил. – К тому же надо еще незваному гостю суметь пройти затяжной спуск, что обыкновенному человеку абсолютно невозможно, если мы не захотим. Такого выгонит его же страх, некоторые это уже попробовали.

Все вошли в первое помещение хранилища, осветив его скупым светом чадающего фонаря. На постаменте, расположенном в центре помещения, лежало устройство странной формы величиной с человека, больше напоминавшее собой здоровенную палицу с клювом и загнутыми к нему лапами, несомненно, выполненное из легированных сплавов металлов. На его матовой поверхности Яков не заметил и следа коррозии.

– Это ваджра, – проведя по нему рукой, сообщил гостю провожатый. – С помощью высокочастотного излучения оно режет любой металл или камень. Использовалось древними цивилизациями при строительстве сети пирамид по всей нашей планете, вырезая гигантские каменные блоки в карьерах как масло. Затем эти блоки транспортировались по воздуху с помощью трансмутировавшего порошка на основе окисла золота и звучащих арф, создававших левитацию.

– Вы мне все это рассказываете, используя термины, словно инженер, – опешил Блюмкин.

– А я и есть бывший инженер, а теперь член Совета Тибета, – молвил сухонький лама. – Просто извилист мой духов-

ный путь.

— И зачем воздвигли эти пирамиды? — задал вопрос чекист. — Такие, как в Египте?

— Не только там, но и в Мексике, Центральной Америке, в Китае, уже покрытые землей от прошедших веков в Европе, на дне океанов и морей по всему свету, — продолжил рассказ священнослужитель. — Приближающаяся по своей орбите к Земле планета Нибиру делает свой виток каждые 3600 лет, но только на каждом четвертом витке, то есть через 14400 лет происходит особо опасное приближение, заканчивающееся Всемирным Потопом. Тем не менее, при каждом приближении Нибиру к Земле она возмущает электромагнитные поля нашей планеты, что ведет к активизации вулканической деятельности, сильным землетрясениям, прямому летальному воздействию на природу, животных и человека. Вот, во время правления бога Птаха, одного из прибывших с Нибиру человекоподобных существ, 34000 лет тому назад по вашему летоисчислению и было закончено строительство объединенной системы пирамид на геологически опасных разломах земной коры, нормализующей магнитные и иные поля Земли при планетарных возмущениях.

Открыв в запутанной последовательности запоры другого хранилища московского гостя провели туда. В помещении на каменном основании стоял отливающий металлом колокол размерами приблизительно полтора метра в диаметре и два с половиной метра в высоту.

Яков вопросительно посмотрел на своего провожатого в ожидании объяснений.

– Это – «шу-дзы», колокол, – сказал тот. – Но необычный. Это устройство позволяет получить неограниченное количество энергии из окружающего нас пространства. Его также можно использовать как мощное оружие против врага, потому что он способен излучать неслышимые уху волны, вызывающие страх и панику у находящихся невдалеке людей. Древнеиндийский пророк Арджуна с помощью него не раз выигрывал большие сражения, обращая в бегство большие массы войск противника.

В следующем хранилище Блюмкина познакомили с устройством под названием «маш-мак», способным своим лучом сжигать любые преграды.

– Почему же вы их не используете против китайской армии, угрожающей независимости вашего государства? – спросил чекист.

– Нельзя. Секрет этих устройств, если их поднимут на поверхность и применят по назначению, может стать известен другим странам, – ответил лама. – Убийство живых существ противоречит нашей вере.

С порога очередного хранилища московский гость увидел несколько человеческих тел разного размера, некоторые до трех метров в длину, лежащих на каменных ложах. Подойдя поближе, он рассмотрел их подробнее, медленно переходя от одного к другому. Тела этих неподвижно распластанных и

не подававших признаков жизни людей от пояса и ниже были покрыты хлопчатобумажной тканью, местами от времени истлевшей.

– Это мумии? – утвердительно обратился к священнослужителю Яков, с неподдельным любопытством разглядывая черты лица одного из гигантов, сильно отличавшихся от современного человека своей переносицей, доходившей до середины лба.

– Нет, они вполне живые, – невозмутимо сообщил ему провожатый. – Можете их потрогать, чтобы в этом убедиться.

Блюмкин с опаской прикоснулся к смуглой груди гиганта в районе сердца.

– Тело слегка теплое! Явно теплее, чем воздух в этом холодном подземелье! – не сдержавшись вскричал чекист и хриплым от волнения голосом спросил. – Кто они?!

– Это представители четвертой атлантической расы – толтеки, акадийцы, семиты, туранцы. Они живы и пребывают в каменно-неподвижном состоянии, позволяющем существовать в таком виде десятки тысяч лет, практически вечно, если конечно следить за телами и не подвергать их внешнему физическому воздействию.

– Невероятно! – ошарашено выдохнул московский гость и севшим голосом задал вопрос. – Так долго могли жить люди древних цивилизаций?!

– Вы не поняли, – спокойно пояснил лама. – Разные под-

расы атлантов имели продолжительность жизни от шестисот до трехсот лет с понижением в сторону конца цикла их расы. А конкретно эти люди, находящиеся в хранилище, введены много тысяч лет назад в особое состояние их организмов, когда биологическая деятельность тела и мозга сведена к минимуму. Так, практически не прощупывается пульс, сердце делает один удар в несколько минут.

– Его тело как камень, не промять! – сообщил Яков, попробовав на ощупь.

– Потому это состояние так и называется. Но они все чувствуют и воспринимают окружающий их мир. В это состояние может войти любой человек.

– Любой?! И я?!

– И вы, – грустно улыбнулся священнослужитель и добавил. – Только для этого надо вести правильный образ жизни, постоянно занимаясь специальными упражнениями, изучать древние книги, где многое дается для развития души и духа.

– Голова кругом идет от того, что вы мне сообщили, – в смятении признался Блюмкин. – Как мне это все запомнить и не перепутать потом?

– А мы вам поможем, – обнадежил его член Совета Тибета. – Но один уговор. Те тайные знания, что мы вам будем давать, предназначены исключительно для вас и передачи их из рук в руки вашему руководству в устной форме. Никаких записей, ваши коллеги по экспедиции ничего о них не должны знать. Прошлое нашей планеты и технологии древних ци-

визаций пока опасны для открытого доступа. Еще не пришло время и правда может вызвать хаос в умах неподготовленных к ней. Ваше знакомство с этой информацией будет проводиться в библиотеке и одном из храмов дворца Потала, побываете и в подземных хранилищах не раз. На это уйдет время, вам и вашим людям придется задержаться в Лхасе.

– Сумею ли я все запомнить? – в сомнении заметил чекист.

– Сумеете, у нас есть наработанные методы передачи больших объемов информации и их запоминания, – уверил провожатый.

Блюмкин и остальные члены специальной экспедиции ОГПУ в Тибет провели в столице этого горного государства около трех лет. Но домой не все они вернулись живыми, на обратном пути случились стычки с бандитами.

Яков после предоставления отчета в Москве высшему начальству ОГПУ совершил по надобностям своей службы пару поездок в Европу, где сумел тайно от своего руководства встретиться с Троцким на Кипре, уже покинувшем РСФСР, у которого когда-то был начальником охраны. Он передал ему всю информацию о своей поездке в Тибет. Заодно этот авантюрист решил поправить свои финансовые дела, поделившись уже в советской столице узанными в Лхасе секретами с неким Вернером фон Штильхе, представителем германской разведки. Немец за это заплатил ему наличными два с половиной миллиона американских долларов, что в

ценах 1929 года представляло собой немалую сумму. Покрытый пылью чемодан с обретенным состоянием пламенный орел революции хранил по-простому без затей у себя на квартире под кроватью. Пока его не заложила органам любовница Блюмкина и по совместительству осведомитель ОГПУ Маргарита Полежаева, когда он по доброте душевной дал ей немного баксов на покупку одежды и парфюма. В планах у Яши была идея свалить с ненаглядной и заветным чемоданом от суеты и рутины куда-нибудь в Южную Америку, да видать не судьба.

В результате аврально проведенного дознания следователем ОГПУ вскрылась прямая измена Родине и заветам Ильича. За это руководство Якова ему попеняло, сразу же шлепнув его. А полюбовница Блюмкина гражданка Полежаева тоже долго не задержалась на этом свете. О подробностях расследования в Политбюро и Сталину сообщать не стали, обошлись без пикантных деталей.

Во второй половине 30-х годов всесильный к тому времени Иосиф Виссарионович таки прознал о сути произошедшего с Яковом Блюмкиным и приказал расстрелять интриганов Бокия и Барченко, не добравшись до остальных участвующих лиц в этой невероятной истории, благо они уже умерли к тому времени своей смертью.

*Кельтское море
южное побережье Ирландии
борт немецкой субмарины «U-20»
7 мая 1915 года*

— Господин капитан-лейтенант, на горизонте замечено большое количество дымов! — доложил вахтенный дозорный, спустившись с рубки в центральный пост подводной лодки.

— Боевая тревога, погружаемся на перископную глубину! Начинаем сближение с целью, право на борт! — скомандовал капитан «U-20» Вальтер Швигер, развернув свою фуражку козырьком назад и прильнув глазами к окулярам перископа.

На горизонте действительно виднелось несколько дымов, как от группы судов.

На море был легкий туман, безветренно.

Подводная лодка военно-морского флота Германской империи, находящаяся на боевом патрулировании в здешних водах, стала маневрировать под электромоторами, выходя на выгодную позицию торпедной атаки. Через час капитан-лейтенант увидел в перископ большой четырехтрубный круизный лайнер водоизмещением более двадцати тысяч тонн, с затемненными окнами и иллюминаторами, идущий на ско-

рости около восемнадцати узлов к берегам Ирландии, видимо в порт Куинстауна, до которого оставалось сорок миль пути.

Одиночная цель была без боевого охранения противолодочных кораблей. Приказом командующего военно-морского флота Германии все гражданские суда под флагами государств антигерманской коалиции в водах Великобритании во время идущей Первой мировой войны признавались войсковыми транспортами с безусловным последующим потоплением или захватом в качестве военного приза.

Трансконтинентальный лайнер «Лузитания», принадлежавший британской судоходной компании «Кунард Лайн» и приписанный к порту Ливерпуля, который обнаружила «U-20», имел на борту 1262 пассажира, из них 129 детей, и 698 членов экипажа. Несмотря на предупреждение германского посольства об активизации действий немецких субмарин около Великобритании из-за военных действий, данное в газетах Нью-Йорка, откуда вышел этот круизный турбоход, капитан этого роскошного судна Уильям Тёрнер проложил курс вверенного ему лайнера через опасные районы Кельтского моря.

Выйдя на дистанцию атаки, Вальтер Швигер выпустил всего одну торпеду, попавшую в правый борт «Лузитании» в районе четвертого и пятого водонепроницаемых отсеков. После взрыва торпеды через несколько секунд прогремел еще один взрыв, куда более мощный, чем первый. В резуль-

тате этого через пробоины в корпусе лайнера стала быстро поступать вода и спустя восемнадцать минут после атаки турбоход затонул в десяти милях от берега.

На борту «Лузитании» после трагедии с «Титаником» имелось более чем достаточное количество спасательных шлюпок. Но из-за быстропрогрессирующего крена в результате торпедирования воспользоваться ими в полной мере не представилось возможным. Огромная воронка на поверхности моря от ушедшего под воду громадного судна засосала большое количество барахтавшихся в холодной воде людей. Погибло 1197 человек, включая 287 женщин и 94 ребенка.

Британское Адмиралтейство объяснило второй, более мощный взрыв на борту «Лузитании» наличием некоторого количества ящиков перевозимых винтовочных патронов, занесенных в предварительный грузовой манифест, переданный таможене, что не являлось военным грузом. Но данный вид боеприпасов не обладал достаточной мощностью при подрыве для разрушения части корпуса лайнера, ведущего к его потоплению. Представители судоходной компании, владевшей данным судном, отнесли инцидент к газо-воздушному взрыву, произошедшему из-за угольной пыли уже пустых хранилищ топлива, выработанного к моменту атаки немецкой субмарины. Это утверждение кажется маловероятным ввиду быстрого затопления забортной водой угольных бункеров через пробоину.

Что произошло на самом деле мы, наверное, никогда не

узнаем, так как спустя время, уже в 1950-х годах корабли британских ВМС прицельно бомбили место затопления трансатлантического лайнера. Для чего они это делали – большой вопрос. Скорее всего, из США в Великобританию тайно перевозили в трюмах «Лузитании» большое количество артиллерийских снарядов и взрывчатых веществ, так необходимых английским войскам во время идущей в Европе войне.

Семейство Ротшильдов, имевшее огромное влияние на правительство Великобритании, смогло втянуть США в войну на ее стороне. В этих странах поднялась волна негодования бесчеловеческой политикой по отношению к гражданскому населению, проводимой высшим руководством кайзеровской Германии.

* * *

Россия

Санкт-Петербург

Каменноостровский проспект

октябрь 1996 года

Серый внедорожник «Исудзу-Труппер» притормозил у сквера с памятником изобретателю радио Попову по Каменноостровскому проспекту, напротив ДК имени Ленсовета, забрав поджидавшего его молодого человека, и уверенно

влился в поток автотранспорта, направляясь в сторону Приморского шоссе.

Виктор Шелест, севший в подъехавшую за ним машину на заднее сиденье, поздоровался с молча кивнувшим в ответ водителем, приготовившись к дальнейшему развитию событий.

Неделю назад, когда он неожиданно познакомился на вечере камерной музыки в органном зале Смольного собора с одним господином, явно проявлявшим к нему интерес со стороны необозначенной российской спецслужбы, и, получив от него предложение о встрече со своим руководством, Шелест не спешил с этим непонятно куда способным завести контактом. Но посоветовавшись со своими друзьями, решился на встречу.⁹

Он позвонил по имеющемуся у него номеру контактного телефона.

На другом конце провода, находившемся в Санкт-Петербурге, ему не удивились и не обрадовались. Не представившись, мужской голос спокойно выслушал его, переспросив только когда будет удобнее организовать встречу, и назвал место и время, где Виктора заберет служебный автомобиль.

Внедорожник легко шел по шоссе, выехав за городскую черту. За окном мелькали дачные поселки, протяженный лесной массив между Ольгино и Лисьим Носом. Подъехав к Сестрорецку «Исудзу-Труппер» углубился по улице Комму-

⁹ Подробнее см. книгу «Небесные огни. Часть первая.» (прим. авт.)

наров в район Курорта, застроенный одноэтажными домами и расположенный у побережья Финского залива. Подкатив к одному из двухэтажных особняков за высоким забором, стоящим недалеко от Ермоловского пляжа, заехал в открывшиеся ворота.

Выйдя из автомобиля, Шелест оказался в уютном дворе с лужайкой, частично мощеным красивой каменной плиткой. Рядом на газоне убирал опавшие листья граблями спортивного вида парень в опрятном комбинезоне.

– Вам туда, – показал он рукой в сторону одной из входных дверей особняка.

Зайдя в дом, Виктор очутился в просторной гостиной с несколькими окнами на другую сторону здания. В помещении присутствовал подтянутый мужчина средних лет в сером костюме, стоящий около аквариума во всю стену, подсвеченного небольшими лампами.

– Здравствуйте, Виктор Александрович, – начал он без предисловий. – У меня есть к вам несколько вопросов, присаживайтесь.

Шелест сел на один из диванов уголка, расположенного вместе с журнальным столиком в противоположном углу гостиной, у стены с парой висящих картин маринистов.

– Зовут меня Сергей Константинович Торопов, – представился мужчина, присев на другой диван. – Я полковник российской военной разведки. У нас возник интерес к вашей поездке в Германию. Расскажите поподробнее о докторе Ру-

иге и его научной деятельности.

Виктор сухо сообщил о цели своего визита в ФРГ и о роли принимавшего его доктора, опустив детали захватившего Шелеста расследования.

– Что вы думаете о разработках вашего нового шефа? Вы ведь инженер-химик? Работали в солидном научном институте, – спросил Торопов и предложил. – Может быть, чай, кофе?

– Спасибо, не надо. Разработки, безусловно, новаторские. Сейчас появляется много неожиданных изобретений и технологий, эти как раз из подобного ряда.

– Откуда черпает свое вдохновение Ханс Руиг? Как вы думаете?

– Диапазон его интересов очень широк. А вдохновляют его наследия древних цивилизаций, забытые технологии Средневековой Европы и разработки Третьего рейха. Он много работает в архивах и у него есть целый штат сотрудников для подобного поиска.

– Вас не смущает его тяга к колдунам, нацистским ученым и полусумасшедшим изобретателям вечного двигателя? Ко всему неведомому и потустороннему, – усмехнулся Сергей Константинович.

– Вы хорошо осведомлены о пристрастиях доктора, – заметил Виктор.

– Да, мы давно наблюдаем за его нетрадиционными методами исследований и научной деятельностью. Особенно, ко-

гда она выходит за свои рамки и проявляется интерес к новейшим военным технологиям стран НАТО и России. Вас это не на какие мысли не наводит? – произнес Торопов, внимательно наблюдая за реакцией Шелеста.

– Про это ничего не знаю. А неведомое и потустороннее в наших представлениях об окружающем нас мире и сути вещей Руиг, как большой реалист и прагматик, объясняет косностью мышления современной науки и позиции, на которых стоит христианская церковь, формирующая взгляды своих прихожан. Среди них есть немало ученых, невольно превносящих полученное в исповедуемые ими научные концепции.

– Павел Николаевич Петров, он же известный среди черных копателей и коллекционеров немецкой военной атрибутики Второй мировой войны как Паша-Фауст, с кем вы общаетесь – это ваша тяга к археологии, к тайнам древних цивилизаций или все более прозаично?

– Скорее, мой интерес к загадкам и белым пятнам уникальных технологических разработок и истории Третьего рейха.

– Виктор, мы совсем не против ваших контактов с Хансом Руигом. Но должны быть в курсе его планов, чтобы помочь вам не совершить ошибку, необдуманный поступок. В этом и заключается, в том числе, наша повседневная работа на страже государственных интересов России. Вы меня понимаете?

– Да, хорошо понимаю, – подтвердил Шелест и попрощался. – А доступ в ваши архивы для уточнения кое-каких технологий нацистской Германии можете мне устроить?

– Смотря какие технологии, – совершенно не удивившись, ответил Сергей Константинович. – Вы лучше подготовьте мне список на интересующие вас темы или конкретные проекты, а мы поищем, что может вас заинтересовать. Вы думаете, там бездонная бочка?

– Да ладно вам приbedняться, – по-свойски заметил Виктор. – После Второй мировой войны НКВД эшелонами вывозила техническую документацию военных и технологических разработок Третьего рейха, что-то обязательно должно было перепасть и вам, так как разведывательные ведомства тогда были объединены. Это мне рассказывали мои убежденные седидами руководители в том научном институте, где мне посчастливилось поработать после получения профильного образования.

Его фамильярный тон не смутил собеседника, по-видимому, современного человека, лишенного каких-либо предрассудков.

– Вы ведь и в дальних краях умудрились побывать? – констатировал Торопов.

– Подвернулась такая возможность. В работе образовалась пауза, подкопил денег за год и шеф помог материально. Грех не посмотреть на другие страны, когда еще получится? Я ведь за границей впервые побывал, вот и решил

совместить приятное с полезным.

Сергей Константинович понимающе улыбнулся.

– Я бы вас только хотел попросить не придавать огласке среди ваших друзей и знакомых этот разговор, да и вообще наш контакт, – на прощание сказал Шелесту представитель разведки. – Никаких бумаг о неразглашении беседы подписывать тоже не надо, сейчас совсем другие времена. Ни о чем таком секретном мы с вами не говорили, повседневная рутина.

Виктор утвердительно кивнул, соглашаясь.

Они еще посидели-поговорили об второстепенных деталях. Потом Шелест раскланялся и его увезли обратно в Санкт-Петербург.

Торопов остался один, обдумывая прошедшую беседу.

Дверь из смежной с гостиной комнаты отворилась, и вошел еще крепкий, коренастый господин за пятьдесят лет, одетый в белую вязаную кофту и брюки.

– Сергей, а почему ты не спросил его о монете-брелке? – поинтересовался вошедший.

– Он бы ничего не сказал, товарищ адмирал. Или сообщил бы, что купил ее по случаю на рынке где-нибудь в Эквадоре у уличного старьевщика, потому что понравилась, – ответил капитан 1 ранга, его заместитель. – Этот Шелест совсем не такой простак, за которого себя выдает. И мы еще хлебнем лиха, имея дела с ним.

– Да, пожалуй. А что у нас по его контактам в Германии?

– Пока ничего нового. Работа у Руига в экологическом центре в «Коллегиум Хуманум», хозяева которого являются старые нацисты. Ханс Руиг наш давний клиент, на него есть досье. Установлен контакт Шелеста с Павлом Петровым, кстати, нашим бывшим коллегой, входящим в группу черных копателей Яна Ковача. Все они служили ранее в военных разведках стран Варшавского договора. Люди тертые, проследить их деятельность будет трудно, вряд ли где-то на следят.

– Может быть, есть смысл проверить предполагаемые контакты этой группы с разведками стран НАТО? – предложил адмирал.

– Не думаю. Они на себя работают, творчески используя свой профессиональный опыт, – с иронией заметил Торопов.

– Что по вояжу Шелеста в Южную Америку?

– Зачем Шелест летал в Аргентину, Парагвай, Бразилию и Эквадор до сих пор неясно. Говорит, отдохнуть решил на заработанное, экзотики поглядеть. Надо запрашивать наши резидентуры, на проверку их сотрудниками вояжа нашего подопечного нужно много времени и совсем не гарантирован результат.

Они помолчали.

– Вам то зачем все это надо, Виталий Андреевич? – спросил адмирала Торопов. – Случайно найденный экипажем подводного аппарата ГУГИ контейнер из странного сплава металлов, который невозможно получить в земных услови-

ях. Древние артефакты из золота высочайшей степени чистоты, которых непонятно к какой из прошедших культур можно отнести. Да это и не по профилю нашего управления.

В июле 1995 года при проведении совместной секретной операции силами ГУГИ и военно-морского управления ГРУ министерства обороны России по забору обзорно-прицельного контейнера нового поколения, добытого российской разведкой, в территориальных водах Испании у побережья Канарских островов на глубине ста метров случайно был обнаружен затонувший галеон XVI века, на котором нашли емкость из неизвестного сплава и золотые изделия времен конкистадоров¹⁰ весом около четырех тонн. Присутствующий в гостинной контр-адмирал Берестнев был начальником этого военно-морского управления ГРУ.

– Видишь ли, Сергей. За всем этим могут скрываться технологии, по сравнению с которыми новейшие типы вооружений просто рогатка в руках пацана, – ответил своему заместителю Берестнев. – А кто будет владеть подобными вещами, тот и хозяин положения, потому что в современном мире и политике сила – это главный аргумент в серьезном споре. И не важно где это будет использовано, внутри страны или снаружи....

...Вернувшись в Питер на машине приглашающей сторо-

¹⁰ Конкистадор – в период конца XV – XVI веков испанский или португальский завоеватель территорий Нового Света в эпоху колонизации Америки, участник конкисты – завоевания Америки. (прим. авт.)

ны Виктор Шелест приехал домой. Его родители находились на работе и у него было время как следует обдумать прошедшую беседу в Сестрорецке.

Внезапно зазвонил телефон.

– Слушаю вас, – произнес в трубку Шелест, оторвавшись от своих мыслей.

– Добрый день. Я хотел бы поговорить с Виктором Шелестом, – раздался в динамике доброжелательный мужской голос по-немецки. – Я – Конрад Альтманн, профессор геологии из университета города Бреслау.

* * *

*Российская империя
Санкт-Петербург
улица Жуковского, 37
июнь 1903 года*

Двенадцатого числа июня месяца в своей химической лаборатории, расположенной по месту жительства, при странных обстоятельствах был обнаружен без признаков жизни редактор столичного журнала «Научное обозрение» Михаил Филиппов. После констатации его смерти по неизвестной причине вызванным на дом вольнопрактикующим врачом Полянским в квартиру редактора, неизвестно кем оповещенные, нагрянули жандармы, агенты охраны и эксперт Глав-

ного артиллерийского управления, специалист по взрывчатым веществам и боеприпасам Гельфрейх, для проведения осмотра и следствия. Из лаборатории Филиппова было вывезено в охранное отделение все оборудование и записи погибшего химика, представлявшие несомненный интерес.

– Он просил не будить его до полудня, собиравшись задержаться за проведением опытов допоздна, – сообщила прибывшим чинам и следователю убитая горем супруга Филиппова, Любовь Ивановна. – В полдень пошли будить, в постели Михаила Михайловича не оказалось. Дверь его лаборатории была заперта. Пришлось взломать и вот!

– Официальная версия смерти Филиппова – отравление парами синильной кислоты по неосторожности при ее приготовлении, – доложил начальнику охранного отделения Санкт-Петербурга полковнику Кременецкому прибывший к нему в кабинет ротмистр Самохвалов. – На теле погибшего не обнаружено синяков и ссадин, в лаборатории не нашли следов борьбы.

– Существуют яды, не оставляющие следов, – произнес начальник охранного отделения, глянув на присутствовавшего в кабинете криминалиста Даля.

– Точнее сказать, Леонид Николаевич, у нас пока нет таких методов и реактивов, чтобы обнаружить эти следы, – заметил Кременецкому пожилой, интеллигентного вида криминалист.

– По словам близких и сотрудников его журнала господин

Филиппов собирался осчастливить весь мир новым изобретением, могущим разом покончить с войнами. Якобы он придумал способ производить выборочную детонацию на больших расстояниях складов боеприпасов и взрывчатых веществ, — продолжил доклад Самохвалов.

Спустя день газета «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовала открытое письмо Михаила Филиппова, отправленное им в редакцию буквально накануне своей смерти. В нем он сообщал:

«В ранней юности я прочёл у Бокля, что изобретение пороха сделало войны менее кровопролитными. С тех пор меня преследовала мысль о возможности такого изобретения, которое сделало бы войны почти невозможными. Как это ни удивительно, но на днях мною сделано открытие, практическая разработка которого фактически упразднит войну. Речь идет об изобретенном мною способе электрической передачи на расстояние волны взрыва, причем, судя по примененному методу, передача эта возможна и на расстояние тысяч километров, так что, сделав взрыв в Петербурге, можно будет передать его действие в Константинополь. Способ изумительно прост и дешев. Но при таком ведении войны на расстояниях, мною указанных, война фактически становится безумием и должна быть упразднена. Подробности я опубликую осенью в мемуарах Академии наук. Опыты замедляются необычайною опасностью применяемых веществ, частью весьма взрывчатых, как треххлористый азот,

частью крайне ядовитых».

Чтобы успокоить общественность, взбудораженную смертью Филиппова и его письмом в редакцию газеты, для дискредитации последнего охранным отделением была организована публикация в газетах заметки журналиста «Нового времени» Петерсена под заголовком «Мрачная загадка», где он подверг сомнению компетентность изобретателя и несостоятельность его идей. В защиту своего ученика и друга на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» выступил известный русский химик Менделеев, у которого он неоднократно публиковался:

«Философски образованный человек, – писал Менделеев, – никогда себе не позволит подвергать столь резкому осуждению еще не произведенные открытия, тем более что идеи Филиппова (кстати сказать, насколько мне известно, изучавшего химию в Гейдельбергском университете) вполне могут выдержать научную критику. В них нет ничего фантастического: волна взрыва доступна передаче, как волна света и звука».

Примерно в это же время в кафе «Доминик» на Невском проспекте двое господ пробовали лучшее мороженное в Санкт-Петербурге.

– Настоящее крем-брюле! – сказал молодой мужчина, одетый неброско, публицист и сотрудник «Научного обозрения» Финн-Енотаевский, по виду из тех, кто запросто способен прихватить из гостей серебряный подстаканник или там

положим ложку на память о хлебосольных хозяевах.

– Попробуйте лучше вон то, персиковое, Александр Юльевич, – ненавязчиво предложил своему спутнику сидящий напротив за столом пожилой господин в заграничной темной шерстяной тройке, подернутой красной нитью. – Не менее изысканный вкус.

Изрядно обрусевший немецкий натуралист Штерн потчевал своего нового приятеля, украдкой поглядывая на свои часы из жилетного кармана.

За большим, широким окном заведения по главному проспекту столицы в обе стороны шло оживленное движение. Степенно следовали запряженные четверкой лошадей экипажи. Проворно обгоняли их пролетки и быстроходные ландо. Иногда неторопливо проезжала конка.

– Вы принесли мне обещанное? – поинтересовался он у молодого мужчины.

– Конечно, Яков Карлович, – подтвердил Финн-Енотаевский с набитым ртом и сразу спросил. – Деньги при вас?

– Покажите сначала рукопись.

Публицист подал Штерну толстую картонную папку с завязками. Раскрыв ее, Яков Карлович долго переключивал машинописные листы с местами вписанными от руки чернилами химическими формулами и уравнениями, отдельные листы ватмана с конструкционными схемами аппарата.

Александр Юльевич нетерпеливо открыл под столом протянутый наконец ему немецким натуралистом саквояж.

Внутри оказались перетянутые бечевой пачки казначейских билетов.

– Позвольте, дайте хотя бы половину банкнотами или червонцами! – толком не прожевав, возмутился молодой человек.

– Полно, голубчик, я и так пошел вам навстречу. Ввергли меня в большие расходы, еще неизвестно, купят ли у меня папку. Да и не стоит она столько, переплатил я по доброте душевной, – возразил Яков Карлович и спросил так безмятежно. – А что, вдова то Филиппова не хватится трудов покойного? Вы ведь на время папку взяли или как?

– Скажу, со страху сжег рукопись, с перепугу даже. Там ведь сейчас допрос по всей форме охранное отделение учиняет, не полиция, нет-с. Говорят, покойный с бомбистами, душегубами царскими дружбу водил, просвещал их химией, – в рассуждениях наскоро закончив пересчет наличности сразу повеселел Финн-Енотаевский¹¹. – А вон как обнаружат чины сей труд у вдовы, что скажут потом?

– Получите за хлопоты, милейший, – окликнул прислугу Яков Карлович, рассчитавшись и дав хорошие чаевые.

После встречи с сотрудником «Научного обозрения» Штерн проследовал на Михайловскую улицу в сторону площади Искусств, где зашел к приказчику сделать на гектогра-

¹¹ Александр Юльевич Финн-Енотаевский (урождённый Аба Иоэлевич Финн; сосланный полицией в Енотаевск в 1896 году, стал использовать псевдоним Енотаевский, который позже стал частью его фамилии; 1872 – 1943) – революционер, социал-демократ, литератор. (прим. авт.)

фе¹² копию рукописи, Затем в доходном доме Рогова он посетил остановившегося там проездом представителя американского банка «J. P. Morgan & Co.», уезжавшего вечерним поездом в Ригу и далее пароходом в Нью-Йорк, передав тому папку с работами Филиппова.

Впоследствии среди петербуржцев стала ходить еще одна версия смерти Филиппова, согласно которой убийцем самоубийного изобретателя с пацифистским уклоном был некий полусумасшедший Яков Грилюк, студент-естественник Петербургского университета. Уговорить Грилюка охранке при помощи небольшой толики денег не составило большого труда, тем более что означенный субъект не вполне адекватно воспринимал окружавшую его действительность. Арестованный позже охранкой, он к тому же был неизлечимо болен открытой формой туберкулеза, от чего и помер вскорости в тюремном лазарете.

Спустя два года начальник охранного отделения Санкт-Петербурга полковник Кременецкий был вынужден освободить должность в связи с убийством в 1905 году дяди царя Николая II, великого князя Сергея Александровича, разорванного на куски бомбой революционера Каляева, и ввиду ставших известными подлогов Кременецкого по организации последним фальшивых типографий социалистов с по-

¹² Гектограф – тип копировального аппарата. Гектографическая печать применялась для дешёвого быстрого тиражирования материалов невысокого качества. (прим. авт.)

следующим их раскрытием.

* * *

*Российская империя
Санкт-Петербург
Слоновая улица
июнь 1903 года*

– Здесь останови, любезный! – окликнул лихача сидевший в пролетке Финн-Енотаевский, протянув тому рубль серебром. – Возьми за труды. Подожди меня здесь, еще столько же получишь.

– Стой, холера! – кучер осадил кобылку с норовом. – Благодарствую, барин!

Сотрудник столичного журнала «Научное обозрение» вылез из коляски на бордюр тротуара и немного пройдя в переулок вальяжно зашел в номерá, расположенные рядом со Слоновой улицей. В глубине просторного помещения, отделанного темными породами дерева с настенными канделябрами и заставленного кадками с тропическими растениями, находилась дубовая стойка с ключами.

– Что будет угодно? – благожелательно поинтересовался у вошедшего лощеный крепкий малый в пикейном жилете с шелковым галстуком-бабочкой и набриолиненными волосами.

– Меня ждут. Я к господину Штерну, – произнес Финн-Енотаевский.

– Пожалуйста. Четвертый этаж, сорок пятый номер, – сообщил ему малый и указал на широкую лестницу сбоку от стойки, ведущую наверх.

Сотрудник журнала легко поднялся на нужный этаж и пройдя по коридору постучал в одну из дверей.

– Открыто, – слышалось изнутри.

Молодой человек толкнул дверь и вошел в богато меблированную комнату, где на широком кожаном диване перед низким столиком сидел в вольной позе, закинув ногу на ногу, известный натуралист Штерн Яков Карлович собственной персоной.

– А, Александр Юльевич! Пришли-таки! – воскликнул он улыбаясь. – И правильно сделали. Делу время, потехе час. Я вас сейчас хорошим бургундским побалую, из Франции вчера пару ящиков привезли с оказией. А потом мамзелей снизу позовем. Говорят, шаловницы каких нет, французскую любовь жалуют.

Яков Карлович отвернулся на минуту к сервировочному столику, уставленному разнокалиберными бутылками и посудой, чтобы взять обещанное и два бокала. Повернувшись назад, ему в лицо уставилось дуло бельгийского «браунинга», который держал в вытянутой руке гость.

– Что это вы, батенька, с пистолетиком балуете? – стараясь держать себя в руках, спросил натуралист молодого че-

ловека. – Не ровен час, пальнете с перепугу.

– Половина ваших ассигнаций, что вы мне дали, оказалась подделкой! – свистящим от волнения голосом сообщил Финн-Енотаевский, глядя на Штерна и не опуская оружие. – Правда, хорошей подделкой, фабричного качества. Мне это мои товарищи сказали.

– Не те ли это товарищи, господин социалист, что ухлопали наемни вашего работодателя Филиппова синильной кислотой? – с усмешкой спросил немец и продолжил. – В газетах ясно писали о причине его смерти. Предлагаю разойтись по-хорошему. Вам и того, что я вам дал, за глаза хватит.

– Яков Карлович, морда! Не испытывайте моего терпения! – повысив голос сорвался сотрудник журнала. – Гоните деньги!

Из коридора слышались пьяные мужские голоса и вульгарный смех профурсеток¹³, что отвлекло внимание гостя.

В тоже мгновение наотмашь выброшенная натуралистом гирька на цепочке вышибла «браунинг» из руки Александра Юльевича. Пистолет по дуге улетел в угол комнаты. Штерн прыгнул вперед через низкий стол, чтобы еще раз приложить своим кистенем оппонента, но не рассчитал и потерял равновесие. От неожиданного удара с оттягом пламенного революционера «колбасой» – носком с песком по голове, Яков Карлович кулем осел на пол.

¹³ Профурсетка – устаревшее название женщин легкого поведения, проституток в Российской империи. (прим. авт.)

Бесцеремонно содрав с безымянного пальца оглушенного и тихо постанывающего немца массивный перстень, Финн-Енотаевский также экспроприировал у классово-чуждого ему элемента дорогой брегет и кожаное портмоне с толстой пачкой английских фунтов стерлингов и американских долларов. Обыскав номер дома терпимости, он обнаружил в портфеле копию рукописи Филиппова, которую отвез на ожидавшей его пролетке в германское посольство к военному атташе, с коим состоял на тайной связи. Молодой человек незамедлительно первым поездом отбыл по поддельному паспорту в Финляндию через железнодорожную станцию Белоостров в Гельсингфорс¹⁴, чтобы переждать некоторое время и отдохнуть, благо наличные средства это позволяли.

* * *

Соединенные Штаты Америки

штат Нью-Йорк

Лонг-Айленд

30 июня 1908 года

В 1900 году, заручившись финансовой поддержкой американского мультимиллионера, банкира и предпринимателя Джона Моргана, являвшегося негласным представителем се-

¹⁴ Гельсингфорс – старое название Хельсинки. (прим. авт.)

мейства Ротшильдов в США, а также акционеров созданного им общества по реализации проекта «Уорденклифф», сербский изобретатель Никола Тесла на купленном им земельном участке в шестидесяти километрах севернее Нью-Йорка на острове Лонг-Айленд с помощью подрядной строительной компании воздвиг сорокасемиметровую башню с медным излучателем наверху, являющуюся копией конструкции, созданной им ранее в Колорадо-Спрингс. Официальной версией строительства новой башни являлось реализация проекта Моргана с акционерами сети подобных излучателей-радиотрансляторов. Истинной же целью, сокрытой от компаньонов Теслой, была беспроводная передача электрической энергии на большие расстояния.

В один из дней с раннего утра сербский изобретатель решил провести очередной эксперимент по возбуждению резонанса стоячих электромагнитных волн в земной атмосфере на своем новом излучателе. В это же утро по случайному совпадению к нему в лабораторию на Лонг-Айленде пришли два немецких господина с деловым предложением.

– Чем могу быть вам полезен? – осведомился у них Тесла.

– Германское правительство хотело бы приобрести у вас патент устройства на беспроводную передачу электрической энергии, – сообщил один из визитеров.

– Это будет стоить недешево, – заметил серб.

– Все имеет свою цену, – произнес второй господин. –

Но мы бы хотели предварительно увидеть излучатель в дей-

ствии.

– Вы пришли как нельзя вовремя, – сказал Тесла, выглянув в окно. – Сейчас с океана надвигается грозовой фронт. Я давно хотел попробовать использовать в своем эксперименте силу небесного электричества.

Когда он запустил генераторы в помещении лаборатории рядом с башней, то на них возникли длинные коронарные разряды.

– Выйдем наружу, господа. Так вам будет нагляднее, – предложил гостям изобретатель.

Все покинули здание.

Грозовой фронт уже был над Лонг-Айлендом. Черно-фиолетовые тучи клубились, закрывая все небо над океаном, в пару милях от них сверкали молнии, шел небольшой дождь. Над медным куполом излучателя башни стояло сильное свечение, из него непрерывно били коронарные разряды, достигавшие длины десятков метров.

– Черт, что это?! – воскликнул один из визитеров, когда между его стоп проскочил синий зигзаг искры. – Меня ударило током!

На решетке ограды участка, на оконных металлических подоконниках, на водостоках тлели огоньки электростатики, словно «огни святого Эльма» в горах.

– Во многих домах этого города к великому удивлению их обитателей сейчас горят электрическим светом неподключенные лампы накаливания, – с усмешкой сказал Никола

Тесла, продемонстрировав своим гостям ярко светящуюся лампочку, которая была у него в руке.

— Нам надо с коллегой посоветоваться, — сообщил сербу второй визитер, увлекая своего компаньона к выходу с участка. — Мы позвоним вам о нашем решении.

На следующий день немецкие гости Теслы из нью-йоркских газет узнали о падении «Тунгусского метеорита» в русской тайге и о возможной взаимосвязи этого происшествия с работой башни сербского изобретателя прошедшей ночью. Газеты писали, что Тесла зажег небо на пространстве в тысячи миль над просторами океана. Еще газеты писали о массовом падеже скота и домашних животных в районах, примыкающих к участку на Лонг-Айленде. О затоптанных пешеходах лошадьми гужевого транспорта, которые получали сильные разряды тока от мокрого асфальта через подковы. Сообщалось также о необъяснимом повышении рецидивов у сердечников и людей с отклонениями психики, срочно помещенных властями в соответствующие госпитали.

Представители германского правительства, оценив перспективы увиденного, незамедлительно приобрели патент у гениального изобретателя на его условиях по беспроводной передачи электричества с помощью излучателя конструкции Теслы.

*Священная Римская империя
курфюршество Рейнский Пфальц
ноябрь 1326 года*

– Лука, ты где?! – на ходу обернувшись в седле позвал отставшую и чего-то вынюхивающую под кустами собаку Герметик. – Догоняй нас быстрее!

Крупный серый, с темными пятнами, пес, услышав голос хозяина, чуть поднял обвислые уши и, смешно закидывая задние ноги вперед передних, упругими прыжками помчался вслед за тремя всадниками на добрых конях и одноосной открытой повозкой, запряженной одной лошадью, ехавших в узкой лощине среди стоявших голых деревьев.

Было холодно и зябко. Пар вылетал изо рта при разговоре со спутниками. С утра еще зарядил мелкий дождик, грозящий идти целый день. Рыцарь Ордена Храма Пьер Дельмонт с помощником Андрэ, Гай Герметик со своим учеником Фридрихом и верным псом Лукой, выехав из Праги от Арношта из Пардубице, держали путь в графство Рейнский Пфальц, в славный город Хайдельберг. Они проехали Богемию¹⁵ и вступили в немецкие земли, входящие в состав

¹⁵ Богемия – историческая область в Центральной Европе, занимающая западную половину современного государства Чехия. (прим. авт.)

Священной Римской империи с середины X века, управлявшиеся императором Людвигом IV, которые были разделены на семь княжеств-курфюрств, обладавших полной самостоятельностью во внутренних делах.

Путники проезжали утлые деревушки с хижинами крестьян, пустынные поля, с которых давно был собран урожай. Несколько раз издали видели стоящие на возвышенности замки удельных рыцарей-баронов, стараясь держаться подальше от господских милостей.

В пути питались в тавернах городков или по-простому у костра, на огне готовя еду из припасов, перевозимых в повозке. На ночлег останавливались на постоянных дворах. Пару раз заехали в дома знакомых Дельмонта, возглавлявшего группу и пригласившего Гая в эту поездку.

Так, с Божьей помощью, за двадцать дней они добрались до предместий Хайдельберга. Подъезжая к городу, компания во главе с Пьером Дельмонтом увидела направляющуюся к ним наперерез группу всадников, резво припустивших галопом. Подскакав ближе, незнакомцы окружили остановившегося рыцаря и остальных.

– Кто вы и куда путь держите? – спросил путников выехавший вперед на красивом пегом жеребце ратник в добром панцире под шерстяным плащом.

Он был без шлема и его кудрявые, смоляного цвета волосы слегка шевелил ветер.

– Я странствующий рыцарь Пьер Дельмонт из Нанта, – с

достоинством его происхождения ответил тамплиер. – А это мои люди – лекарь, оруженосец и слуга. Держу путь из земель польского вассала короля богемского Яна Люксембургского к королю португальскому по надобности службы, о чем записано в моей подорожной.

– Хочу взглянуть на нее, – требовательно молвил кудрявый.

– С коих это пор в землях курфюрста Пфальца подорожной стали интересоваться все кто вздумается? – насмешливо ответил Дельмонт, глянув на щит одного из всадников кучерявого. – Или у него своей стражи мало?

– Я – Норберт Хельд, сотник барона фон Манне. Ты пересек его земли и должен заплатить за проезд.

Мимо неторопливо следовал верховой разъезд воинов с изображением желтого льва на черном фоне на своих щитах, как родового герба курфюрста Пфальца, неприязненно покосившихся на ратников кудрявого.

– Бог подаст! – с издевкой произнес тамплиер. – Обирайте оброками своих нищих крестьян!

Он, взнуздal своего коня и, не очень вежливо отодвинув его крупом одного из всадников сотника, проехал далее за людьми курфюрста. Следом за Дельмонтом устремились Герметик, Андрэ и повозка с Фридрихом.

Ратники барона не посмели при стражниках чинить препоны чужестранным путникам.

– Хочу познакомить тебя с одним моим хорошим зна-

комым, — сказал Пьер Дельмонт, когда всадники и повозка остановились на берегу реки Неккар, рассматривая раскинувшийся перед ними город с замком. — Он живет здесь неподалеку.

— Чем занимается твой знакомый? — спросил Герметик у рыцаря.

— Делает стекло. Производит из него утварь, чаши, вазы с бокалами на заказ богатым господам, — ответил тамплиер. — Но мне кажется, он знаком и с алхимией, иначе не стал бы столь искусным мастером и состоятельным человеком. Думаю, тебе будет интересно с ним поговорить, да и мне есть, что узнать у него.

Всадники с повозкой проехали по мощеным улочкам Хайдельберга, разглядывая идущих по своим делам горожан, ремесленников. Остановились около городского рынка, чтобы купить свежего мяса и овощей, да пару добрых кувшинов вина.

Подъехав к одиноко стоящему дому, построенному из грубо сложенных камней за высоким забором, расположенному у подножия горы Всех Святых, довлеющей над Хайдельбергом, постучали в массивные ворота.

— Он немного нелюдим, — пояснил Дельмонт, слезая с коня. — Потому живет на отшибе в уединении.

Через некоторое время слышались приближающиеся шаги и путникам открыл высокий пожилой, с коротким ежиком седых волос, мужчина в кожаном фартуке поверх не

очень свежей одежды.

– Рад тебя видеть, Пьер! – произнес открывший ворота, тепло поздоровавшись с рыцарем и доброжелательно кивнув остальным. – Проходите!

Раскрыв пошире створки проезда мужчина в фартуке запустил всадников и повозку во двор, а потом проводил гостей внутрь строения.

Войдя в просторную мастерскую с высоким сводом, где находились горн, несколько плавильных печей и длинный верстак Гай с Фридрихом невольно остановились, залюбовавшись потрясающим по своей красоте большим витражом во всю стену, установленным в основательной раме с решетчатым переплетом.

Был солнечный день, и изображения летящих птиц на цветном стекле были словно живые.

– Восхитительно! – только и мог сказать Герметик, любясь работой мастера. – Никогда не видел ничего подобного!

– Альберт умеет передать мельчайшие детали движения, – согласился с Гаем Дельмонт.

– Такому искусству место в храме или во дворце высоких персон, – произнес Герметик.

– Там достаточно моих работ, – усмехнувшись, ответил мастер.

Витражи в средневековой Европе делали, начиная с X-XI веков. Сначала варили в печах в керамических горшках стекло, в состав которого входил речной песок, поташ, флюс

и известь. Затем придавали стеклу цвет, добавляя различные окислы металлов. Но получался довольно ограниченный спектр тонов. Для его расширения применяли краски на основе природной эмали, покрывая уже готовые кусочки стекла витража с последующим их обжигом в печи.

– Как ты получаешь стекло стольких цветов? – поинтересовался у Альберта Гай.

– Варю его из песка в присутствии разных руд и солей, – ответил мастер. – Но не все цвета стекла мне известны, Иные никак не получаются, да и другие мастера тщательно оберегают свои секреты.

– Кто изобрел стекло? – спросил хозяина дома Фридрих.

– Природа. Еще с древних времен были известны спекшиеся от удара молнии в минералы и руды стеклянные комки темного цвета разной формы. От ее удара в песок получают стеклянные трубки с гладкой или пузырчатой поверхностью, иногда ветвистые и напоминающие корень дерева. Их цвет бывает от прозрачного до бурого, темных тонов. Встречается и вулканическое стекло – обсидиан, темно-зеленого и черного цвета, известное с незапамятных времен, из которого делали украшения, зеркала, ножи с очень острой кромкой.

Стеклоделие пришло в Европу с Ближнего Востока, говорят из Египта еще до христианства. К началу XIV века признанным центром изготовления стекла стала Венеция, где рядом на острове Мурано собрались целые цеха ремесленников, возглавлявшихся опытными мастерами, тщательно

охранявшими от постороннего взгляда секреты своих технологий. Для сохранения тайны производства венецианского стекла мастера не имели права покидать территорию острова.

– Там во дворе я заметил высокий железный прут, за чем-то установленный на крыше мастерской, – сказал рыцарь, внимательно поглядев на Альберта.

– Я же говорил о встречающемся в природе стекле от удара молнии, – ответил ему мастер. – Вот и использую ее силу, когда приходит гроза, для изготовления подобного.

– Смотри, попы обвинят в ереси и колдовстве, а там и до Святого отдела инквизиции рукой подать, – пошутил тамплиер.

Пса Луку разместили в углу мастерской, положив ему в миску вареного мяса и каши, которые проголодавшийся четвероногий стал с жадностью есть. Компания приготовила и себе на очаге рагу с овощами, присев за столом перекусить и выпить.

– Хотел попросить тебя о помощи, – после некоторой паузы насытившись, произнес Альберт. – Мне необходим материал для новых варок стекла. Витраж вот заказал настоятель собора. А поднять на поверхность одному тяжело.

– Поможем. Откуда поднимать будем? – спросил Дельмонт.

– Из старого колодца на горе Всех Святых, – нехотя пояснил мастер.

– Откуда?! – заинтересованно переспросил рыцарь. – Из заброшенного колодца рядом с обителью Святого Михаила?

– Да, – подтвердил Альберт.

– Ты и впрямь знаешься с нечистой силой, – подначил хозяина дома Дельмонт, сразу посерьезнев лицом.

– А что там с этим колодцем? – спросил Герметик.

– На горе Всех Святых, возвышающейся над Гейдельбергом с незапамятных времен, есть один заброшенный колодец, – стал объяснять Гаю и остальным с ним приехавшим тамплиер. – Сказывают, что это шахта древних язычников, откуда они добывали руды и минералы, и сбрасывали туда захваченных пленников, дабы умиловить духов подземелий. Местные жители и послушники из недавно построенного монастыря Святого Михаила, расположенного поблизости, обходят его стороной. За ним стоит дурная слава. Говорят, люди пропадают в том гиблом месте. Из колодца по ночам слышны крики и нечеловеческие голоса. Иногда из него дым валит и сполохи пламени, в которых кто-то видел пляшущих чертей.

– Нет там никаких чертей! – раздраженно возразил мастер. – Давно пересохший колодец, глубиной локтей на сто, на дне которого есть проход в подземелья горы. Может и впрямь древняя шахта, крепей и мест ломки руды я не заметил. А дым оттуда иногда бывает от горячего дыхания земли. Я там минералы полезные нахожу для моего ремесла. Золото встречал, камни драгоценные. Только ехать туда надо к

ночи, а не то увидит кто – разговоры пойдут.

Выехали, когда стемнело.

Дом мастера Альберта находился недалеко от подножия горы Всех Святых, от которого наверх шла мощеная дорога среди покрывавших склоны деревьев и густого кустарника. Отправились все, посадив ремесленника рядом с Фридрихом, правившим повозкой.

Добравшись по лесной дороге до заброшенного колодца, привязали к деревьям коней.

– Смотри-ка, тут и спуск налажен! – удивился помощник рыцаря Андрэ.

Края неширокого спуска шахты были облицованы замшевыми валунами, имелся и навес на столбах над ним. В проеме под мощным воротом барабана с намотанным на него толстым канатом висела большая, крепкая корзина, вмещавшая двух человек.

– Это я все сделал, – сказал Альберт. – А раньше здесь царило запустение.

Кобеля Луку привязали к повозке, чтобы не мешался под ногами.

– Не украдут без присмотра? – кивнув на барабан с канатом прозорливо спросил мастера хозяйственный Фридрих.

– Сюда и вправду никто не ходит, – сообщил тот и усмехнулся. – Чертей боятся, темные люди. Кто пойдет со мной?

– Давай я, – вызвался Гай.

– Сначала наверх поднимем минералы и несколько стек-

лянных сосудов, потом уже нас, — сказал оставшимся Альберт, показав емкости, привезенные из его дома в повозке. — Сосуды будут тяжелые. Открывать их нельзя, иначе то, что будет находиться внутри, убьет вас.

Спуск занял время.

Мастер с Герметиком опустились в гору на глубину не менее ста локтей.

Вылезая из корзины, зажгли один из захваченных с собой факелов и, грузенные стеклянными сосудами, пошли по широкому ходу, идущему от дна колодца горизонтально в сторону.

Ход шел под уклон вниз и быстро привел в большую пещеру.

У Гая округлились глаза.

При свете колышущегося пламени факела он увидел торчащие тут и там из неровных ступенчатых стен подземелья вытянутые кристаллы, а то и их целые гроздья, молочного и прозрачного цвета. Рядом Герметик обнаружил выходы минералов зеленого и бурого оттенков.

— Да, здесь есть на что посмотреть! — сказал Альберт, увидев вытянутое лицо Гая. — Пещера тянется далеко и переходит в другую. Туда пока не ходил, совсем нет свободного времени. Помогите мне.

Мастер взял из своей сумы один из стеклянных сосудов темно-зеленого цвета, величиной с большой глиняный горшок с толстыми стенками и плоской крышкой, и такого же

материала стеклянный ковшик, и стал собирать со стен пещеры капли странной светящейся вязкой жидкости, медленно стекавшей маленькими ручейками под стену в канавки, подставляя край открытого сосуда.

– Что это? – спросил Альберта Герметик.

– «Сок земли», – пояснил мастер, наполнив сосуд.

Он поставил его на камень и закрыл крышкой, крепко притерев ее. Затем для надежности примотал крышку тонкой веревкой к сосуду.

– Подземная субстанция, поднимающаяся глубоко из недр, – добавил Альберт.

– Зачем он тебе?

– Я использую его для изготовления особого стекла. Например, из которого сделан этот сосуд, куда помещаю субстанцию.

Мастер стал наполнять другие сосуды. Затем перешел к сбору минералов и кристаллов, отбивая с помощью зубила и молотка интересные ему образцы. Гай взял тоже что-то на память.

Сложив находки в корзину и дернув за канат несколько раз, они проводили взглядами поднимающийся груз. Дождавшись вернувшийся пустой корзины, без затруднений сами добрались до поверхности.

*Российская империя
Восточная Сибирь
река Подкаменная Тунгуска
30 июня 1908 года*

Эгилэк твердо решил известить росомуху. Подлое животное кралось лесных куропаток из его силков. Однажды она утащила с самострела косулю. Потом разорила кладовку тунгуса с припасами, когда тот ушел на промысел от своего чума, стоявшего в пару верстах южнее поселка Ванавары, где располагалась торговая фактория¹⁶.

Неделю старый охотник выслеживал осторожного хищника и теперь терпеливо поджидал его, лежа в зарослях ельника на берегу реки, ожидая, когда зверь займет свое любимое место на суку большого дерева, чтобы подстрелить из своей старой берданки.

Вся жизнь тунгуса Эгилэка прошла на Подкаменной Тунгуске, несущей свои воды через пороги далее к Енисею. Когда был еще молодым, служил проводником в старатель-

¹⁶ Фактория (торговый пост) – торговое поселение, образованное иностранцами (чаще всего европейскими) купцами на территории другого государства или колонии. Факториями назывались подобные же образования в отдаленных районах своей страны. (прим. авт.)

ских артелях русских переселенцев, промышлявших кедровым орехом и золотишком. Позже завел себе семью, погибшую разом при весеннем ледоходе разлившейся реки.

Это лето выдалось жарким. С утра парило, было душно. Охотника в ельнике облепила мошкара с гнусом, он терпеливо ждал, не шевелясь, боясь спугнуть росомаху.

По суку дерева промелькнула тень.

Эгилэк осторожно вышел из зарослей, вскинув винтовку и опустившись на колено, чтобы было ловчей.

Прогремели раскаты грома, послышался нарастающий свист.

«Может гроза приглушит жару? – подумалось тунгусу. – Но ведь небо было чистым?»

Глянув наверх в просвет между вершинами елей старый охотник остолбенел.

По небу в клубах серых туч мчался, словно старая колдунья бабка Эргé, огромный багровый шар с длинным, белесым хвостом, приближаясь к земле и уходя вдаль за горизонт. Следом пришла воздушная волна, снеся с деревьев часть листвы и игл, зашвырнув Эгилэка обратно в заросли и сдув росомаху с дерева, попутно расшибив ей башку об соседний ствол. Она упала недалеко от тунгуса.

За горизонтом, куда улетел огненный болид, стало нестерпимо светло так, что охотник заорал от боли и схватился за глаза. Через некоторое время раздался грохот и накатился огненно-воздушный вал, забросив полуобморочно шатавшие-

гося Эгилэка в реку, где он чудом не погиб от падающих следом горящих деревьев. Над бескрайней тайгой, в пятидесяти километрах северо-западнее бывшего жилья тунгус, вставало на высокой ножке грибовидное облако, уходя в стратосферу.

Неделю охотник выбирался из зоны сплошных завалов и пожаров, укрываясь от них в воде реки и озер, питаясь мясом погибших, полуобугленных животных. Прошедшие ночи были так же светлы, как и день. По небу высоко плыли облака, отливающие странным металлическим блеском.

Площадь пожаров и поваленного леса от падения и взрыва огненного болида, получившего название «Тунгусский метеорит», составила две тысячи квадратных километров. Сейсмическую волну зарегистрировали наблюдательные станции России и Европы.

Когда на следующий день после случившегося американские журналисты спросили известного изобретателя электротехники Николу Теслу имеет ли он какое-нибудь отношение ко всему этому, то тот сообщил, что взрыв на реке Каменная Тунгуска является следствием его эксперимента по исследованию резонанса электромагнитных стоячих волн в земной атмосфере, проведенного с помощью излучателя на построенной им башне. Журналисты припомнили, что за несколько месяцев до падения «Тунгусского метеорита» в русской тайге Тесла запрашивал карты в библиотеке Конгресса США «наименее заселённых частей Сибири» и гро-

зился осветить путь к Северному полюсу экспедиции знаменитого путешественника Роберта Пири.

Много позже, уже после атомной бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки авиацией США, ряд ученых сделали предположение, что если взрыв на реке Каменная Тунгуска произошел из-за эксперимента Николы Теслы и изобретатель смог задействовать в нем энергию вселенского эфира, гипотезы о существовании которого он был большой поклонник, то в русской тайге вполне мог произойти взрыв, подобный термоядерному, ведь его мощность, исходя из площади разрушений, составила сорок-пятьдесят мегатонн по тротиловому эквиваленту.

* * *

*Бразилия
штат Мату-Гросу
верховья реки Шингу
июль 1925 года*

Перси Фосетт сидел у костерка, над которым в котелке варился суп из пойманной в реке рыбы. Полковник делал в своем походном дневнике записи и иногда поглядывал на Кулуэни, несущую свои воды в Шингу и далее в Амазонку, пересекающую с востока на запад почти весь континент.

Ему с сыном пришлось забраться, напрягая последние си-

лы, на замеченную ими рядом с рекой горную грядку, так как английские путешественники обнаружили присутствие рядом в сельве большого отряда воинственных дикарей. Во время прошлой такой неожиданной встречи с индейцами исследователям удалось откупиться от аборигенов имевшимися у них подарками. Но подарки кончились, и отдавать дикарям действительно жизненно необходимое британский офицер считал самоубийством. А потому приходилось прятаться, стараясь остаться незамеченными, и надеясь, что пронесет. Им и самим было необходимо какое-то время отлежаться, поднабраться сил, подрастроченных в этой экспедиции. И ее предводитель подозревал, что они подцепили инфекцию, неотвратимо высасывающую их жизненную силу.

Поисковая группа английского путешественника и военного топографа полковника Персиваля Фосетта, состоящая из него самого, старшего сына Джека, его друга Рэли Раймела, нескольких индейцев-проводников, пары лошадей, восьми мулов и двух собак выступила в марте 1925 года из Рио-Жанейро, устремившись на восток страны через сертаны – области с саванной растительностью, направляясь в штат Мату-Гросу в город Куябá, лежащий недалеко от бразильско-боливийской границы. Исследователи двигались на первом этапе по освоенным, обжитым местам.

От Куябы они повернули на север. Целью очередной, седьмой экспедиции Фоссета в Южной Америке был поиск затерянных городов древней цивилизации, в существование ко-

торой в незапамятные времена здесь свято верил полковник. А север штата Мату-Гросу как раз и представлял собой одно из диких и малоизученных мест Бразилии, где в первозданной сельве вполне могли сохраниться остатки ее поселений.

Уже неделю после Куябы как группа путешественников испытывала большие лишения – им нещадно досаждали полчища клещей и сонм летающих кровососущих насекомых, водившихся в проходимой местности. Особо мучительны были укусы мельчайшего гнуса – пиума, легко проникавшего сквозь любую противомоскитную сетку. От такой напасти более всего пострадали конечности европейцев, распухшие и покрывшиеся язвами.

В месте под названием «Лагерь мертвой лошади» индейцы-проводники оставили белых, вернувшись назад. Далее трое англичан отправились сами с частью мулов под седлами, без лошадей, везя провизию на навьюченных животных. При странствии по сельве в течении следующих месяцев все мулы от лишений пали или были задраны на ночевке дикими хищниками.

Пришлось британцам тащить оставшееся снаряжение на себе. Продираясь через непроходимые дебри, в конце концов они вышли к одному из истоков Шингу Кулуэни, связали плот и поплыли по реке. Перси Фосетту на момент экспедиции исполнилось 57 лет и приходилось нелегко. Но он больше переживал за сына и его друга, хотя юноши держались молодцом.

Основой гипотезы Фосетта о существовании заброшенных городов было его ознакомление с любопытным старинным документом, сохранившимся в архиве города Рио-де-Жанейро. Эта рукопись XVIII века, местами испорченная временем и неподобающим хранением, представляла собой отчет о походе отряда местных искателей золота и серебра – бандейрантов, где описывался найденный ими где-то тут в сельве мертвый «город Z», как назвал его полковник, неизвестной цивилизации подобной европейской, со зданиями, площадями, фонтанами. К сожалению, точных координат города в отчете не приводилось.

На эту экспедицию у Перси Фосетта денег не было. Но еще будучи в Лондоне, когда он готовился к ней, его неожиданно пригласили в помпезное здание Банка Англии, выполняющего функции центрального банка Великобритании. Там путешественник и исследователь имел беседу с его управляющим бароном Монтегю Норманом, предложившим профинансировать экспедицию Фосетта на условиях предоставления точных координат последним обнаруженного затерянного города, паче он его найдет. Норман пояснил, что еще в конце XIX века в те края с той же целью была послана группа ученых под патронажем английской разведки, но не добилась успеха, почти полностью погибнув в джунглях. Инвестор просил скрыть факт помощи банка, предложив полковнику официально ссылаться на любых других меценатов. Фосетт принял его предложение, так как выбора у него не

было.

Сняв с огня котелок, полковник взял ложки и понес его по тропинке горной гряды до небольшой пещеры, случайно обнаруженной им с Джеком. В гроте можно было переждать ливень и отдохнуть в нем было надежнее, особенно ночью. Разбудив совсем ослабевшего сына, Перси стал его кормить.

Три дня назад их постигла очередная утрата. Не вернулся с охоты с последней собакой Рэли Раймел, сгинув без следа. Фосетт ходил на его поиски, но безрезультатно. Может, на друга сына напала анаконда и задушенного утащила с собой в реку. Или индейцы захватили его в плен, кто знает.

В последующую неделю здоровье англичан сильно ухудшилось. Инфекция, которой они заразились через мясо убитых ими диких животных, сделала свое дело. Оба скончались в пещере, охраняемой снаружи только замшелым от старости каменным идолом, у скрытой плиты-преграды, за которой совсем рядом находились золотые артефакты столь упорно разыскиваемой полковником в течение многих лет древней цивилизации Атлантиды.

* * *

*Священная Римская империя
герцогство Брауншвейг-Люнебург
Хамельн
июнь 1284 года*

В месяце июне одна тысяча двести восемьдесят четвертого года от Рождества Христова вольный город Хамельн подвергся нашествию полчищ крыс, разорывших дома и имущество его добропорядочных жителей, а также амбары и хранилища с зерном и хлебом, коими Хамельн прирос достатком и богатством.

Ничто не помогало в борьбе с сонмом грызунов, и бросил тогда клич бургомистр города, обещая всякому, кто изведет от напасти злата столько, сколько сможет унести с собой. И пришел в день Иоанна и Павла, что было в двадцать шестой день месяца июня, в Хамельн на площадь перед ратушей молодой человек, называя себя музыкантом, облаченный в одежды шута. И заиграл он на своей свирели, а крысы со всего города, зачарованные его музыкой, пошли за ним и больше не вернулись обратно, утонув в реке Везер, куда их направил музыкант.

Вернулся молодой человек в Хамельн к бургомистру за обещанной наградой. Но не дал магистрат¹⁷ ему ни монеты, пожалев злата. Тогда опять заиграл музыкант на своей волшебной свирели на центральной площади и, собрав всех детей города, ушел с ними незнамо куда, больше их никто не видывал. Сказывают также, что это сама Смерть приходила в Хамельн в наряде шута и бродячего музыканта.

¹⁷ Магистрат – орган городского управления. (прим. авт.)

* * *

США

Нью-Йорк

Нижний Манхэттен

24 октября 1929 года

Мимо фасада Нью-Йоркской фондовой биржи с осаждающей ее двери обезумевшей толпой держателей акций неторопливо проехало два представительских лимузина и свернув на боковую улицу остановились у служебного входа. Из дорогих автомобилей вылезли два джентльмена в строгих костюмах и котелках, проследовав в сопровождении телохранителей внутрь большого здания. Поднявшись на смотровой балкон важная пара стала с интересом наблюдать за царившем внизу в операционном зале ажиотажем и истерией. Часть брокеров и трейдеров громко выкрикивали, а не показывала как обычно жестом, заявленные котировки. Некоторые из них вяло скупали ставшие в один день столь дешевыми ликвидные бумаги. У яростно жестикулирующих и порой хватавшихся за сердце под ногами лежала груда скомканных и порванных бумаг, враз ставших ненужными еще вчера дававшими солидный доход акций основных промышленных предприятий и компаний США.

– Это я устроил этот крах, – обернувшись к своему спут-

нику самодовольно произнес один из поднявшихся на галерею Бернард Барух, известный американский финансист и биржевой спекулянт, наблюдая за его реакцией.

Уинстон Черчилль, облокотившийся на парапет балкона, только улыбнулся и ничего не сказал. Он находился в этой стране с неофициальным визитом, приехав уладить частные дела.

В четверг 24 октября 1929 года на Нью-Йоркской фондовой бирже началась паническая распродажа акций. В результате цены на бумаги рухнули, разоряя миллионы держателей. За четыре дня биржевой паники рынок снизился на 40 %, потеряв в стоимости больше, чем США потратило за всё время Первой мировой войны. Финансировавшие ранее покупку акций своими кредитами банки были не в состоянии вернуть долги заемщиков и объявили о банкротстве. Множество людей из-за игры на бирже потеряли все свои средства к существованию. Закрывшиеся предприятия вызывали рост безработицы.

Всему виной был бум середины 1920-х годов, во время которого миллионы вкладчиков вложили свои деньги в ценные бумаги. Растущий спрос на акции взвинчивал цены на них, хватало желавших обогатиться на инвестициях. Это привело к образованию экономического пузыря, при том, что многие покупали акции в кредит, занимая необходимые средства в банках.

Клан Ротшильдов нанес очередной удар по финансовой

империи Рокфеллеров, являвшейся основой американской экономики, получивший ощутимый удар по своим позициям.

* * *

*Эквадор
залив Гуаяс
Пуэрто-Болivar
август 1937 года*

– Настоящий шнапс! – осторожно проглотив содержимое небольшой рюмки и понюхав ее мечтательно улыбнувшись, произнес Магнус Хольгер. – Давно не пил такого!

– Мой отец гонит его, я привез тебе несколько бутылок, – кивнув на стоящий перед ними на столике основательный сосуд с прозрачной жидкостью сообщил собеседнику Эрлих. – Этот произведен из персиков.

– Спасибо, Густав! Ты хороший парень! – искренне ответил Хольгер, обрадованный подарку.

Немцы сидели в одном из небольших кафе, располагавшихся в линию на набережной рядом с портом. Была середина дня, довольно душно и безветренно. Рядом с неторопливо общавшимися европейцами под навесом был большой вентилятор, дувший на них потоки живительного воздуха.

– Как там, на Родине? – спросил Эрлиха Магнус. – Какие

новости?

– Рейх на подъеме, – отпив пива из кружки сообщил Густав. – Жизнь кипит. Вот, опять пришли за тропическими фруктами и кофе. А сюда доставили партию удобрений и стальной прокат.

Густав Эрлих отвечал за фрахт и погрузку на германском торговом судне, зашедшем в Пуэрто-Боливар и грузящимся сейчас в порту. Геолог Магнус Хольгер в начале 30-х годов поехал поискать счастья и работу в Южной Америке, устроившись в одну из частных компаний по разведке полезных ископаемых на юге Эквадора и севере Перу. Они и познакомились случайно, когда Хольгер, возвратясь из сельвы, отдыхал после трудов праведных в одном из злачных заведений этого захолустного порта на побережье Тихого океана. Одногодки, оба из Гамбурга, сверстники быстро нашли общий язык и старались почаще встречаться, если позволяло время.

– Вот, а когда мы вышли к реке Сенепа, то у селения местных дикарей на хребте Кордильера-дель-Кондор обнаружили очень любопытное подземелье, целый лабиринт, тянувшийся под горой, – вернулся к своему повествованию геолог. – Но исследовать его нам аборигены не разрешили, да и времени на это особенно не было.

Магнус любил рассказывать о своих путешествиях по диким лесам земляку, который всегда очень внимательно слушал его истории.

– И на кого ты сейчас работаешь? – рассеянно спросил Хольгера Эрлих.

– Проводником в экспедиции Виктора Оппенгейма, – ответил тот. – Он родом с Латвии, фольксдойч. Сейчас закончил проводить картографирование некоторых районов на юге Эквадора в Амазонии в интересах министерства геологии США. До этого его команда работала в Колумбии по тем же делам.

– А на вашем судне можно пассажиром дойти до Германии? – поинтересовался у приятеля Хольгер, снова хлопнув рюмку желанного шнапса.

– Можно, – прищурившись, ответил Густав. – Если договорится с капитаном. А тебе зачем?

– Надоело болтаться по этим лесам и горам, – нехотя признал Магнус. – Да и платят не ахти сколько. К тому же в сельве много опасных насекомых и змей, и можно вообще не вернуться из очередной партии. У нас уже были несчастные случаи.

– Кстати, насчет денег, – добавил моряк. – Сейчас дома без денег никуда, а хорошее место найти сложно. Как у тебя с финансами, подкопил чего-нибудь за это время?

– Нет, – развел руками Хольгер. – Почти все ушло на жизнь. Может в Перу удастся подзаработать.

– А там что надо будет делать?

– Оппенгейм собирается провести съемку с воздуха пустынных районов этого государства около побережья. Плато

Наска, район Ика.

– Если ты добудешь мне качественные материалы по длине Наска, то я думаю смогу решить твои денежные вопросы, – остро глянув на приятеля сказал Эрлих. – И по району Кордильера-дель-Кондор составь мне отчет, лучше будет с подробной картой. За это я заплачу отдельно.

Магнус Хольгер внимательно посмотрел на сидящего перед ним моряка, ничего не сказав, только утвердительно качнул головой.

К следующему заходу в Пуэрто-Боливар германского суда на с его хорошим знакомым немецкий геолог подготовил материалы по работе Виктора Оппенгейма на юге Эквадора, снабдив ими Эрлиха. А тот, являясь кадровым сотрудником гестапо, передал их в Третьем рейхе далее по назначению.

* * *

*Священная Римская империя
курфюршество Рейнский Пфальц
дом мастера Альберта
ноябрь 1326 года*

На следующее утро, переночевав у Альберта и позавтракав, компания во главе с Пьером Дельмонтом собралась в мастерской хозяина дома.

– Сначала я использовал для получения нужных сортов

стекла силу молнии, чтобы при варке расплавить смесь кварцевого песка, руды и перетертых минералов, – стал рассказывать присутствующим мастер, подготавливая в лотке шихту¹⁸. – Но гроза случается здесь далеко не каждую неделю, а то и месяц. Потом меня увлекло изучение подземелий под заброшенным колодцем на горе Всех Святых, мне помогал мой племянник, где я нашел много полезных минералов и руд, а главное – обнаружил «сок земли», за которым мы ходили этой ночью. Его капли я сперва с осторожностью пытался собирать в железные и стеклянные сосуды, но ничего не получалось. Эта подземная субстанция протекала сквозь их стенки, и я чуть не стал калекой. При прикосновении она убивает любую живую плоть. Много времени ушло на подбор материала сосудов. Чего я только не перепробовал, даже золото и серебро, хотел уже браться за изготовление сплавов. Отчаяние охватило меня. И тут я вспомнил о силе молнии и в ближайшую грозу сделал сразу несколько варок стекла с разным содержанием долей минералов и руд, добавив туда и подземную субстанцию. А потом из получившихся стеклянных заготовок изготовил сосуды для «сока земли» и пошел за ним с племянником в подземелье. Один из сосудов не протек, выдержал испытание.

– Удивительно, что ты делишься с нами своими сокровенными секретами, – заметил Герметик, слушая рассказ масте-

¹⁸ Шихта – смесь исходных материалов в определённой пропорции, подлежащая переработке в высокотемпературных процессах. (прим. авт.)

ра.

– Не такой уж это и секрет, – переглянувшись с Альбертом сказал Пьер Дельмонт. – Наше братство помогает естествоиспытателям и идущим по пути знаний.

– Да, я не забыл, что вы для меня сделали, когда был нищим, – подтвердил тот. – И привык отвечать тем же.

– А где находят эту подземную субстанцию? – спросил хозяина дома Гай.

– Там, где нет человека, – поведал мастер. – В проклятых подземельях, снискавших себе дурную славу болотах, где-то в забытых Богом горах.

– И чем закончились твои исследования «сока земли»? – попросил продолжить свой рассказ Альберта рыцарь.

– При варке стекла вместе с подземной субстанцией в присутствии перетертых минералов и руд я получил прекрасные заготовки с нужным цветом. Кроме того, стекло получалось ударопрочным, его меч и молот не брал. Хотя я вынужден его варить на угле. Быстрого разогрева от молнии, попадающей в мастерскую снаружи по пруту в печь, кварцевый песок, из которого я делаю стекло, не выносит. Оно получается ноздреватое, неоднородное, да и убить может от силы молнии, что и произошло с моим племянником во время одной из плавок. Когда я для пробы добавлял в «сок земли» различные перетертые минералы, то один раз внезапно из собранной подземной субстанции образовалась шаровая молния, полетавшая по мастерской и ушедшая наружу. Сла-

ва Богу, все обошлось лишь испугом и без пожара. Рецепт смеси получения шаровой молнии я запомнил. Уже позже научился ей управлять в полете, когда таким же способом ее получал, с помощью одной, хитрой конструкции, свирели, подаренной мне еще моим наставником много лет назад. Слышали историю о гаммельском крысолове?

– Да, конечно, но правда ли это? – засомневался Герметик. – Люди ее по-разному рассказывают.

– Правда, мой наставник и был тем крысоловом. И детей он из города не уводил. Это жители Хаммельна уже потом придумали, чтобы оправдать свою жадность, – утвердительно пояснил мастер. – Учитель сделал мне такую же свирель. Весь секрет в ее устройстве. Наставник объяснял, что от нее при игре расходятся особые невидимые волны, действительно чарующие людей и животных, но не сразу.

– Так, хорошо, я заберу «сок земли». И смесь минералов с рецептом для получения шаровой молнии из подземной субстанции тоже прихвачу, – произнес Пьер Дельмонт и достал из кошелька на своем поясе золотой массивный перстень с большим изумрудом. – Вот тебе за твои труды. Нашему ордену это может пригодиться.

– У тебя там, около горна, я видел небольшие меха для подачи воздуха, – сказал затем тамплиер Альберту. – Присоедини-ка их через трубку к свирели.

– Что ты задумал? – спросил его хозяин дома.

– Хочу усилить звук свирели, чтобы далеко было слышно.

Заодно и шаровой молнией так можно дальше управлять.

– Получилось что-то вроде волынки, – заметил мастер, во-
зясь у верстака. – Ладно выглядит, а главное – действует.

– Зачем тебе этот «сок земли»? – спросил рыцаря Гай,
когда они покинули дом Альберта и отправились дальше в
путь.

Три всадника и повозка ехали уже за городом по просе-
лочной дороге среди полей. Следом поспевал неугомонный
Лука, высунув язык.

Опять накрапывал дождь, было холодно и ветрено.

– Наш орден хоть и понес большие потери из-за гонений
папы и французского короля, но по-прежнему обладает се-
рьезными денежными средствами, перевезенными в друже-
ственные нам страны, и продолжает приобретать, не скупясь,
новые изобретения и технологии, подобные полученному от
мастера Альберта, – стал объяснять Герметiku тамплиер, си-
дя в седле рядом с неторопливо идущим конем своего спут-
ника. – А с такими вещами мы будем непобедимы. В этом и
заключается сила идущих по пути знания над властью пра-
вителей, сколько бы велико войско они не имели.

Сзади послышался топот копыт и приближающиеся кри-
ки.

Компания Пьера Дельмонта обернулась и увидела с деся-
ток вооруженных всадников во главе с Норбертом Хельде,
сотником барона фон Манне на пегом жеребце, быстро их
настигающих.

– У тебя сейчас будет возможность убедиться в правоте моих слов, – сказал рыцарь Гаю и крикнул Фридриху, управляющему повозкой, едущим замыкающим. – Осторожно вылей содержимое одного из сосудов Альберта сзади повозки!

Ученик Герметика быстро все так и сделал. Компания тамплиера остановилась и развернулась в сторону подъезжающих.

Рыцарь подскакал к повозке Фридриха, перебравшись на нее, и проверил работу мехов со свирелью, спрятанных до поры под накидкой.

– Дельмонт, мы не договорили в прошлый раз! – окликнул тамплиера сотник Хельде, на полном скаку остановив своего коня в десяти шагах от путников.

Его свита встала дугой к компании рыцаря, слегка охватывая ее с флангов.

– Не хочешь продолжить разговор?! – продолжил сотник, положив руку на рукоять меча.

Всадники Хельде были в кольчугах и шлемах, при щитах. У кого-то у седла виднелись луки с колчаном стрел. Все выглядели бывалыми воинами, особенно их кудрявый детина в ладном панцире, вальяжно сидевший в седле.

– Я вижу слова мои тебе ума не дали, – сказал сотнику барона Дельмонт, снимая накидку с мехов со свирелью и кинув на пролитый «сок земли» порошок из мешочка.

– Какая у тебя чудная волынка! – произнес Норберт Хельд и дурашливо предложил под смех его ратников. – Может,

сыграешь нам что-нибудь?

– Сейчас сыграю, – пообещал тамплиер и начал качать меха, направив свирель в сторону пролитой на землю подземной субстанции.

После первых звуков по грунту прошло тихое потрескивание. Затем на земле началось шевеление, словно капли воды собирались вместе.

Всадники сотника прекратили смеяться и озабоченно стали смотреть под копыта своих коней.

Шевеление на земле прекратилось, и вдруг упругая масса выпрыгнула в воздух, потрескивая, на высоту сидящих в седлах изумленных воинов. Она выглядела как студень и начала скручиваться подобно змее, краснея и уменьшаясь в размерах.

Люди барона приросли к седлам жеребцов, не в силах вымолвить хоть что-нибудь под чарующие звуки свирели.

Субстанция скаталась в небольшой шар, не более головки сыра, став даже по виду плотнее. Теперь она светилась багровым светом.

Гаю показалось, что шар напоминает огромный глаз без зрачка неведомого хищника, внимательно выбирающего себе из окружавших его людей жертву.

Увидев электрического монстра Лука от испуга залез под повозку Фридриха, где так и просидел всю опасную пору.

Повернув свирель в сторону Хельда, Дельмонт сильнее нажал на меха. Шаровая молния полетела в сторону сотни-

ка барона и прошла сквозь грудь кудрявого. Запахло паленым мясом, в теле детины образовалась дыра. Он мешком свалился с коня, не проронив ни звука.

Развернув свирель влево, рыцарь убил еще двух всадников.

Люди сотника заорали и помчались без оглядки от повозки с тамплиером. Один из жеребцов поволок за застрывшую в стремени стопу труп воина.

За ними по пятам неслась шаровая молния, жаля их в спины.

Дельмонт продолжал качать меха, пока вся кричащая от ужаса кавалькада всадников и коней без седоков не исчезла с глаз.

* * *

Южная Америка

Перу

долина Наска

октябрь 1937 года

– Гляньте на эти знаки! – крикнул в ухо Оппенгейму Магнус Хольгер.

Внутри самолета из-за шума моторов приходилось говорить громче, чтобы слышать друг друга.

– Да, действительно какие-то гигантские изображения на

земле, – прильнув к соседнему иллюминатору задумчиво произнес Виктор Оппенгейм. – Любопытно...

«Дуглас DC-3» сделал разворот и выйдя из него снова полетел на высоте десяти тысяч футов над пустынной долиной, кое-где поросшей редкой травой. Под крылом машины опять появились довольно искусно выполненные громадные начертания белыми линиями паука, парящей птицы, спирали, собаки, обезьяны, стрел, еще чего-то. Один из техников, склонившись над двумя аэрофотоаппаратами для картографирования местности, установленными на полу грузовой кабины, внимательно следил за действием оборудования.

– Когда мы ездили внизу на автомобиле по степи, то никаких белых линий не заметили, – сказал Хольгеру Оппенгейм. – Это странно, не находите?

Уже несколько дней экспедиция геолога и топографа Виктора Оппенгейма, финансируемая министерством геологии США, проводила топографическую съемку территории Перу с земли и с воздуха с разрешения властей страны пребывания. Теперь ее работа привела в долину Наска, расположенную на западном побережье этого латиноамериканского государства. Экспедиция имела в своем составе транспортный самолет, оснащенный фототехникой, пару бензовозов, грузовые машины для перевозки сотрудников партии, палатки с запасом имущества и продовольствия, прицеп с походной фотолабораторией, разъездную легковушку, автоцистерну с питьевой водой, так остро необходимой в этом засушливом

районе Южной Америки.

Начиная с 1937 года Виктор Оппенгейм со своими людьми сумел обследовать некоторые малоизученные территории Колумбии и Эквадора, подготовив обширный материал для картографов США.

Выполнив полетное задание и закончив съемку площадной базы «Дуглас» приземлился на временно-подготовленной грунтовой взлетно-посадочной полосе около высокого шеста с красно-белым матерчатым конусом наверху, показывавшим направление ветра. Рядом с шестом был разбит лагерь, где около столовой на костре поспевала вкусно пахнущая похлебка на ужин. Под навесом за походными столами на скамьях сидели члены экспедиции, попивая после работы чай и кофе.

Смеркалось, было безветренно. Горный хребет, тянувшийся в нескольких километрах от лагеря далее на восток, уже окрасили красные лучи заходящего солнца. Невдалеке от палаток, расположенных у берега Тихого океана, с тихим шелестом мерно накатывали волны прибоя.

– Фрэнсис, надо завтра пройти по плато, поискать древние геоглифы на земле, которые мы видели сегодня в полете, – предложил своему сотруднику геологу Копперману Оппенгейм. – Вымотался за день, пойду спать.

Он оставил сидящих, пройдя в одну из палаток.

– Я нашел в долине неглубокие траншеи, тянущиеся на сотни метров в разные стороны. Иногда они пересекаются

под разными углами. Ширина меньше полутора метров, глубина выемки грунта до полуметра. Мелкий гравий на дне этих траншей не отличается по цвету от поверхности плато, – сообщил о проведенных изысканиях на следующий день к вечеру руководителю Копперман.

– Интересно, – проговорил глава экспедиции, выслушав доклад. – А сверху их прекрасно видно, такие четкие белые линии. Станный оптический эффект. Для кого эти геоглифы созданы, если их с земли не разобрать? Доколумбовые цивилизации в Южной Америке не умели перемещаться по воздуху.

Группа сидящих в столовой под брезентовым навесом исследователей еще поговорила об обнаруженных геоглифах и их возможном предназначении в древности.

– Магнус, может вы чего-нибудь слышали о них? – обратился к проводнику экспедиции Оппенгейм.

– В этих краях во времена инков и еще до них существовали несколько обособленных культур. Рядом с этой долиной были пару небольших поселений культуры Наска. Там обнаружены обожженные керамические сосуды, захоронения сидячих мумий. Ничего экстраординарного, что указывало бы на передовые технологии и высокий уровень развития, – ответил отдыхавший на одной из скамеек Хольгер.

Через несколько дней, когда команда Виктора Оппенгейма закончила съемку с воздуха плато Наска и проявила в походной фотолаборатории полученные снимки, то из них она

сумела воссоздать схему расположения обнаруженных загадочных изображений в долине. Ее уменьшенный вариант, предварительно опоив своих коллег снотворным, в одну из ночей тщательно скопировал на припасенную кальку Магнус Хольгер, зашив под подкладку своей ветровой куртки.

* * *

Германия

Берлин-Далем

штаб-квартира «Аненэрбе»

январь 1938 года

– Для чего вам понадобилась карта расположения этих геоглифов в долине Наска? – спросил доктора археологии Герберта Янкуна рейхсфюрер, наблюдая как сотрудники института вставляют ее изображение на прозрачном пластике в проекционный аппарат.

– А мы ее наложим на общий план расположения комплекса пирамид на плато Гиза в Египте и посмотрим, где могут находиться тайники с наследием атлантов, – уверенно ответил штурмбаннфюрер Янкун. – Эти знаки-наложения точно укажут нам на хранилища, мой фюрер.

– Откуда такая уверенность? – скептически заметил Гиммлер.

– Я занимаюсь этими пирамидами с начала 30-х годов, бы-

вал там на раскопках еще будучи стипендиатом Германского археологического института в 1932-1933 годах, – сообщил ученый. – Чутье мне подсказывает, да есть и косвенные указания на это, попавшиеся мне случайно при изучении орнаментов некоторых древних захоронений в этой стране.

Прибывший в штаб-квартиру «Аненэрбе» глава СС вместе с почтительно встретившим его директором этого научно-исследовательского института штандартенфюрером Вальтером Вюстом внимательно наблюдали за манипуляциями штурмбаннфюрера Янкуна, колдовавшего над проектором в конференц-зале с зашторенными окнами и притушенным светом. На одной из его стен был укреплен общий план расположения больших и малых пирамид в погребальном комплексе недалеко от Каира. Напротив работал проекционный аппарат, направляя свой луч на стену.

– Мне кажется, упоминания атлантов в наших изысканиях будет неразумно, – осторожно заметил профессор Вюст, тщательно подбирая слова. – Идея происхождения ариев от них стоила своего поста моему предшественнику Герману Вирту, Гитлер ее категорически не принял.

– А кто говорит об этом? – сухо возразил археолог и добавил. – Я лишь упоминаю о тайниках с наследием атлантической цивилизации, спрятанных рядом или внутри пирамид Гизы. Не фараоны же их построили! Откуда бы у древних египтян четыре тысячи лет назад были такие технологии, чтобы так плотно подгонять блоки друг к другу, если и

современная техника не в состоянии это сделать. И как они, черт возьми, поднимали эти блоки друг на друга? Если по насыпи, то обязательно остались бы хоть какие-то конструкционные элементы подобных проводимых работ. А вот атлантам это было по плечу и надо отдавать себе отчет, что за знания могут находиться в этих сокрытых до поры до времени их хранилищах.

Директор «Аненэрбе» молча перевел взгляд на рейхсфюрера, который ему кивнул.

– Но как нам правильно соотнести размерности обоих схем? – задался вопросом вслух профессор Вюст.

– Мы будем опытным путем их подбирать, изменяя масштаб налагаемых геоглифов Наска, – предложил Герберт Янкун. – Может быть, что-то привлечет наше внимание.

Начали с максимального уменьшения изображений долины Наска, которые компактно разместились в центре плана расположения египетских пирамид. С увеличением размера фигуры животных, спирали и линии стали расходиться по плану в стороны, распределяясь по ее поверхности.

– Один момент, остановитесь! – прервав манипуляции штурмбанфюрера, воскликнул психолог Петер Хейнеманн, присутствовавший в конференц-зале. – Посмотрите сюда!

Он указал остальным на нижний левый угол плана, где в один небольшой объект в Гизе упирался знак стрелы, наложенный на схему Наска.

– Что это за строение? – обратился к помогавшему ему

антропологу Вальтеру Ключе Янкун.

– Один из колодцев, – сверившись со списком нумерантов, ответил доктору тот.

Нашли и еще пару интересных знаков, могущих указывать на входы в хранилища атлантов.

– Когда собираетесь выехать в Египет? – спросил штурмбаннфюрера Генрих Гиммлер.

– Немедленно, – ответил Янкун. – В Каире имеется большая итальянская община. Она может быть полезна нам, ведь пирамиды расположены недалеко от города.

– Еще чего! – недовольно сказал глава СС. – У Муссолини хватает своих археологов, пусть озаботится собственными изысканиями. Не будим делиться с ним нашими тайнами.

– К тому же итальянцы чрезмерно болтливы. Через полчаса после вашего появления весь Каир будет знать о цели прибытия, – улыбнувшись, поддержал рейхсфюрера директор «Аненэрбе».

– Я бы хотел, чтобы группу возглавили вы, – обратился к Герберту Янкуну Гиммлер. – Вы опытный специалист в своем деле, много работали на раскопках. Резидент гестапо в египетской столице будет в курсе вашей поездки, можете всецело рассчитывать на него и его людей.

* * *

графство Фуа

окрестности пещеры Мас-д'Азиль

ноябрь 1326 года

Дальше проселочная дорога пошла вдоль реки Ариз, на берегах которой рос густой кустарник. Пес Лука весело бежал рядом с путниками, рыская по кустам и догоняя всадников. Ближе к горам пиренейского массива Планторель ее русло стало более извилистым. Проселок превратился в тропу, повозка Фридриха едва уместалась на ней.

В проехавшем недавно городке компанией Пьера Дельмонта последний закупил большое количество свежих овощей, зерна и мяса.

– Зачем так много? – спросил рыцаря-тамплиера Герметик, смотря на заваленную доверху повозку Фридриха. – Нам не съесть столько, пропадет.

– Заедем навестить богомольцев, прячущихся от папских милостей, – ответил Дельмонт, пустив своего коня шагом рядом со скакуном Гая.

Они находились уже в предгорьях. Русло реки впереди уходило прямо в зев огромного грота кручи, нависшей каменным карнизом над неторопливо текущей водой.

– Как красиво, – произнес Герметик, остановив своего коня рядом с тамплиером.

Сзади подъехал помощник рыцаря Андрэ на гнедом жеребце и Фридрих, управляя повозкой.

– Тут всегда кто-нибудь прячется от непомерных поборов господ, алчущих баронов, пауками сидящих за высокими стенами своих замков и разоряющих набегам простых крестьян, – пояснил Пьер. – Да мы встречались как-то с их людьми. Скрываются от святых отцов из монастырей, делающих подневольных работников голыми и вечно голодными.

Из-за зарослей кустарника на берегу реки вышли четверо простолюдинов, с рогатинами и цепом¹⁹.

– Приветствуем тебя, Дельмонт, – узнав рыцаря, поздоровались с ним дозорные. – Мир вам, добрые люди, проезжайте с Богом.

– Эта пещера называется Мас-д’Азиль, – сказал тамплиер, понукая коня.

Они ехали внутри нее, по ширине которой свободно бы прошел табун лошадей. Грот поворачивал влево. Река так и текла по центру, а по бокам у стен стали попадаться группы людей у костерков или так просто, привалившись на разложенные кошмы и овчинные шкуры.

– Пещера тянется на семь арпанов²⁰, выходя с другой стороны горы, а в ее центре есть большая зала, где обычно проходят собрания и молебны, – стал рассказывать Дельмонт.

¹⁹ Цеп – примитивное орудие для обмолота зерна, использовавшийся как оружие крестьянами при народных волнениях. (прим. авт.)

²⁰ Арпан – старинная французская единица измерения длины, равнявшаяся 180 парижским футам, то есть примерно 58,52 м. (прим. авт.)

– Эти места, графство Фуа и весь Лангедок²¹, издавна считаются областями проживания катаров. Это религиозное течение, основанное на христианстве, со временем отошло от него. Катары живут аскетами, без семьи, считая, что только на том свете обретут, наконец, покой. Они объявлены Ватиканом еретиками, как и мы, храмовники-тамплиеры. Поэтому эти две общины помогают друг другу.

Подъехав к туннелю, ведущему от главного в глубину горы от реки, где было особенно много народа, Пьер Дельмонт и его помощник Андрэ под радостные крики простолюдинов залезли на повозку Фридриха и стали раздавать окруживших их людям продукты.

Вечером, подуставшие за дневной переход, рыцарь со своими путниками поужинали у одного из костров. Крестьянские дети, подойдя поближе к гостям, стали играть с псом Герметика, который добродушно позволял себя гладить.

– Почему папа и король Франции преследуют орден тамплиеров? – спросил Дельмонта Гай под влиянием момента, сидя рядом с ним.

– Да уж конечно не за те прегрешения и вероотступничество, в коих нас обвиняют! – в сердцах воскликнул Пьер. – Все из-за денег! Папа Климент V и французский монарх Филипп Красивый взяли в долг у нашего братства большие суммы и решили их не отдавать, а возвести напраслину на нас. За двести лет существования ордена Храма тамплиеры су-

²¹ Лангедок – историческая область на юге Франции. (прим. авт.)

мели накопить огромные денежные средства, с большой выгодой вложив их в недвижимость и пустив в оборот. Мы обладали немалым имуществом и землями. Вот на это и положили глаз эти прохвосты, решив таким бесчестным путем поправить свое плачевное финансовое положение, промотав вклады прихожан и всю казну.

– Может быть, существовали какие-нибудь расписки о полученных ими в долг деньгах и их можно предъявить в качестве доказательства злонамеренных действий короля и папы? – предположил естествоиспытатель, глянув на рыцаря.

Лицо того озаряли сполохи костра, в который он задумавшись неотрывно смотрел.

– Не думаю, что подобные долговые записки давались. Это были бы кандалы для этих упырей, – наконец произнес Дельмонт и усмехнувшись, мрачно пошутил. – По крайней мере, на костре у де Моле о них не спрашивали.

– На костре? – переспросил Герметик.

– Великого магистра ордена Жака де Моле и генерального визитатора Гуго де Пейро, а также их ближайших сподвижников восемнадцатого дня месяца марта 1314 года от Рождества Христова при большом стечении народа сожгли на костре в Париже, требуя выдать местонахождение наших спрятанных сокровищ и отказаться от ереси, – продолжил рыцарь ордена Храма. – Не получили ни того, ни другого. И сами король и папа после казни наших протянули недолго, скоропостижно скончавшись в том же году после проклятия Ве-

ликого магистра.

– Я слышал, недалеко отсюда есть замок Монсегюр – очень почитаемая реликвия катаров, – заметил Гай. – Можно было бы съездить туда.

– Папа римский не оставил камня на камне от замка, приказав сровнять его стены до скального фундамента, – ответил Дельмонт и покачал головой. – Нельзя нам там появляться. У развалин замка может быть засада на скрывающихся катаров и тамплиеров, так сказывали братья. Схватят и сразу потащат в Святой отдел расследований еретической греховности с пристрастием допрос чинить.

Утром, переночевав в пещере Мас-д’Азиль, компания Пьера Дельмонта отправилась далее.

* * *

Россия

Санкт-Петербург

Петроградская сторона

кафе «Снежинка»

октябрь 1996 года

– Как жизнь, Витя? – спросил Шелеста Паша-Фауст, в миру Павел Николаевич Петров, подойдя незаметно сбоку к столу, за которым сидел Шелест. – Что-то какой-то грустный вид у тебя?

Виктор рассказал своему давнему приятелю о посещении загородного дома российской военной разведки в Сестро-речке и о произошедшем там разговоре.

– Так я и думал, – помолчав произнес Павел, внимательно выслушав собеседника. – Вряд ли они много знают о твоих и моих делах. А скорее всего, вообще ничего конкретного им не известно, потому и ходили вокруг тебя да около во время беседы. Если бы было иначе, тон беседы задавали бы они, уж ты поверь мне.

В кафе, как всегда, было оживленно, но не шумно.

– А у тебя как дела? – поинтересовался у собеседника Шелест, заказав для обоих пива.

– С поиском подходов под землей к «золотому поезду» на год пришлось завязать. В тех местах опять всплеск интереса к нему. Так было уже несколько раз после конца Второй мировой войны и присоединения Нижней Силезии к Польше. Объявились двое поляков, которые утверждают, что нашли состав. В другом месте, не там, где его обнаружили мы. Наверное, опять очередные аферисты или желающие прославиться через новостные каналы телевидения и со страниц прессы, – стал раздраженно рассказывать Паша-Фауст. – Теперь туда не сунешься со снаряжением, полно полиции на всех углах. И будут долго пасти в округе черных археологов, чтобы действительно вдруг ничего не выкопали и не унесли мимо государственной казны. Поэтому на год возьмем перерыв, а то если прихватят в раскопе, то каждый день будешь

ходить по следователям, как на работу. Могут и вообще закрыть для острастки другим, чтобы неповадно было.

– Может это совсем другой «золотой поезд»? Ты же говорил мне, что их могло быть несколько, – попытался успокоить Петрова Виктор.

– Да бред это все. В этом деле без профессионализма никуда. А таких поисковых команд по поезду только две – наша и конкуренты пана Пыркоша. Все остальные не в счет, – продолжил Фауст. – Без мозгов, современного дорогостоящего снаряжения, умения работать в архивах и правильно анализировать добытый материал ничего не получится. Времена Шлимана²² давно ушли в прошлое и на одном энтузиазме далеко не уедешь. Все, что можно найти по-быстрому, давно раскопано.

Они отвлеклись на пиво, опорожнив по большой кружке.

– Ян Ковач, предводитель нашей группы искателей, большой книголюб и любитель покопаться в архивах, случайно обнаружил в библиотеке одного монастыря в Клодзко²³ записи средневекового хрониста, в которых упоминается об одном естествоиспытателе и алхимике XIV века, жившем в пещере Большой Совиной горы. В записях говорится о том,

²² Генрих Шлиман (1822 – 1890) – немецкий предприниматель и археолог-самоучка, один из основателей полевой археологии. Прославился находками в Малой Азии, на месте античной Трои, первооткрыватель микенской культуры. (прим. авт.)

²³ Клодзко, старое название Глац – город на юге Польши, на границе с Чехией. (прим. авт.)

что этот гениальный ученый своего времени лечил больных людей плесенью и грибами. Ты представляешь, опередив в этом Александра Флеминга, открывшего пенициллин в 1928 году, на шесть веков! – поделился новостью Петров. – Звали его Гай Герметик, его символом была сова. Помнишь, я тебе рассказывал, что мы обнаружили в подземельях «Гиганта» в Большой Совиной горе пещеру-лабораторию неизвестного алхимика, где на стене находился большой барельеф совы, под которым росла светящаяся колония грибов. А еще он изучал шаровые молнии, пытаясь их воспроизводить.

– Совсем забыл! – воскликнул Шелест, хлопнув себя по лбу. – С таким образом жизни все вылетело из головы! Вчера мне позвонил человек, представившимся Конрадом Альтманном, профессором геологии из города Бреслау!

Паша-Фауст дико поглядел на Виктора.

– Он говорил по-немецки как самый настоящий немец, – неуверенно продолжил Шелест.

– А вдруг это следующий ход тех, с виллы в Сестрорецке? – напрягся Петров. – Они с тобой и на языке эфе запросто могут потолковать, подослав пигмея, у них всяких спецов навалом!

Воцарилось молчание.

– Вот что, пригласи-ка ты этого господина на беседу, поговори с ним, разузнай, что ему надо. Зачем нам впустую гадать? Потом можно будет позвать его в другое место на предметный разговор, если всплывет что-то интересное, – поду-

мав, подытожил Фауст.

* * *

Северная Африка

Египет

комплекс пирамид на плато Гиза

февраль 1938 года

– Зачем вам этот колодец?! – с удивлением спросил немцев Абу-Фарах. – Он высох еще при Хеопсе!

– Давай, пошевеливайся, нам надо еще до него дотащить наше снаряжение! – поторопил араба-проводника Герберт Янкун. – Пошли!

Команда из двенадцати человек, одетые как кочевники-бедуины в свободные до пят рубахи без ворота с широкими рукавами – галабеи с платками-куфиями и тюрбанами на головах, наблюдавшая из-за груды разбитых блоков известняка за подходами к одиноко расположенному невзрачному колодцу, бросилась бегом к нему, таща на себе хурджуны с водой, бухты крепкой веревки, балку с блоком и оружие.

– Он глубокий, дна не видно, – пояснил заглянувшему в бездонную дыру штурмбаннфюреру Абу-Фарах, когда группа достигла искомого.

Разговор велся по-французски, который понимали все присутствующие.

Сплюнув попавший в рот от пустынного ветра вездесущий песок, Янкун оглянулся.

День давно перевалил за половину. Небо было безоблачно, до настоящей жары отделяло три месяца. Вокруг не души, только пирамиды возвышались невдалеке, да какая-то одичавшая собачонка вяло тявкала за ближайшей от них грудой разбитых блоков известняка, откуда они только что пришли.

– Кто-нибудь остался на охране транспорта? – спросил своих подчиненных глава команды, кивнув в сторону оставленных верблюдов и грузовика.

– Там Кунце и Ульрих, – ответил один из сотрудников каирской резидентуры.

Чтобы не привлекать внимания властей и расквартированных в Египте по обоюдному согласию британских войск группа добиралась сюда из Каира двумя частями – верхом и на автотранспорте со снаряжением, соединившись вместе уже около пирамид. По прибытии в египетскую столицу Герберт Янкун со своими сотрудниками сразу связался с местным резидентом гестапо, снабдившим его людьми и всем необходимым. Не теряя времени штурмбаннфюрер на следующий же день отправился с ними к древнему погребальному комплексу.

– Устанавливаем блок и спускаем вниз человека! – распорядился Янкун.

На верх колодца положили принесенную с собой балку с

диском, пропустив через него веревку и крепко обвязав ею Абу-Фараха, являвшегося профессиональным расхитителем гробниц.

– После трех метров от поверхности будешь планомерно простукивать плиты колодца при спуске! – напутствовал его доктор археологии, когда того опустили в темный зев, уходящий вниз.

Часть членов команды заняли оборону, рассредоточившись с оружием вокруг, остальные собрались у колодца, напряженно прислушиваясь к приглушенным крикам спускавшегося араба.

– Здесь за плитой пустота! – проорал тот лишь спустя час напряженных поисков с глубины десяти метров.

– Сможешь сам сдвинуть плиту?! – крикнул ему старший группы.

– Она поддалась и ушла внутрь! – донеслось из колодца. – Попытаюсь проникнуть туда!

Еще час прошел в томительном ожидании, прежде чем Абу-Фараха наконец подняли наверх.

– Там ход идет метров сто к каменной плите, – стал рассказывать расхититель гробниц, жадно припав к протянутой ему фляге с теплой водой.

– Что за плита? Как она выглядит? – спросил у него Герберт Янкун.

– Полностью закрывает проход. Покрыта символами, но они не времен фараонов, – отдуваясь от выпитого ответил

араб. – Я тех много повидал за свою жизнь.

Его лицо, задубевшее от солнца и ветра пустыни, сразу покрыли бисеринки выступившего пота. На нем взмокла рубаха.

– Как выглядят эти символы? – поинтересовался у Абу-Фараха Вальтер Клюге, как и Петер Хейнеманн принимавший участие в этой экспедиции «Аненэрбе».

– Спирали, стрелы, изображения птиц, животных и пауков..., – стал перечислять расхититель гробниц и добавил. – В плите есть пару небольших отверстий на уровне груди, в ходе можно свободно стоять, высота до свода позволяет. Я пытался посветить в отверстия фонарем, чтобы что-то разглядеть за плитой. Но ничего не видно, темнота.

Он испуганно поглядел на обступивших его людей, продолжая.

– Рядом с плитой летают какие-то светящиеся шары величиной с апельсин. Страшно мне стало, долго там не задерживался. Смертью запахло, сам не знаю почему, почувствовал это, – закончил он.

Наступило молчание, Янкун и его сотрудники призадумались над услышанным.

– Надо попробовать понажимать на символы стрелы или погреть их горячей свечой, – вдруг предложил Хейнеманн, не вмешивавшийся в разговор до этого.

– С чего вы решили? – обернувшись к нему, произнес штурмбаннфюрер.

– Мне трудно это объяснить, – пояснил психолог. – По аналогии. На тайник указывает стрела при наложении на общий план расположения погребального комплекса в Гизе. И тут на плите присутствуют тоже стрелы, которых нет в древних символах фараонов.

Глава экспедиции еще помолчал, раздумывая как действовать дальше.

– Возмешь Рашида, чтобы не было так страшно одному, и поступите так, как предложил мой человек, – принял решение штурмбаннфюрер, указав арабу на Хейнеманна. – Нечего в ход всем лезть, только мешать друг другу будем. Если сумеешь отодвинуть плиту, то тогда мы и спустимся.

Он внимательно глянул на сотрудников «Аненэрбе», ничего им не сказав.

– Не хочу туда спускаться! – заартачился Абу-Фарах, терзаемый дурными предчувствиями. – Плохо закончиться для меня эта вылазка!

– Перестань, не ерунди. Я хорошо заплачу, – стал уговаривать проводника Янкун, достав из-под рубахи большую пачку денег.

– Зачем они мертвому?! – воскликнул совсем потерявший голову араб. – Отпусти ты меня во имя Аллаха!

Глава группы нехорошо улыбнулся и извлек из-за пояса «парабеллум», взведя его.

Абу-Фарах и Рашид, глядя на направленное на них оружие, попятились к колодцу, безропотно дав обвязать себя ве-

ревкой. Так же молча их по очереди и спустили в темный зев.

Час от расхитителей гробниц не было никаких вестей. Стоявшие у колодца Янкун, Ключе и Хейнеманн извелись в ожидании.

– Что там может в хранилище быть? – задался вслух вопросом Вальтер Ключе.

– Да может там и нет ничего за плитой, продолжение хода или запутанный лабиринт тоннелей, в котором нам еще неделю придется плутать! – в сердцах оборвал его штурмбаннфюрер.

– А если там артефакты вроде Ковчега Завета?! – не успокаивался Ключе.

– И ты веришь в эти сказки?! – возразил ему Хейнеманн. – Если он и существует, то и выглядит то как современный генератор. Хотя древние халдеи вполне могли засунуть его в какой-нибудь красиво раскрашенный ящик!

Он нервно захохотал, хлопнув себя по ляжкам.

За время ожидания стало смеркаться. Опустившееся к горизонту солнце окрасило в багрово-красный цвет пустыню и вершины не遠далеке возвышавшихся пирамид.

Внезапно из колодца донеслись леденящие душу крики, потом последовал продолжительный дикий вой. Три сотрудника «Аненэрбе» свесились в колодец, подсвечивая себе фонарями и пытаясь хоть что-нибудь там разглядеть.

Из бокового хода ствола колодца кошкой выпрыгнул Абу-Фарах, на лету умудрившись намертво вцепиться в висящую

сверху веревку, по инерции всем телом ударившись о противоположную стенку.

– Поднимайте меня! – заорал он.

Лучи фонарей осветили его перекошенное от ужаса лицо.

– Что там могло произойти?! – спросил своих коллег Вальтер Ключе.

– Откуда мы знаем?! – отмахнулся от него Янкун. – Лучше помоги его вытащить!

– После вскрытия гробницы фараона Тутанхамона англичанами Картером и Карнарвоном более двадцати человек, принимавшие в этом участие, умерли странной смертью, – напомнил компаньонам Ключе, вместе с ними таща веревку от колодца.

Совместными усилиями они подняли араба на поверхность.

Перевалившись через край колодца Абу-Фарах упал на песок, хрипя от напряжения. Его рубаша превратилась в обугленные, дымящиеся лохмотья, через дыры которой проглядывало сильно обожженное тело.

– Что там произошло?! – подступил к распростертому и судорожно хватавшему раскрытым ртом воздух проводнику Герберт Янкун.

– Мы стали нажимать на плите символы стрел, а потом нагревать их пламенем свечи, как объяснил твой человек, – шевеля потрескавшимися губами, через боль ответил тот. – Другого выхода у нас не было, иначе бы вы нас пристрелили.

Его обезображенное ожогами лицо уставилось в звездное небо.

– Потом символы стрел стали светиться, а летавшие рядом странные шары юркнули в отверстия плиты, – тихо продолжил араб. – Неожиданно из них в ход стал изливаться светящийся желтый туман. Рашид не успел отскочить и попал под него. Он сгорел у меня на глазах, более жуткого предсмертного крика я не слышал в своей жизни. Меня туман достал уже на выходе....

Абу-Фарах замолк на полуслове, его глаза остекленели, уставившись куда-то мимо нагнувшегося к нему штурмбанн-фюрера.

– Отошел, – приглядевшись к лицу проводника сказал Хейнеманн и глянул на Янкуна.

– Что ты так на меня смотришь?! – нервно произнес глава группы. – Вас, что ли, надо было посылать на верную смерть?! Строители древних хранилищ умели позаботиться о защите от воров!

– Глядите, – почему-то шепотом сообщил Ключе, показывая на колодец.

Из его глубины в окружающую темноту явственно исходило все усиливающееся свечение.

Немцы разом отбежали на безопасное расстояние.

Из колодца тут же повалил желтый дым, а затем стал вытекать густой светящийся туман такого же цвета, растекаясь по песку.

За ближайшей от них грудой разбитых блоков известняка, где находились верблюды и грузовик, длинными очередями гулко забил пулемет. Эхо от его выстрелов разнеслось по округе, от неожиданности заставив присесть ученых «Аненэрбе». Со стороны постов сотрудников каирской резидентуры также слышались сухие выстрелы автоматического оружия.

Одежда на теле расхитителя пирамид вспыхнула от добравшегося до него светящегося тумана, бросая блики на застывших исследователей.

– Господин доктор, сюда пытаются пробиться неизвестные! Слышна английская речь! – окликнул Янкуна один из подбежавших от охранных постов, увидевший останки араба и догорающую балку с блоком на колодце, спросив. – Что здесь произошло?!

– С этим потом, не приближайтесь к колодцу, это опасно! – оборвал его штурмбаннфюрер и скомандовал. – Всем к грузовику, попытаемся пробиться!

Сотрудники резидентуры и «Аненэрбе» бросились за ближайшую от них груду разбитых блоков известняка, где находился их транспорт.

– Вроде отогнали, – доложил главе группы старший от геотоповцев обершарфюрер Кунце и показал рукой. – Вон там несколько валяются, подстрелил, когда они пошли на приступ.

Он загружал в кузов тентованного грузовика MG-34, его

напарник подал туда же пару коробов с пулеметными лентами.

Набившись в грузовик и бросив ездовых верблюдов, немцы поехали в сторону Каира. На выезде от пирамид их обстреляли, но огонь был nepřизельный и никто не пострадал.

– За нами погоня! – стараясь перекрычить рев мотора, сообщил один из гестаповцев, указав остальным на быстро приближающиеся сзади на темной дороге огни фар двух легковых автомобилей.

Из переднего стали стрелять по грузовику, наверно надеясь попасть в покрышки колес.

Кунце невозмутимо положил на задний борт грузовой машины ствол пулемета и выпустил длинную очередь по преследователям. Легковушки как ветром сдуло с пыльного проселка, они сразу же опрокинулись в кювет.

Проплутав несколько часов по объездному шоссе, немцы въехали в египетскую столицу в качестве меры безопасности с другой стороны. А через пару дней сотрудники «Аненэрбе» под видом коммерсантов улетели пассажирским самолетом в Европу.

Клюге и Хейнеманна срочно вызвали в Берлин. Они должны были отправляться в Индию и Тибет на агентурное обеспечение этнографической экспедиции Эрнста Шефера. Герберт Янкун больше не смог вернуться к предполагаемому тайнику около пирамид. Скоро началась Вторая мировая война и экспедиционный корпус генерала Роммеля в Север-

ной Африке так и не сумел дойти до окраин Каира, остановленный англичанами у Александрии.

* * *

Северное море
десантная группа кригсмарине контр-адмирала Куммет-
ца
борт тяжелого крейсера «Блюхер»
апрель 1940 года

Пятая десантная группа кригсмарине в составе тяжелых крейсеров «Блюхер» и «Лютцов», легкого крейсера «Эмден», миноносца и нескольких тральщиков вышла из германской военно-морской базы Свинемюнде курсом на северо-запад через Датские проливы и далее на северо-восток вокруг Скандинавии. Целью похода был захват Осло силами десанта немецких войск в рамках оккупации Норвегии, получившее кодовое название операция «Везерюбунг»²⁴. Командующий эскадрой контр-адмирал Кумметц разместился со своим штабом на борту тяжелого крейсера «Блюхер», которым командовал капитан цур зее Генрих Фольдаг, недовольный уготовленной ролью своего корабля. И это было немудрено. Со времени принятия на вооружение этого бое-

²⁴ Операция «Везерюбунг» – немецкая операция по захвату Норвегии в апреле 1940 года во время Второй мировой войны. (прим. авт.)

вого корабля его экипаж так и не успел пройти полностью все необходимые тренировки. На верхней палубе и во внутренних помещениях крейсера стояли ящики с боеприпасами приданных сил десанта, занимая все свободное пространство. На корабле, кроме многочисленной команды и 800 солдат из числа 324-го пехотного полка 163-й дивизии вермахта, пребывал военный персонал штабов и вспомогательных служб. Все это не повышало боеспособность и выживаемость «Блюхера» в случае боевых действий.

– Зачем мы отправились на этом крейсере? – в очередной раз ворчал антрополог Вальтер Клюге, когда он с психологом Петером Хейнеманном после принятия пищи в одной из кают-компаний для младших офицеров организованно выходили подышать свежим воздухом на корму корабля. – Плавающая тюрьма, все время находимся в кубрике взаперти!

– Это крейсер, а не прогулочная яхта, – пошутил по этому поводу невозмутимый коллега. – А как иначе мы попадем в Норвегию? Все места в транспортных самолетах люфтваффе заняты военными. Пассажирские рейсы тоже выполняются в интересах вермахта. Прикажешь через Швецию или Финляндию с пересадками? А так, за счет Рейха прямым маршрутом доставят прямо до ихней столицы.

Рядом на корме весело переговаривалась и строила заветные планы на будущее, курила и обменивалась мнениями толпа солдат и нижних чинов. В центре, перед башней главного калибра, стояло несколько пустых бочек из-под

топлива, приспособленных в качестве импровизированных пепельниц.

Руководство «Аненэрбе», отправив своих сотрудников Хейнеманна и Клюге в Норвегию, уделяло большое значение исследованию культовых и обрядовых практик, ритуалов народов Скандинавии. Одними из них являлись древние капища, по которым специализировались эти ученые.

Уже на третий день плавания походный ордер десантной группы подвергся атаке английских подводных лодок, но крейсера и корабли боевого охранения вовремя сумели совершить уклонение.

– Вот и смерть наша прошла за бортом, – сказал кто-то из моряков, проводив взглядом торпедный след, прошедший недалеко от «Блюхера».

– Не дай Бог появятся их бомбардировщики, – мрачно заметил другой моряк.

– Парни Геринга не дадут нас в обиду! – с пафосом ответил штабной офицер вермахта, уверенно поглядевший на куривших у бочек.

Моряки молча посмотрели на штабного, ничего не сказав.

На подходе к Осло-фьорду корабли ордера ранним утром стали медленно входить в протянувшийся вглубь суши на сто километров до столицы залив, опасаясь в первую очередь залпов береговых артиллерийских батарей противника. Встреченный вскоре сторожевик норвежцев, охранявший вход во фьорд и подходы к главной военно-морской ба-

зе Норвегии – Хортену, был захвачен немецким миноносцем «Альбатрос». Крейсера кригсмарине и корабли охранения миновали проход между островами Болерне и Раной, высадили часть десанта для захвата Хортена, и пошли по заливу. Проходя через проход Дрёбак, в пять утра колонна кораблей попала под обстрел тяжелых орудий, расположенных на острове Оскарсборг.

– В нас попали, ты слышал?! – крикнув своему коллеге и схватив свой рюкзак кинулся на выход из кубрика вместе с остальными офицерами вермахта Клюге, почувствовав сотрясение проламывающих броню снарядов.

Следом едва поспевал Хейнеманн, петляя по запутанным коридорам и взлетая по маршам наклонных трапов.

Во внутренних помещениях боевого корабля едко запахло гарью, появилась задымленность. По его отсекам пробежали встревоженные матросы, началась борьба с пожаром на борту.

Выскочив на верхнюю палубу крейсера, толпа военных бросилась к спасательным шлюпкам, уже спускаемым экипажем на воду. Со стороны видневшегося берега по эскадре Кумметца вели прицельный огонь несколько батарей. «Блюхер» от попадания снарядов крупного калибра заметно потерял ход, с него нижних палуб валил дым, он заметно осел.

Сотрудникам «Аненэрбе» удалось в толчее и давке попасть в один из катеров, ходко ставшего удаляться от поврежденного артобстрелом тяжелого крейсера. Их подобрал

тральщик, шедший сзади. В половине шестого утра у борта «Блюхера» прогремели два взрыва. В результате непрерывающейся детонации снарядов в артпогребах и во внутренних помещениях крейсера он стал гореть сильным, чадающим пламенем. Это задержало остальные немецкие корабли, движущихся по фьорду к Осло.

– В него попали торпеды с береговой станции, расположенной на острове Северный Кахольм, – сказал один морской офицер другому, рядом с которыми на палубе тральщика находились спасенные ученые, ошарашенные увиденным молохом войны.

Около горящего тяжелого крейсера плавали трупы команды, кто-то громко взывал о помощи, вздымая из воды руку.

– Да, взрывы были подводными и его почти сразу перевернуло, – кивнув головой согласился второй моряк.

После детонации одного из артпогребов «Блюхер» стал уходить под воду. Уже на погружившемся корабле произошло несколько подводных взрывов, контузив барахтавшихся на поверхности еще живых людей.

Только на следующее утро Хейнеманн и Клюге спустились на берег вместе с другими штабными военными служащими, присутствовавшими на борту тральщика. В аэропорту Осло с военно-транспортных самолетов была высажена штурмовая группа, которая решительным ударом при поддержке десанта с кораблей овладела норвежской столицей.

*Франция
Пиренеи
долина Тургуила
декабрь 1326 года*

Холодный ветер гнал по небу рваные, темные тучи. На-крапывал мелкий дождь. Группа из трех всадников и возницы, управляющей повозкой, медленно тянулась по каменистой дороге в гору среди торчащих угрюмых скал. На вершине ближайшей к путникам плоской возвышенности, среди корявых деревьев с разбитыми молниями крон, стояла утлая часовенка с колоколом наверху, издававшим под порывами ветра унылые звуки, разносившимися на всю округу и скребущими душу.

– Говорят, в этой долине обитают оборотни с головами волков, – обернувшись в седле к остальным, поежившись и поплотнее кутаясь в одежды, сообщил Андрэ.

Ехавший рядом Пьер Дельмонт улыбнулся и ничего не сказал.

Потом дорога сузилась и пошла на подъем за поворот скальной гряды.

Дальше почему-то ехать не хотелось. Герметик почувствовал опасность, тамплиер тоже ощутил подступившее

беспокойство. Кони настороженно косили глазом, чутко поводя, словно собаки, ушами.

– Впереди засада, – тихо проговорил Гай, остановив своего жеребца.

Его спутники попридержали своих лошадей, довлеющее напряжение передалось и им.

– Приготовьте оружие, – дал команду рыцарь ордена Храма, положив руку на рукоять своего меча.

Герметик кресалом и куском кремния высек искры, запалив трут, и зажал его в зубах.

Группа остановилась при въезде в горловину ущелья.

Из-за скалы поворота раздался леденящий душу вой. Потеряв терпение, оттуда к всадникам выскочило полтора десятка косматых, заросших иссиня-черными бородами, разбойников в меховых безрукавках, одетых поверх кольчуг. Они были вооружены копьями и луками, некоторые держали в руке мечи. У их главаря на плечах присутствовала волчья шкура с головой.

– Вот и псеглавцы, о которых ты говорил, – заметил своему оруженосцу тамплиер.

– Осторожно! – предупредил друзей Гай, когда в путников полетели стрелы.

Алхимик отбил одну лезвием меча. Дельмонт отмахнулся сразу от двух, чудно используя для этого свой длинный плащ, накинутый поверх панциря. Остальные просто уклонились от просвистевших рядом оперенных жал.

– Поберегись! – крикнул Герметик, кинув в неприятеля металлический цилиндр с запаленным фитилем, вытащенный им из приседловой сумы.

До разбойников было около шестидесяти локтей.

Грохнул взрыв, вжикнули осколки, все заволокло густым белым дымом.

От неожиданности присели и захрапели испуганные кони. Разбойники от страха заорали и гурьбой бросились бежать назад за поворот. Одного достал стрелой из лука Фридрих с повозки, другого убил мечом рванувший вперед жеребца рыцарь. От метательного снаряда упали замертво еще трое. Остальные быстро пропали из вида.

От внезапного взрыва пес Лука спрятался за повозку, поджав уши.

– Чем это ты их? – спросил Гая тамплиер, вспомнив о взрыве.

– Китайцы научили делать порох. Здесь, в Пиренеях, он, наверное, еще неведом, потому разбойники и убежали, – ответил алхимик и поинтересовался у Дельмонта. – А как ты плащом от стрел закрылся?

– У сарацинов научился, когда был в Палестине, – сообщил тот.

Он показал пришитые сзади внизу подола шерстяного плаща два свинцовых рыболовных грузила.

– Можно неожиданно наотмашь по голове приложить, – продолжил рыцарь. – Если захватят в полон, уже проверил

не раз.

– Хитро́, – оценив, заулыбался Герметик. – Научишь потом.

– Хотел предложить заночевать в этой часовне. Тут рядом нет других убежищ от непогоды, – кивнув на строение на возвышенности, сказал тамплиер. – Но очень опасно. Эти негодяи могут прийти в себя и вернуться. Надо быстро проезжать это дурное место.

Маленький отряд, погоняя своих лошадей, пустился в надвигающиеся сумерки навстречу неизвестности на пути.

* * *

Франция

Дюнкерк

побережье Ла-Манша

май 1940 года

– Уилсон, собери личный состав роты у тех затопленных у берега грузовиков! – приказал своему первому лейтенанту капитан Паркер. – Скоро наша очередь!

Он указал на одно из мест на пляже, где с наспех сколоченного из подручных средств причала, установленного на загнанной под воду автотехнике, шла погрузка английских солдат первой роты их батальона на подошедший рыбацкий траулер.

Приходилось кричать в пылу идущего рядом боя под артиллерийским обстрелом противника.

Наиболее нетерпеливые военнослужащие из других частей британских экспедиционных сил под командованием Джона Горты просто заходили с пляжа в воду, держа оружие над головой, и брели до забиравших их моторных лодок или катеров.

Вдоль побережья Ла-Манша, гудя моторами в вышине, к береговой полосе подошла десятка «Юнкерсов Ju-87» и, переворачиваясь по очереди через крыло, с пронзительным воем по одиночке стала пикировать на эвакуированных. Начали рваться бомбы вблизи принимавших людей судов. Разлетающиеся от их взрывов осколки со свистом косили зазевавшихся солдат, устилавших своими телами влажный песок пляжа или качавшихся на волнах.

Малокалиберным автоматическим пушкам развернутой поблизости зенитной батареи удалось подбить один из немецких пикировщиков и он, клюнув носом и оставляя за собой дымный след, потянул на бреющем вглубь суши. Остальные самолеты люфтваффе отогнало звено английских истребителей «Спитфайр», прилетевших с Британских островов.

Пару недель как стояла туманная, влажная погода, мешавшая германской авиации бомбить уходившие с материка из заблокированного немецкими войсками Дюнкерка английские и французские части. Тяжелое вооружение дивизий и полков

пришлось бросить. В качестве транспортов, кроме кораблей королевского военно-морского флота, широко использовались любые мало-мальски пригодные для этой цели гражданские суда.

– Почему фюрер запретил Гудериану развивать наступление его танками?! – с нескрываемым раздражением задавался вслух вопросом обергруппенфюрер СС Йозеф Дитрих, рассматривая в бинокль эвакуирующиеся войска неприятеля.

Он находился со своими офицерами штаба на опорном пункте на высоте Монваттан рядом с живописными развалинами средневекового замка, господствующей над окружающей равнинной местностью, которую захватили по его приказу солдаты вверенной ему бригады СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер».

Действительно, к 20 мая 1940 года немецкие танковые соединения пробились к Абвилю, сумев окружить 10 английских, 18 французских и 12 бельгийских дивизий, запертых у побережья Северного моря в районах Гравлин, Аррас, Брюгге. Танкам Гудериана с южного и юго-западного направления оказывали поддержку немецкие войска под командованием генерал-полковника Герда фон Рундштедта, а с восточного и юго-восточного – войска под командованием генерал-полковника Лееба. 22 мая части танковой группы Клейста, действующие с юга, заняли Булонь. 23 мая немецкие части захватили порт Кале, оказавшись в 16 километрах от Дюнкер-

ка. 24 мая Адольф Гитлер отдал приказ немецким танковым дивизиям, наступавшим вдоль побережья Ла-Манша, остановить наступление на рубеже канала Аа и отвести назад части, продвинувшиеся на Азбрук. В результате немецкие части остановились на рубеже Бетюн – Сент-Омер – Гравлин. Фюрер потребовал «не приближаться к Дюнкерку ближе чем на 10 км» и не использовать против блокированной группировки танки, поэтому Рундштедт, стараясь воспрепятствовать эвакуации, но не нарушить полученный приказ фюрера, отдал немецким войскам приказ использовать для обстрела позиций противника артиллерию среднего калибра.

Действия немецких войск осложнялись погодными условиями, мешавшими применению авиации, а также сложным рельефом местности – множеством каналов при выходе к побережью.

Англичане в результате эвакуации бросили 2472 артиллерийских орудий, 65 тысяч автомашин, 20 тысяч мотоциклов, 68 тысяч тонн боеприпасов, 147 тысяч тонн топлива и 377 тысяч тонн снаряжения и военного имущества, 8 тысяч пулемётов, 90 тысяч винтовок, всё тяжёлое вооружение и транспорт 9 английских дивизий. Но им удалось сохранить главное – костяк сухопутных войск, нашедших применение на последующих этапах Второй мировой войны, вывезя на Британские острова 337 131 человек. В ходе операции по транспортировке в Англию погибло и пропало без вести около 2 тысяч солдат и моряков союзников, было сбито 106 самолё-

тов, прикрывавших британские корабли и суда.

Некоторые конспирологи современности считают, что Гитлер дал возможность уйти англичанам из окружения при Дюнкерке, чтобы заключить с Черчиллем перемирие для последующего нападения на СССР. А может он просто пожалел свои танковые части, понесшие бы большие потери в преддверии дальнейшей войны с Францией. Так или иначе, за фюрером стояли тайные оккультные общества, приведшие его к власти и манипулирующие им, а также американский капитал в лице клана Рокфеллеров в своих далеко идущих планах по установлению «нового мирового порядка».

* * *

*Норвегия
окрестности Нарвика
Балланген
декабрь 1940 года*

На северном побережье Норвегии недалеко от Нарвика в это время года было холодно и ветрено. Волны прибоя накачивали на берег, покрытый коркой льда, шумно разбиваясь о торчащие скалы.

В небольшой бухте у рыбацкой деревушки Балланген, лежащей на южном берегу глубоко протянувшегося внутрь материка Уфут-фьорда, у длинного причала шла напряженная

работа. Разгружали ящики с выловленной треской и сельдью с мотоботов и парусных шхун, на борт принимали горячее и пресную воду. Часть судов прибрежного лова находилась в море.

В пятнадцати милях на выходе из Уфут-фьорда, уже в Вест-фьорде, южнее Лофотенских островов шла на север парусно-моторная шхуна, переваливаясь с волны на волну. Судно на фале тащило сзади бот.

– Как они нас узнают? – спросил капитана судна Хансена его помощник, заросший бородой, вечно хмурый Ульф Лунд.

– Пошли племянника на корму за рубку, – ответил тот. – Это и будет сигналом.

– А если появится немецкий сторожевик?

– Они сейчас южнее, их отвлекают другие английские подлодки, – пояснил капитан и дал команду рулевому. – Свен, давай мористей, левее.

Быстро смеркалось. Вдали на побережье зажглись огоньки поселений и городков. На шхуне тоже включили навигационные фонари.

– Есть перископ слева по борту! – сообщил Хансену один из рыбаков. – Вон там, в кабельтове!

Через минуту из воды с буруном впереди показалась рубка субмарины, а потом и вся ее верхняя часть корпуса.

Шхуна сбавила ход и пошла на сближение с подводной лодкой, на которой на палубу вышли несколько моряков.

Они пытались закинуть швартовый конец на подошедшее левым бортом рыбацкое судно. С нескольких попыток это им удалось и вставшие в дрейф плавсредства подтянули друг к другу.

На норвежскую шхуну перепрыгнули два человека, одетые как и рыбаки в грубые брезентовые плащи с капюшонами, толстые шерстяные свитера и вязанные шапочки.

– Вот документы наших товарищей, – обменявшись приветствием с принятыми незнакомцами, сказал им помощник Лунд. – Они остались дома. Сойдете за них, если будет проверка.

У пассажиров были с собой рюкзаки и деревянный ящик для инструментов.

Отдав конец, шхуна пошла к берегу, а подлодка сразу погрузилась.

Подойдя через четыре часа к причалу деревушки Балланген с рыбацкого судна стали сначала сгружать улов рыбы, а затем подавать ящики с ней в небольшой автофургон, ожидающий на берегу. Туда же сели и два незнакомца с субмарины, внешним видом ничем не отличимые от окружавших их тружеников моря.

Автомобиль, груженный треской и сельдью, отъехал от причала и вырулив на дорогу, идущую вдоль фьорда, отправился в Нарвик, находящийся в сорока километрах восточнее рыбацкой деревушки. Через час, петляя между сопками, машина спустилась с очередного пригорка к окраинам горо-

да, раскинувшегося в большой бухте у подножия гор сотнями огоньков в ночи.

Автофургон подъехал к старинному, уже обветшавшему особняку из темно-красного кирпича, стоявшему на окраине Нарвика. Выйдя из него, приехавшие незнакомцы взяли свои рюкзаки и деревянный ящик с рацией, поднявшись на крыльцо прошли в дом. Машина уехала далее.

В обширной гостиной, куда они вошли, по стенам висели картины в тяжелых рамах. На большом камине стоял причудливый подсвечник.

– Этот особняк раньше принадлежал моему деду, – сказал незнакомцам сопровождавший их молодой человек в рыбацком плаще. – Он был весьма образованным человеком. Теперь тут живу я.

– Надежно ли убежище? – спросил хозяина дома Яниса Ларсена один из прибывших, поджарый господин средних лет, обратив к нему взгляд.

– Вполне, – ответил тот.

Молодой человек был не прав.

Уже месяц гестапо наблюдало за его домом. Один из ее осведомителей, внедренный в руководство норвежского Сопротивления, сообщил о возможном прибытии к Ларсену английских диверсантов.

Долгое ожидание двух сотрудников немецкой тайной полиции, сменявшихся у окна в соседнем доме круглосуточно, принесло свои плоды. Увидев подъехавший автофургон

и трех человек с багажом, прошедших в старинный особняк, они вызвали подкрепление.

Через полчаса здание было обложено гестапо при содействии подразделения СС. На самонадеянное предложение ее сотрудников сдаться гестаповцам ответили яростным огнем из автоматического оружия.

Подорвав дверь гранатой, немцы ворвались в особняк. Затем внутри раздался сильный взрыв, серьезно повредив дом.

В результате неудачной операции силами местного отделения немецкой тайной полиции были уничтожены два английских диверсанта и один участник Сопротивления. При исполнении служебных обязанностей погибло восемь сотрудников гестапо. В особняке были обнаружены искореженные взрывом пистолеты-пулеметы «томпсон», большое количество гильз к ним, остатки уничтоженной радиостанции.

Из-за повреждений здания, нанесенных взрывом, был обнаружен тайник со старинными оккультными фолиантами и манускриптами.

* * *

*Каталония
провинция Жирона
Росес
декабрь 1326 года*

Спустившись с предгорьев Пиренеев с испанской стороны три всадника с повозкой, запряженной лошадыю под управлением молодого возницы, и неумоимо поспевавшим за ними крупным псом серо-черного окраса добрались до городка Росес, раскинувшегося на побережье Средиземного моря. Разыскав один из богатых за высоким каменным забором особняков, Пьер Дельмонт с компанией требовательно постучал в дубовую дверь, находившуюся рядом с воротами.

Им открыл слуга, молча кивнув рыцарю Храма и запустив всех прибывших во двор.

– Рад видеть тебя, брат! – обрадованно воскликнул вышедший на крытую галерею старинного здания одетый в изысканный дуплет²⁵ статный сеньор с кучерявой, черной с проседью шевелюрой и бородой.

Всадники и возница спешили, подойдя к хозяину дома, в миру называвшимся высокочтимым идальго Альфонсо Херонимо де Кабрера. Обняв Дельмонта и тепло поздоровавшись с его спутниками кабальеро пригласил гостей в обширную залу, начинавшуюся прямо от порога.

– Как добрались? – спросил рыцаря дон Альфонсо, сделав знак прислуге накрывать широкий стол, за которым все уселись.

– В пути было всякое..., – неопределенно ответил ему

²⁵ Дублет – мужская верхняя одежда, распространенная в Европе в период с XIV по середину XVII веков. (прим. авт.)

Пьер, глядя на потрескивающие дрова в большом камине, распространявшим в зале осязаемое тепло. – А как у вас здесь?

– На землях Иберии²⁶ до сих пор продолжают сильные гонения на орден Храма. Сотни наших братьев схвачены инквизицией как еретики. В «Святом отделе расследований» царит беззаконие и произвол, где их пытаются в темницах, под муками вырывая выгодные папской церкви показания для отъема имущества тамплиеров, – поделился горькими вестями хозяин дома. – Поэтому считаю разумным для вас плыть далее до Португалии на судне, а лошадей и повозку оставите у меня. Они пригодятся вам или нашим людям для следующей поездки.

– Да, нас тоже на границе Каталонии пытавали стражники, кто мы и куда путь держим. Хорошо, что подорожные бумаги у меня справлены, а то бы быть беде, – вспомнил рыцарь Храма. – А пересесть на корабль неплохая идея.

На стол подали дымящуюся, только что с мангала, запеченную в зелени рыбу, сбрызнутую лимонным соком. Принесли кувшины с белым вином, поднос с фруктами, свежий хлеб. Оголодавшие от однообразной и простой походной пищи, приготовленной на костре, путники накинулись на этокое пиршество, насыщаясь и отводя душу.

– Послезавтра как раз в Росес зайдет наше судно с Сици-

²⁶ Иберия или Пиренейский полуостров – полуостров, расположенный на юго-западе Европы. (прим. авт.)

лии, на нем и отправитесь, — добавил идальго. — Я распоряжусь.

После обильного и вкусного обеда в домашней обстановке сразу сморило в сон. Компанию Дельмонта разместили в двух комнатах на отдых.

Пару дней они приходили в себя после долгого путешествия, а на третий выехали вместе с кабальеро де Кабрера в бухту на побережье, прихватив свою поклажу. Добравшись до холмистого берега по дороге, вдоль которой росли миндаль, агавы и опунции, перед ними раскинулось вширь до горизонта голубое море, блестящее на солнце. Внизу у деревянного причала стоял под парусами неф²⁷ и рядом несколько рыбачьих фелюг помельче.

— Пора на борт, судно готово к отплытию, — грустно улыбнувшись своим гостям молвил идальго, когда все спустились вниз и оказались рядом с кораблем. — Еще свидимся.

Путники сердечно распрощались с доном Альфонсо и передав свой багаж и собаку наверх матросам стали карабкаться на верхнюю палубу судна по забортной лестнице из каната, где их принял экипаж и помог обустроиться в каюте на корме.

— Я — капитан «Медузы» Гюста́в Дюбо́нэ, — представился новым пассажирам бородатый смуглый малый с серьгой в ухе в черной бандане. — Мы идем в Лиссабон. С правилами

²⁷ Неф — южноевропейское деревянное торговое и военно-транспортное судно X—XVI веков водоизмещением 200—600 т. (прим. авт.)

пребывания на борту ознакомьтесь у моего помощника. Извините, мы отходим, много дел.

По палубе забежала команда, некоторые из членов которой взобрались на мачты к парусам. Остальные занялись такелажем, подтягивая или отпуская канаты и концы. Неф стал отходить от причала, разворачиваясь по ветру. Берег с махающим компани Дельмонта Кабрерой потихоньку удалялся, а когда корабль встал на намеченный курс и вовсе превратился в узкую полосу суши.

– Сколько дней займет плавание? – спросил у стоящего рядом с Пьером у борта Герметик.

– Думаю, около четырех, – ответил тамплиер. – Все зависит от направления ветра.

Они еще немного постояли и потом спустились в каюту к Фридриху с Андрэ, лежавшим на койках. Рядом на досках палубы уже успел задремать неунывающий пес Лука, вполне освоившийся с новой для себя обстановкой.

Путешествие на судне прошло быстро. В светлое время компания Дельмонта пребывала на верхней палубе, наблюдая за деятельностью экипажа, а ночью дремала в каюте. Кормили на борту сытно, относились к пассажирам хорошо.

Как и обещал рыцарь Храма, к концу четвертого дня их неф подошел к устью реки Тежу, долго поднимался по ней до Лиссабона, к утру пристав у набережной города. Поблагодарив капитана «Медузы» и забрав багаж, четверка путешественников с собакой сошли с судна, влекомые их пред-

водителем к новому месту жизни.

* * *

*Норвегия
окрестности Тронхейма
коммуна Агденес
декабрь 1940 года*

Сверху слышался звук катящихся вниз камней и финский антрополог Юрьё фон Грёнхаген отошел немного в сторону с горной тропы, чтобы его ненароком не пришибло.

– Спускайтесь сюда, только осторожней! – крикнул он нашедшимся выше по склону горы Хейнеманну и Клюге. – Здесь сыпучий грунт!

Через несколько минут, стараясь не вызвать новый камнепад, к Грёнхагену подошли на выступающую по косогору ровную площадку с рюкзаками за плечами и апельштоками в руках одетые в теплые альпийские куртки и горные ботинки сотрудники «Аненэрге».

– Что здесь? – спросил финна Хейнеманн. – Опять дольмен?

На краю площадки стояло небольшое сооружение, высотой по пояс человеку, словно маленький домик, состоявший из четырех каменных плит, поставленных в каре на ребро и накрытых пятой плитой. В одной из боковых стен они обна-

ружили отверстие.

– Какое у него предназначение, как ты думаешь? – поинтересовался у антрополога Клюге Хейнеманн. – Погребальная камера?

– Дольмены обычно стоят в геоактивных местах на выходах кварцевых жил, – ответил за Вальтера Клюге Грёнхаген. – А кварц проводит электрический ток. Тут все много сложнее. Среди некоторых исследователей сложилось мнение, что дольмены в древности использовались ушедшими цивилизациями для связи.

– Каким образом? – не понял Хейнеманн.

– Садился в дольмен какой-нибудь шаман или колдун, ментально настраивался на разговор со своим коллегой, также находившимся в дольмене за сотни или даже тысячи километров от него, и они общались, – продолжил финский антрополог. – Дольмены подпитываются постоянно через кварцевую жилу из недр земли энергией и представляют собой своего рода природный усилитель сигналов.

– Пункт связи, – улыбнулся сравнению Клюге.

– И по всей планете, – добавил Грёнхаген. – Согласно легендам, в Атлантиде мысленное общение между ее гражданами было повседневным делом. И ирония здесь неуместна, особенно при нашей деградации таких возможностей индивидуумов.

Уже девять месяцев, с начала оккупации немецкими войсками Норвегии, исследовательская группа Петера Хейне-

манна в составе его самого, Вальтера Клюге и молодого финского антрополога Юрьё фон Грёнхагена, обследовала горные районы этой страны с целью изучения мегалитических строений, дольменов и сейдов, а также мест с геопатогенной энергетикой, как правило, заслуживших дурную славу у местного населения. Ночуя у костра в спальнях мешках или в пещерах, которые встречались в округе, они облазили с финским ученым, служившим им в качестве проводника, все побережье с его извилистыми фьордами и шхерами. Приказ на проведение подобных секретных изысканий исходил с самого верха от рейхсфюрера Генриха Гиммлера. Сотрудники «Аненэрбе» тщательно сфотографировали и описали все обследованные объекты в походный журнал, в конце концов оказавшись в коммуне Агденес недалеко от Тронхейма в одной маленькой деревушке, рядом с которой Грёнхаген обещал показать немецким ученым еще пару любопытных археологических построек древности.

С вершины гряды по тропинке вниз на площадку к исследователям стали спускаться два солдата СС во главе с шарфюрером. Подойдя к сотрудникам «Аненэрбе» нижний чин отдал им честь.

– Господин Хейнеманн, штурмбаннфюрер Баатц срочно вызывает вас с Клюге в Нарвик, – доложил он.

Ученые переглянулись.

– Что случилось? – спросил шарфюрера антрополог Клюге.

– Не могу знать. Прислали самолет, там объяснят.

Собравшись и подхватив свои вещи, исследователи поспешили за эсэсовцами, вскоре вылетев военно-транспортным бортом к новому месту....

...Спустившись через сутки по приставной лестнице из грузовой кабины «Юнкерса Ju-52» Петер Хейнеманн и Вальтер Клюге прошли со своими рюкзаками к ожидавшему их на самолетной стоянке «опелю» и сели на его заднее сиденье. Водитель автомобиля услужливо убрал поклажу ученых в багажник.

– Здесь недалеко, – сообщил сотрудникам «Аненэрбе» с переднего сиденья одетый в кожаное пальто отвечавший в гестапо за оккупированную Норвегию штурмбаннфюрер Бернхард Баатц. – Езды с полчаса.

За окном «опеля» замелькали сопки и сосны на краю протяженного Уфут-фьорда, по берегу которого шла грунтовая дорога. Через какое-то время пошли улочки портового города. Легковой автомобиль подъехал к отдельно стоящему особняку, у крыльца старинного дома присутствовал часовой.

Выйдя из машины, ученые прошли в здание вместе с сотрудниками гестапо. Старший караула рыжеватый унтерштурмфюрер зажег фонарик, освещая его лучом почерневшие, обугленные стены особняка. Под ногами вошедших хрустели битые осколки стекла, валялись останки утвари обстановки.

– Хорошо рвануло, – оценивающе оглядевшись, произнес Хейнеманн.

– Толстые стены из крепкого камня. Иначе бы весь дом разнесло, – рассеянно заметил Баатц. – Эрих говорит, тут сдетонировало несколько килограммов тротила.

Штурмбаннфюрер кивнул на своего подчиненного, ковырявшегося в мусоре.

– А вот и открывшийся ход в подвал, – сообщил столочным визитерам чин тайной полиции, показав на пролом во внутрестенной перегородке рядом с большим полуразрушенным помещением, бывшим ранее гостиной.

Подсвечивая себе фонарем, все четверо осторожно спустились по винтовой лестнице в глубокий подвал. Здесь запах гари был значительно меньше, чем наверху. Чувствовался приток свежего холодного воздуха.

– Да, тут есть вентиляция, вам не показалось, – сказал Бернхард Баатц видя, что Вальтер Клюге осматривает приотлочные отдушины. – И она работает до сих пор.

Подвал тянулся на добрых тридцать метров, теряясь в темноте.

– Он выходит далеко за фундамент особняка и разделен на две неравных части капитальной стеной, – констатировал штурмбаннфюрер. – Мы находимся в его большей части.

– Чем он здесь занимался? – кивнув на запыленные стойки приборов и какое-то сложной конфигурации сооружение из нескольких вогнутых блестящих листов металла, стоящих

кольцом, спросил всех Петер Хейнеманн.

– Кто – он? Этот мальчишка-психопат, подорвавший себя с диверсантами и моих сотрудников? – вопросом на вопрос ответил Баатц. – Вы гляньте лучше на манускрипты.

В ближайшем углу подвала, рядом с винтовой лестницей, стоял большой старинный двухтумбовый стол с лампой в зеленом абажуре и креслом. На нем же присутствовал подсвечник, письменный чернильный прибор из ценного поддельного камня, папье-маше. Сбоку стола возвышался дубовый шкаф со стеклянными дверцами, на полках которого наряду с книгами располагалось и лабораторное оборудование – пучки различных проводов с контактами и зажимами. Чуть поодаль, около непонятной установки за мощным стальным щитом с окошечком из толстой плиты стекла, отделявшим угол с мебелью, находились стеллажи с приборами и регистраторами. На всем лежал толстый слой пыли.

– Приборы то германские, начала тридцатых годов, – проведя пальцем по табличке на боковой панели одного из регистраторов и разобрав маркировку, заметил Клюге. – Этим оборудованием давно не пользовались, наверное, несколько лет.

Он окинул взглядом подвал.

– Тексты написаны алхимическими терминами, их еще расшифровывать надо, – бережно переворачивая пожелтевшие пергаментные листы одного из фолиантов в потертом кожаном переплете, произнес Петер Хейнеманн. – Какие-то

схемы от руки нарисованы, сразу не понять. Много таблиц в конце манускрипта. В шкафу есть и книги по физике, монографии начала двадцатых годов на немецком.

* * *

Германия

Берлин-Далем

штаб-квартира «Аненэрбе»

декабрь 1940 года

Ледяной ветер гулял по улице между домами, задирая полы пальто у редких прохожих. Его порывы тут, в тихом районе Далема, были не такими сильными, как на центральных проспектах немецкой столицы.

У отдельно стоящего двухэтажного особняка на Пюхлерштрассе царило оживление. Здание было оцеплено за триста метров силами службы безопасности и сотрудниками уличной полиции. К нему непрерывно подъезжали и отъезжали представительные лимузины, из которых в штаб-квартиру «Аненэрбе» проходили чины СС и гестапо, гражданские лица.

Здесь проводилось совещание под председательством рейхсфюрера Гиммлера по итогам прошедшего года и планам на следующий.

– Фюрер уделяет большое внимание формированию у на-

ции здорового мировоззрения, опирающегося на историю древних германских племен и наши традиции, – заявил глава СС. – Деятельность вашего института в связи с этим приобретает первостепенное значение.

На совещании присутствовали руководство «Аненэрбе» и ответственные сотрудники аппарата РСХА²⁸.

– Финансирование ваших исследований и разработок будет проводиться в должном объеме, – добавил Гиммлер. – Мы ожидаем от вас плодотворной работы.

В перерыве рейхсфюрер переговорил по ряду вопросов в узком кругу в кабинете директора «Аненэрбе» Вальтера Вюста.

– Неделю назад на севере Норвегии в Нарвике при проведении операции силами гестапо по захвату на явке английских диверсантов и члена Сопротивления были обнаружены старинные оккультные книги, представляющие для нас интерес, – стал докладывать главе СС присутствовавший в кабинете заместитель директора «Аненэрбе» по научной части Вольфрам Зиверс.

– Что в этих книгах? – поинтересовался у него глава СС.

– Информация о плазмоидах, природных энергообразованиях, имеющих много общего с шаровыми молниями, – сообщил за своего руководителя имевший опыт контактов

с ними доктор Хейнеманн. – Это может помочь в создании нового вида оружия. Сходными исследованиями занимается доктор Георг Унрайн. Манускрипты написаны на латыни и по-норвежски, их еще надо перевести.

– Установлено, кому принадлежал этот архив?

– Особняк в Нарвике, где пытались захватить инсургентов²⁹, принадлежал Янису Ларсену, молодому человеку, уничтоженному вместе с английскими диверсантами, – доложил рейхсфюреру срочно вызванный в Берлин отвечавший в гестапо за оккупированную Норвегию штурмбаннфюрер Бернхард Баатц. – К Сопротивлению он примкнул недавно, а ранее учился в университете в Осло. Из состоятельной семьи, родители погибли во время высадки наших войск в Нарвике и боев за город. По словам знавших его, был натурой истеричной. Скорее всего, он и подорвал себя и находившихся в его доме англичан во время попытки их захвата. Погибло много сотрудников тайной полиции, в особняке хранилась взрывчатка. Этот взрыв разрушил часть внутренней перегородки здания, открыв замаскированный вход к оккультному архиву, а также лестницу в отгороженную капитальной стеной обширную часть подвала под особняком. Там оборудована настоящая лаборатория с очень странной установкой, представляющей собой систему зеркал с независимым электрогенератором и регистрирующей аппаратурой. Складывается впечатление, что Янис Ларсен и не подозревал о суще-

²⁹ Инсургенты – повстанцы. (прим. авт.)

ствовании скрытых помещений дома.

– Кому раньше принадлежал этот особняк? – теряя терпение, переспросил Гиммлер.

– Его деду, Ингмару Ларсену, умершему несколько лет назад, – ответил Баатц. – Личности крайне любопытной. Блестящий физик, закончил университет в Мюнхене. Работал у известных немецких ученых, подавал большие надежды. Но внезапно уехал к себе на родину, стал вести уединенный образ жизни. Контакт с научной средой не поддерживал. Среди старинных книг в подвале особняка были обнаружены также рабочие тетради с формулами и графиками, очень мало текста, вероятно принадлежавшие этому затворнику.

– Так может он открыл что-то во время своей работы в Германии?

– Похоже на то.

– Чем он у нас занимался?

– Строением материи.

Воцарилось молчание.

– А плазма это ведь тоже вид материи? – задал вопрос рейхсфюрер.

– Да, так, – подтвердил Петер Хейнеманн.

– Перевести оккультные книги. Передать тетради Ларсена доктору Унрайну, – подумав, приказал Гиммлер. – Вывезти все оборудование норвежца в Германию. Создать лабораторию этому ученому в нашем конструкторском бюро в Бреслау.

Португалия

Лиссабон

замок Святого Георгия

декабрь 1326 года

– Зачем ты сказал королю, что мне по силам получить «философский камень»? – угрюмо спросил Пьера Дельмонта Герметик, когда тот зашел в его келью.

Гай сидел над раскрытым манускриптом, пытаясь сосредоточиться и вникнуть в суть изложений одного арабского алхимика, благо книга была переведена на латынь.

– Ты же видел, как Арношт из Пардубице его получал, – ответил рыцарь. – Неужели не сможешь повторить все стадии?

– Это не так просто, как ты думаешь, – возразил естествоиспытатель. – На получение «философского камня» могут уйти месяцы напряженного труда, а то и вся работа окажется впустую. Просто твоему бенедиктинцу в тот раз сильно повезло. Португальский монарх злата алчет. Все зло от того, потому и держусь подальше от него.

– Кстати, о золоте, – вспомнил тамплиер. – Завтра приве-

зут тебе от Афонсу IV³⁰ повозку свинца, в последующие дни – еще две. Его ты будешь обращать в вожаденный металл.

– Сколько?! – задохнулся от изумления Герметик. – Да мне надо годами «Великое Деланье» творить, чтобы получить хотя бы десятую долю золота и то, если мне будет благо-волить удача!

– Не переживай, – усмехнувшись успокоил его Дельмонт. – Видишь эту нишу с полками?

В келье Гая, представлявшей собой жилье алхимика вместе с лабораторией, в дальнем углу и впрямь присутствовала стенная ниша с несколькими полками, на которых стояла кое-какая кухонная посуда.

– И что? – не понял смысла вопроса Герметик.

– За ней есть тайный ход, ведущий за стены замка в ближайшее подворье, – стал объяснять естествоиспытателю рыцарь. – Король запретил своим людям под страхом смерти заходить к тебе, кроме Фридриха и нас с Андрэ. Когда твой ученик и мой оруженосец притащат к тебе со двора весь свинец и сложат его здесь в келье, то потом они же с подворья за замком, которое я временно занял по разным надобностям, и будут понемногу заносить к тебе по идущему сюда ходу мешки с золотом и выносить свинец монарха. Только это золото обязательно расплавь в печи и залей вот в эту форму,

³⁰ Афонсу IV Храбрый – король Португалии и Алгарве с 7 января 1325 года. Из Бургундской династии, единственный сын короля Диниша I и Изабеллы Арагонской. (прим. авт.)

которую дал мне король, что я тебе принес, как будто ты его получил «Великим Деланьем».

– Какое золото?! – опять не понял Гай и забеспокоился. – Ты что задумал?!

– Пообещав монарху, что ты обратишь свинец в золото, я и не рассчитывал на это, – улыбнувшись, пояснил тамплиер. – Но нашему Ордену надо срочно размещать в Португалии скромные сбережения братства, вывезенные из Франции и Испании, где мы подвергаемся гонениям и разорению. Негоже, если здешние жители будут знать его величину. Зависть не лучшая черта людей. А так, всем станет известно, что кучу золота получил заезжий чародей-алхимик для местного короля. Деньги должны работать, а не лежать мертвым грузом. Потому мы и покупаем виноградники, постоянные дворы, даем ссуды нуждающимся в них. По негласному договору с монархом Португалии половина «сделанного» золота будет принадлежать Ордену Храма.

– Как все сложно и запутанно, – выслушав, молвил естествоиспытатель. – А попроще никак?

– После того, как наш Орден подвергся преследованиям, начиная с 1307 года во Франции королем Филиппом IV Красивым и папой Климентом V, сотни наших братьев взошли на костер, – продолжил Дельмонт. – Часть средств Ордена мы смогли переправить в Шотландию и через мнимое получение золота заезжими алхимиками легализовать его там

при помощи их короля Роберта Брюса³¹. Здесь в Португалии, где нам также король Диниш, отец нынешнего молодого монарха, предоставил убежище, мы один раз уже проделали такой же трюк. Проделаем его и во второй раз, благо позволяют условия и благорасположение к нам высоких коронованных особ, которым очень нужны деньги для укрепления своего государства и их власти. А золота мы себе еще добудем, как добывали не один раз, ты не сомневайся. У нас есть для этого все, что необходимо – передовые знания, которых нет и еще долго не будет у наших врагов, и воля к победе. Так ты с нами?

– С вами, – промедлив, подтвердил Герметик.

Вечером люди Афонсу IV привезли одну повозку обещанного свинца. Запыхавшиеся Фридрих и Андрэ, взмокшие от натуги, перетаскали кожаные мешки с тяжелым металлом в келью алхимика. Ночью через тайный ход с подворья к естествоиспытателю доставили золото тамплиеров в виде брусков различных размеров.

На следующее утро Гай растопил углем литейную печь в лаборатории, поставив ученика и оруженосца на мехá, и стал спустя время отливать в форме монарха принесенное золото. Еду и питье златоборцам носили исправно, оставляя за порогом жилья. За неделю все золото, что доставил рыцарь Ордена, переплавили в новенькие, отблескивающие слитки. Свинец, привезенный на трех повозках людьми короля, пе-

³¹ Роберт I Брюс – король Шотландии в 1306-1329 годах. (прим. авт.)

ретащили через тайный ход в подворье, в котором его сложил тамплиер. Он же и вывез его с Андрэ куда-то с глаз долой.

– Молодой монарх пожаловал тебя своей милостью титулом рыцаря-бастилье-ро³², – сообщил через несколько дней заглянувший к Герметику Дельмонт, после того как сделанные слитки отвезли королю, и продолжил. – Пора тебя уже привлекать к более серьезным делам нашего братства.

Спустя неделю вечерней порой, при свете факелов в одной старой часовне в присутствии старших братьев ордена Храма Гай принес клятву на служение тамплиерам и был посвящен в его члены.

– Чувствую, не отстанет от меня португальский монарх из-за злата, – поделился своими тревогами с Пьером естествоиспытатель. – Еще и в башню заточит, чтобы я не сбежал.

– Собирайся в дорогу, – развеял его думы рыцарь. – Мы совершим морское путешествие.

– Куда? В соседних государствах тамплиерам вроде не рады.

– А мы поплывем на юг.

– К маврам?

– Может и с ними встретимся.

³² Рыцарь-бастильеро – почётный титул человека, посвящённого монархом в рыцари, но не входящего в организованные рыцарские ордены. Присваивался ученым, образованным людям. (прим. авт.)

– В конце месяца два нефа «Пилигрим» и «Медуза» под командованием капитанов Рожэ Лорана и уже знакомого Герметика Гюстава Дюбонэ, с общим числом шестнадцать бомбард³³ на обоих кораблях, с большими выученными командами при наличии провианта и достаточных запасов пресной воды, в предрассветном тумане отплыли из бухты Мар-да-Палья, на одном берегу которой располагался Лиссабон, в открытый океан и вскоре исчезли на горизонте.

* * *

*Эквадор
провинция Морона-Сантьяго
Кордильера-дель-Кондор
берег реки Сенена
июнь 1941 года*

– Ика, пойдем нырять, я место хорошее знаю! – крикнул смуглый индейский подросток своему приятелю, обиравшему ягоды с кустарника и отправлявшему их себе в рот.

– погоди, Машутака, я сейчас! – ответил тот, как следует не прожевав.

Когда его с измазанным темно-красным соком мобы³⁴ ли-

³³ Бомбарда – название первых артиллерийских орудий с XIV по XV век. (прим. авт.)

³⁴ Моба – крупные плодовые кустарники, встречаются в диком виде от Перу

цом и руками увидел сверстник, то не выдержав заразительно рассмеялся.

Засмеялся в ответ и Петронию, которому придумал индейское прозвище Ика Машута́ка.

Сорванцы, одетые в простенькую одежку, с босыми ногами, сверкая пятками, понеслись по зыбкому спуску к реке, хватаясь за торчащие из земли корни и ветки ближайших кустарников на тропе. Вылетев на берег остановились, раздумывая куда дальше отправиться.

– Пойдем смотреть водовороты, – предложил Петронию.

– Далеко и глубоко там, еще твой дядя заругает, – засомневался Машутака. – Он говорит, что там много змей.

– Змей здесь везде много, – ответил Ика. – Просто тут граница рядом, вот он и беспокоится за нас. Так куда идем?

– Я место хорошее знаю, пойдем нырять, – повторил индейский подросток. – Там неглубоко.

Приятели побежали по берегу, достигнув точки, где река делала изгиб и с их стороны над водой нависал скальный, замшелый карниз.

– Тут рыбы много, – сообщил Машутака и предложил. – В следующий разхватишь свою удочку?

Петронию дорожил подарком дяди, хотя его индейский друг считал, что лучше использовать при рыбалке сок одной лианы, отчего вода сразу белела, а рыба просто засыпала и всплывала на поверхность.

Ребята разделись догола и полезли в теплую, мутную от взвеси суглинка воду, купаясь и ныряя. В это время года был паводок и сильное течение.

– Смотри, внизу подводный ход! – вынырнув сказал приятелю Ика. – Давай посмотрим, что там?

Друзья погрузились вместе, проплыв по наклонному вниз под карнизом ходу несколько метров и всплыли в вытянутом гроте, не до конца заполненному водой. У его свода оставалось достаточно места для воздушной подушки, чтобы можно было отдышаться и передохнуть.

– Ну что, поплывем дальше? – отплевываясь спросил напарника Петронио.

– Дальше нельзя. Мой отец говорил, что туда могут плавать только шаманы, – сообщил Машутака.

– А кто нас увидит? Мы только посмотрим, что там, – предложил Ика. – Ты же не расскажешь об этом вождю племени?

Так случилось, что сына погибшего случайно на охоте вождя племени ачуаров из-за возникших вследствие этого распрей среди индейцев по выбору нового предводителя пришлось на время отдать в семью старого друга погибшего. Им был Рауль Харамильо, являвшийся начальником ближайшей пограничной заставы и капитаном эквадорской армии. По случайному стечению обстоятельств у него уже жил сын его брата, ровестник Машутаки. Брат Рауля также был офицером, служившим на побережье в Мачале. За год подрост-

ки сдружились между собой и проводили все время вместе. Петронио стал понемногу понимать язык ачуаров, а сын во-
ждя освоил испанский.

– Ладно, поплыли, – принял решение индейский подро-
сток.

Друзья вплавь преодолели грот и снова нырнули, двигаясь
в подводном ходе, который привел их к каменным ступеням,
выходящим из воды на сухое место.

Всплыв, приятели очутились в наклонном туннеле, веду-
щем наверх.

– Не видно ничего, провалимся еще в какую-нибудь ды-
ру, – опасливо произнес Машутака, на ощуп поднимаясь по
ступеням.

– Гляди, впереди какое-то свечение, – сообщил ему Ика.
Глаза ребят понемногу привыкли к темноте и стали раз-
личать слабые контуры стен загадочного туннеля и ступени.

Осторожно прокравшись дальше, подростки прошли по
длинной прямой галерее и оказались у входа в пещеру, на
дне которой стелился светящийся туман и привлечший их
внимание.

– Не ходи туда! – дернул за руку Петронио оробевший ин-
деец. – Мне чего-то не по себе.

– Что это там?! – почему-то громким шепотом произнес
Ика, указав пальцем дальше по туннелю. – Какие-то шары
летают!

В конце хода, словно скопище бабочек, беспорядочно

кружили в воздухе несколько голубых и оранжевых шаров, величиной не больше апельсина. От них шел яркий свет, как от фонариков на праздничной рождественской гирлянде.

Когда приятели робко приблизились к ним, шары расступились, словно приглашая ребят в большую залу, уставленную статуями и поблескивавших от лучиков непонятных светячков металлических пластин, расположенных на ребрах рядами друг за другом.

– Они из золота! – оторопело ахнул Петронию, ощупывая пластины с нанесенными на них непонятными знаками. – И статуи тоже!

Потрясенные друзья переходили от предмета к предмету, понимая, что узнали какую-то тайну. Разноцветные шары вились вокруг них, касаясь кожи и обдавали приятным теплом, освещая удивительную пещеру.

– Что ты делаешь?! Не смей! – схватил за руку Ику сын вождя.

Петронию уже успел нацарапать ножиком, всегда имевшимся с собой, свои инициалы «Р. J.» на нескольких пластинах.

– Я всегда так делаю, – невозмутимо ответил подросток.

– Идем отсюда. Если наш шаман узнает, что мы здесь были, нам несдобровать! – потащил друга из залы Машутака. – И не вздумай рассказать об увиденном своему дяде!

– Ты знал об этой пещере? – спросил индейского сверстника Ика.

– Нет. Но старики в нашем селении поговаривали о спрятанных в горе дарах предков.

Приятели вернулись на берег тем же путем и пошли на пограничную заставу, где жили в домике бездетного капитана Харамильо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.